

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ

СРЕДНИЕ ВЕКА: АПОЛОГЕТИКА И ПАТРИСТИКА

Учебное пособие

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ СРЕДНИЕ ВЕКА: АПОЛОГЕТИКА И ПАТРИСТИКА

Рекомендовано методическим советом УрФУ
в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся
по программе бакалавриата по направлениям подготовки
47.03.01 «Философия», 46.03.01 «История»,
47.03.03 «Религиоведение»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2016

УДК 1(091)(075.8)
ББК Ю3(0)41я73-1
И907

А в т о р ы:

В. И. Кудрявцева, А. С. Меньшиков, С. П. Пургин, Ю. В. Циплакова

П о д о б щ е й р е д а к ц и е й
А. С. Меньшикова

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра культурологии Института филологии, культурологии
и межкультурной коммуникации

Уральского государственного педагогического университета
(заведующий кафедрой доктор культурологии, профессор И. Я. Мурзина);

Е. А. Степанова, доктор философских наук,
главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

Н а у ч н ы й р е д а к т о р

В. Т. Звиревич, доктор философских наук, профессор

И907 История зарубежной философии. Средние века: апологетика и патристика : [учеб. пособие] / [В. И. Кудрявцева, А. С. Меньшиков, С. П. Пургин, Ю. В. Циплакова ; под общ. ред. А. С. Меньшикова ; науч. ред. В. Т. Звиревич] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 324 с. + [4 с. цв. ил.].

ISBN 978-5-7996-1692-2

В учебном пособии представлены отрывки из произведений II–VI вв., относящихся к начальному периоду латинской и греческой патристики. В текстах отражена онтологическая, гносеологическая и антропологическая проблематика, этические и теологические основания христианства. Все материалы снабжены комментариями и вопросами для подготовки к семинарским занятиям.

Для студентов Института социальных и политических наук УрФУ (направления «Философия», «Религиоведение»), Института гуманитарных наук (направление «История»), изучающих историю зарубежной философии, а также для всех, кто желает познакомиться с классическими философскими текстами эпохи раннего Средневековья.

На обложке:

фрагмент иконы «София Премудрость Божия» (1857)

УДК 1(091)(075.8)
ББК Ю3(0)41я73-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей	5
Введение	6
Глава 1. Библия как основа христианского миропонимания	9
Начало мира	9
Книга Бытия	10
Евангелие от Иоанна	15
Библейская этика	17
Книга Исхода	18
Второзаконие	26
Евангелие от Матфея	36
Человек перед лицом Бога	43
Псалтирь	43
Книга пророка Исайи	46
Первое послание Иоанна	49
Первое послание к коринфянам	50
Послание к евреям	52
Глава 2. Ранние греческие апологеты.	
Начало христианской философии в рамках Античности	55
Св. Иустин Философ	56
Апология I, предоставленная в пользу христиан	
Антонину Благодетельному	56
Разговор с Трифоном Иудеем	61
Татиан Сириец	65
Слово к эллинам	65
Афинагор Афинский	71
Предстательство за христиан Афинагора Афинянина,	
христианского философа.	
Императорам Марку Аврелию Антонину	
и Луцию Аврелию Коммоду, [властителям] Армянским,	
Сарматским, а наипаче всего философам	72
Феофил Антиохийский	77
Послание к Автолику	78
Глава 3. Латинская апологетика	84
Квинт Септимий Флорент Тертуллиан	84
К язычникам	85

О прескрипции [против] еретиков	99
Марк Минуций Феликс	102
Октавий	102
Глава 4. Александрийская богословская (катехизаторская) школа	108
Филон Александрийский	109
О сотворении мира согласно Моисею	110
Климент Александрийский	116
Строматы	117
Ориген	130
О началах	130
Глава 5. Отцы каппадокийцы	140
Григорий Богослов (Назианзин)	141
О мире	142
Об умных сущностях	145
О душе	148
О добродетели	151
О человеческой природе	173
Василий Великий	177
Беседы на Шестоднев	178
Григорий Нисский	214
Об устройении человека	215
Глава 6. Латинская патристика	239
Аврелий Августин	239
Исповедь	240
О граде Божиим	288
Толкование на псалом 101	291
Глава 7. Поздняя греческая патристика	294
Дионисий Ареопагит	294
О мистическом богословии	296
Глава 8. Философские итоги Античности и предуготовление схоластики. Боэций	318
Могут ли «Отец», «Сын» и «Святой Дух» сказываться о Божестве субстанциально. К Иоанну диакону	319

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемое пособие направлено на облегчение студентам работы с первоисточниками, поскольку обычно тексты христианских мыслителей периода Средних веков очень объемны и перегружены богословской терминологией. Составители выбрали необходимые фрагменты для работы с философским содержанием текстов и снабдили каждое извлечение вопросами для обсуждения, что предполагает практическое использование материала.

Структура данного пособия построена по принципу разделения авторов первоисточников по принадлежности к двум основным историко-философским традициям – латинской и греческой. Каждая глава начинается с небольшой вводной части, в которой раскрываются особенности темы. Далее приводятся извлечения из текстов первоисточников, предваряемые краткой биографической справкой. В качестве иллюстративного материала использованы репродукции икон Невьянской школы иконописи первой половины XIX в.*

Следует отметить, что при извлечении фрагментов текстов составители исключили примечания переводчиков, которые сопровождали опубликованные источники, поскольку объем учебного пособия не позволяет привести их в необходимом количестве. Читателям, желающим ознакомиться с примечаниями, следует обратиться по указанным ссылкам в конце каждого извлечения.

* Невьянская икона: [альбом]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997.

ВВЕДЕНИЕ

В курсах истории философии Средневековье часто занимает незначительное место. Как считается, философия была подчинена религиозной догматике, и даже там, где смогла проявиться некоторая независимость мысли, трудно обнаружить особую философскую оригинальность. Если рассматривать историю философии как кумулятивный процесс познания или производства новых идей, то, вполне возможно, средневековая мысль и христианская философия будут казаться малоинтересными, неким провалом между пиками расцвета философствования в Античности и в Новое время. Однако при другом историко-философском подходе – проблемном, который и лежит в основе данного пособия, Средневековье может стать чрезвычайно богатым на находки полем исследования.

Прежде всего, если считать задачей философии двойной поиск, с одной стороны, истинного первоначала всего сущего (теоретическая философия), а с другой – высшего блага как регулятивного принципа жизни (практическая философия), то средневековые авторы занимаются – многие даже прямо утверждали так – философией, ибо именно Бог является первоначалом и высшим благом (теология). Христианские авторы расходились с традицией философствования Античности в том, что не считали человеческий разум способным постичь столь великие предметы собственными силами, как по причине бесконечного их превосходства, так и по причине слабости человеческого разума. Потому Божественное откровение становится тем знанием, которое обеспечивает человеку доступ к высшей истине и является завершением всякого философского поиска. Конечно, само понятие «завершение» содержит двусмысленность, ибо может пониматься как венец и исполнение, а может и как прекращение. В первом случае философия является

частью и необходимым элементом поиска высшей истины, во втором – излишним и даже отклоняющим от истинного знания суетным. Ранние апологеты использовали оба эти смысла: Иустин и Афинагор считали философию естественным преддверием к Богопознанию, а некоторых философов – «христианами до Христа», тогда как Татиан и Тертуллиан отвергали философию, а последний жестко противопоставил «Афины» и «Иерусалим». Однако провести жесткую границу не представляется возможным, деление на религиозную догматику и философскую мысль всегда будет произвольным и зависящим от установок исследователя. Такая искусственность в особенности очевидна применительно к раннему периоду, когда догматизация вероучения лишь формулируется, а демаркация границ с философией часто оспаривается. Августин своей жизнью продемонстрировал взаимопроникновение того и другого, всегда стремясь к преодолению мирской суеты, но никогда не переставая быть ищущим понимания философом.

Если оставить в стороне межевые споры, то ранний период христианской философии ставит перед нами интереснейшие вопросы. Каким образом происходит пересмотр понятия божества – от античного первоначала всего сущего к библейскому личному Богу? Каким образом можно совместить атрибуты перводвигателя и личностное понимание божества? Это чисто философская задача работы с понятиями и аргументами, независимо от тех или иных религиозных убеждений.

Почему происходит столь радикальная «переоценка ценностей»? Наиболее заостренно сформулированный контраст мы находим в диалоге Минуция Феликса «Октавий», когда, изобличая христианские нравы, Цецилий бросает следующие обвинения: «скрывающиеся, избегающие света, немые в обществе, говорливые в своих убежищах»; «презирают храмы как гробницы богов, насмеются над священными обрядами, милосердствуют о бедных, если возможно»; «презирают мучения, которые у них перед глазами, и боятся неизвестного и будущего»; «питают друг к другу любовь, не будучи между собой знакомы». Все представления о правильном образе жизни – общественной, религиозной, частной –

подрываются и, самое удивительное, замещаются новыми христианскими ценностями. Как такое возможно? Ответ на этот вопрос будет не только историко-культурологическим, но и философским.

Наконец, принимая во внимание современные задачи образования, которые требуют развития определенных компетенций, нужно признать, что именно изучение средневековых текстов помогает развить те навыки, которые очень трудно приобрести, работая с философскими сочинениями только в ракурсе поиска их оригинальности. Христианская философия имеет в своей основе заданные извне положения, сформулированные в догматах веры. Более того, набор тем остается достаточно ограниченным, поскольку, имея практическую цель – спасение души, человек всегда считает разного рода отклонения подозрительными и даже опасными. С одной стороны, такую ситуацию можно оценивать как подавляющую творческий потенциал авторов и ограничивающую свободу мышления; с другой стороны, именно такое положение обуславливает особенную интенсивность мысли, внимание к деталям, заботу о тонкостях, чуткость к малым различиям – те достоинства, которые всякий специализирующийся в философии студент должен приобрести, ибо глубина и четкость анализа философских проблем составляют главное преимущество профессионального философствования в сравнении с философствующими любителями.

Данное учебное пособие предназначено для студентов философских факультетов, желающих ознакомиться с текстами первоисточников. К каждому тексту предлагается ряд вопросов, которые помогут студенту понять представленные тексты в их связи и различии, а также выявить их философскую значимость.

Тексты и задания к главам 1, 3, 6, 7 подготовлены А. С. Меньшиковым; к главе 2 – В. И. Кудрявцевой; к главе 4 – Ю. В. Циплаковой; к главе 5 – Ю. В. Циплаковой и А. С. Меньшиковым, к главе 8 – С. П. Пургиным.

Глава 1

БИБЛИЯ КАК ОСНОВА ХРИСТИАНСКОГО МИРОПОНИМАНИЯ*

Поскольку христианская философия основана на осмыслении Библии, особое внимание в книге уделено фрагментам Писания, которые формируют представления о монотеизме, креационизме, Божественном откровении, заповедях как нравственном законе, завете между Богом и избранным народом. Возникновение мира и монотеистическое понимание божества излагаются в разделе *Сотворение мира и грехопадение человека*, который предлагается сопоставить с «Теогонией» Гесиода**.

В главе приводятся фрагменты из синодального перевода Библии. Тексты следующих разделов (*Богоявление народу Израиля и Закон, Исполнение Завета между Богом и избранным народом, Нагорная проповедь, Человек перед лицом Бога*) выбраны таким образом, чтобы позволить студенту проследить трансформацию представлений о божестве и отношений божества и мира в Ветхом и Новом Заветах.

Начало мира

В этом разделе предложены тексты, в которых излагаются представления о начале мира. Возникновение мира как результат творения Единым Богом (креационизм), а также рассуждение о том, что представляет собою «начало», легли в основу средневековых воззрений о космосе и его законах, о времени и временности тварного мира, о целях Творца и, следовательно, самого человека, который может либо согласовывать свои цели с Божественным промыслом, либо нарушать его.

* Извлечения из: Библия // Библия онлайн [интернет-портал]. URL: <http://www.bibleonline.ru/bible> (дата обращения: 16.09.2015).

** См. также: Армстронг К. История Бога : Тысячелетние искания в иудаизме, христианстве, исламе / пер. К. Семенова ; под ред. В. Трилиса и М. Добровольского. Киев ; М. : София, 2004 ; Армстронг К. Библия : Биография книги. М. : АСТ, 2008.

Книга Бытия

(гл. 1–3)

Сотворение мира и грехопадение человека

1 : 1. В начале сотворил Бог небо и землю.

2. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

3. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

4. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.

5. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

6. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды.

7. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.

8. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй.

9. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так.

10. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо.

11. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.

12. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что это хорошо.

13. И был вечер, и было утро: день третий.

14. И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов;

15. Да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так.

16. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды;

17. И поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю,

18. И управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо.

19. И был вечер, и было утро: день четвертый.

20. И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной.

21. И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо.

22. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле.

23. И был вечер, и было утро: день пятый.

24. И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.

25. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо.

26. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

27. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

28. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

29. И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам сие будет в пищу;

30. А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так.

31. И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.

- 2 : 1.** Так совершены небо и земля и все воинство их.
2. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал.
3. И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.
4. Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо,
5. И всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли,
6. Но пар поднимался с земли и орошал все лице земли.
7. И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою.
8. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал.
9. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.
10. Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки.
11. Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото;
12. И золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс.
13. Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш.
14. Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат.
15. И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его.
16. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть,
17. А от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь.
18. И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.

19. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

20. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему.

21. И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотью.

22. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку.

23. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа.

24. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть.

25. И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились.

3:1. Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?

2. И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть,

3. Только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть.

4. И сказал змей жене: нет, не умрете,

5. Но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.

6. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел.

7. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания.

8. И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая.

9. И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: где ты?

10. Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся.

11. И сказал: кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?

12. Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел.

13. И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела.

14. И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей;

15. И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятку.

16. Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою.

17. Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей;

18. Терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою;

19. В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься.

20. И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих.

21. И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их.

22. И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.

23. И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят.

24. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни.

Евангелие от Иоанна

(гл. 1)

Слово

- 1 : 1. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.
2. Оно было в начале у Бога.
3. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.
4. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.
5. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.
6. Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн.
7. Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него.
8. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете.
9. Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир.
10. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал.
11. Пришел к своим, и свои Его не приняли.
12. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими,
13. Которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились.
14. И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца.
15. Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит: Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня.
16. И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать,

17. Ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа.

18. Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил.

19. И вот свидетельство Иоанна, когда Иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: кто ты?

20. Он объявил, и не отрекся, и объявил, что я не Христос.

21. И спросили его: что же? ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет.

22. Сказали ему: кто же ты? чтобы нам дать ответ пославшим нас: что ты скажешь о себе самом?

23. Он сказал: я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия.

24. А посланные были из фарисеев;

25. И они спросили его: что же ты крестишь, если ты не Христос, не Илия, не пророк?

26. Иоанн сказал им в ответ: я крещу в воде; но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете.

27. Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня. Я не достоин развязать ремень у обуви Его.

28. Это происходило в Вифаваре при Иордане, где крестил Иоанн.

29. На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира.

30. Сей есть, о Котором я сказал: за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня.

31. Я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю.

32. И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем.

33. Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым.

34. И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий.

35. На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его.

36. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий.

37. Услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом.

38. Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно? Они сказали Ему: Равви, – что значит: учитель, – где живешь?

39. Говорит им: пойдите и увидите. Они пошли и увидели, где Он живет; и пробыли у Него день тот. Было около десятого часа.

40. Один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра.

41. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос;

42. И привел его к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал: ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень Петр.

Вопросы для обсуждения

1. Каковы стилистические сходства и отличия изложения истории возникновения мира в «Теогонии» Гесиода, Книге Бытия и Евангелии от Иоанна?

2. Кто выступает автором, который сообщает нам об истоках мира в этих трех текстах, и какие смысловые особенности вытекают из различия фигур автора?

3. Каковы последовательность и цель возникновения мира в текстах?

4. Каковы сходства и различия понимания божества в текстах?

5. Каковы место и роль человека в космогонии трех текстов?

Библейская этика

В этом разделе представлены тексты, в которых сформулировано этическое учение. Следует особо отметить полноту кодекса, представленного в Книге Исхода, который охватывает религиозные, межличностные, имущественные, ритуальные и культовые предписания, и лаконизм евангельской заповеди любви при ее необычной эмоциональной силе, о которой Иустин написал так: «В сердце моем тотчас возгорелся огонь, и меня объяла любовь к пророкам и тем мужам, которые суть други Христовы; и, размышляя с самим собою о словах Его, я увидел, что эта философия есть единая, твердая и полезная. Таким-то образом сделался я философом.

Желал бы я, чтобы и все были одних мыслей со мною и не отвращались от учения Спасителя; ибо оно внушает какой-то страх и владеет силою поражать тех, которые совратились от истинного пути, и вместе служит сладчайшим успокоением для тех, которые живут по нему» (Иустин, «Диалог с Трифоном-иудеем», гл. 8).

Книга Исхода

(гл. 19: 17–21: 30; 22: 14–22: 31; 24–25)

Богоявление народу Израиля и Закон

19: 17. И вывел Моисей народ из стана в сретение Богу, и стали у подошвы горы.

18. Гора же Синай вся дымилась от того, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась;

19. И звук трубный становился сильнее и сильнее. Моисей говорил, и Бог отвечал ему голосом.

20. И сошел Господь на гору Синай, на вершину горы, и призвал Господь Моисея на вершину горы, и взошел Моисей.

21. И сказал Господь Моисею: сойди и подтверди народу, чтобы он не порывался к Господу видеть Его, и чтобы не пали многие из него;

22. Священники же, приближающиеся к Господу, должны освящать себя, чтобы не поразил их Господь.

23. И сказал Моисей Господу: не может народ взойти на гору Синай, потому что Ты предостерег нас, сказав: проводи черту вокруг горы и освяти ее.

24. И Господь сказал ему: пойдя, сойди, потом взойди ты и с тобою Аарон; а священники и народ да не порываются восходить к Господу, чтобы не поразил их.

25. И сошел Моисей к народу и пересказал ему.

20: 1. И изрек Бог все слова сии, говоря:

2. Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства;

3. Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.

4. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли;

5. Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня,

6. И творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.

7. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно.

8. Помни день субботний, чтобы святить его;

9. Шесть дней работай и делай всякие дела твои,

10. А день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих;

11. Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его.

12. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

13. Не убивай.

14. Не прелюбодействуй.

15. Не кради.

16. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

17. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.

18. Весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и увидев то, народ отступил и стал вдали.

19. И сказали Моисею: говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть.

20. И сказал Моисей народу: не бойтесь; Бог пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили.

21. И стоял народ вдали, а Моисей вступил во мрак, где Бог.
22. И сказал Господь Моисею: так скажи сынам Израилевым: вы видели, как Я с неба говорил вам;
23. Не делайте предо Мною богов серебряных, или богов золотых, не делайте себе:
24. Сделай Мне жертвенник из земли и приноси на нем всесожжения твои и мирные жертвы твои, овец твоих и волов твоих; на всяком месте, где Я положу память имени Моего, Я приду к тебе и благословлю тебя;
25. Если же будешь делать Мне жертвенник из камней, то не сооружай его из тесаных, ибо, как скоро наложишь на них тесло твое, то осквернишь их;
26. И не всходи по ступеням к жертвеннику Моему, дабы не открылась при нем нагота твоя.
- 21 : 1.** И вот законы, которые ты объявишь им:
2. Если купишь раба Еврея, пусть он работает шесть лет, а в седьмой пусть выйдет на волю даром;
3. Если он пришел один, пусть один и выйдет; а если он женатый, пусть выйдет с ним и жена его;
4. Если же господин его дал ему жену и она родила ему сынов или дочерей, то жена и дети ее пусть останутся у господина ее, а он выйдет один;
5. Но если раб скажет: люблю господина моего, жену мою и детей моих, не пойду на волю, —
6. То пусть господин его приведет его пред богов и поставит его к двери, или к косяку, и проколет ему господин его ухо шилом, и он останется рабом его вечно.
7. Если кто продаст дочь свою в рабыни, то она не может выйти, как выходят рабы;
8. Если она не угодна господину своему и он не обручит ее, пусть позволит выкупить ее; а чужому народу продать ее не влаетен, когда сам пренебрег ее;
9. Если он обручит ее сыну своему, пусть поступит с нею по праву дочерей;

10. Если же другую возьмет за него, то она не должна лишаться пищи, одежды и супружеского сожития;

11. А если он сих трех вещей не сделает для нее, пусть она отойдет даром, без выкупа.

12. Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти;

13. Но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его, то Я назначу у тебя место, куда убежать убийце;

14. А если кто с намерением умертвит ближнего коварно, то и от жертвенника Моего бери его на смерть.

15. Кто ударит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти.

16. Кто украдет человека и продаст его, или найдется он в руках у него, то должно предать его смерти.

17. Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти.

18. Когда ссорятся, и один человек ударит другого камнем или кулаком, и тот не умрет, но сляжет в постель,

19. То, если он встанет и будет выходить из дома с помощью палки, ударивший не будет повинен смерти; только пусть заплатит за остановку в его работе и даст на лечение его.

20. А если кто ударит раба своего, или служанку свою палкою, и они умрут под рукою его, то он должен быть наказан;

21. Но если они день или два дня переживут, то не должно наказывать его, ибо это его серебро.

22. Когда дерутся люди, и ударят беременную женщину, и она выкинет, но не будет другого вреда, то взять с виновного пеню, какую наложит на него муж той женщины, и он должен заплатить оную при посредниках;

23. А если будет вред, то отдай душу за душу,

24. Глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу,

25. Обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб.

26. Если кто раба своего ударит в глаз, или служанку свою в глаз, и повредит его, пусть отпустит их на волю за глаз;

27. И если выбьет зуб рабу своему, или рабе своей, пусть отпустит их на волю за зуб.

28. Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мяса его не есть; а хозяин вола не виноват;

29. Но если вол бодлив был и вчера и третьего дня, и хозяин его, быв извещен о сем, не стерег его, а он убил мужчину или женщину, то вола побить камнями, и хозяина его предать смерти;

30. Если на него наложен будет выкуп, пусть даст выкуп за душу свою, какой наложен будет на него.

22 : 14. Если кто займет у ближнего своего скот, и он будет поврежден, или умрет, а хозяина его не было при нем, то должен заплатить;

15. Если же хозяин его был при нем, то не должен платить; если он взят был в наймы за деньги, то пусть и пойдет за ту цену.

16. Если обольстит кто девицу необрученную и переспит с нею, пусть даст ей вено и возьмет ее себе в жену;

17. А если отец не согласится выдать ее за него, пусть заплатит столько серебра, сколько полагается на вено девицам.

18. Ворожеи не оставляй в живых.

19. Всякий скотоложник да будет предан смерти.

20. Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен.

21. Пришельца не притесняй и не угнетай его, ибо вы сами были пришельцами в земле Египетской.

22. Ни вдовы, ни сироты не притесняйте;

23. Если же ты притеснишь их, то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их,

24. И воспламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами.

25. Если дашь деньги взаймы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста.

26. Если возьмешь в залог одежду ближнего твоего, до захождения солнца возврати ее,

27. Ибо она есть единственный покров у него, она – одеяние тела его: в чем будет он спать? итак, когда он возопиет ко Мне, Я услышу, ибо Я милосерд.

28. Судей не злословь и начальника в народе твоём не поноси.

29. Не медли приносить Мне начатки от гумна твоего и от тщи твоего; отдавай Мне первенца из сынов твоих;

30. То же делай с волом твоим и с овцою твоюю. Семь дней пусть они будут при матери своей, а в восьмой день отдавай их Мне.

31. И будете у Меня людьми святыми; и мяса, растерзанного зверем в поле, не ешьте, псам бросайте его.

24 : 1. И Моисею сказал Он: взойди к Господу ты и Аарон, Надав и Авиуд и семьдесят из старейшин Израилевых, и поклонитесь издали;

2. Моисей один пусть приблизится к Господу, а они пусть не приближаются, и народ пусть не восходит с ним.

3. И пришел Моисей и пересказал народу все слова Господни и все законы. И отвечал весь народ в один голос, и сказали: все, что сказал Господь, сделаем.

4. И написал Моисей все слова Господни и, встав рано поутру, поставил под горою жертвенник и двенадцать камней, по числу двенадцати колен Израилевых;

5. И послал юношей из сынов Израилевых, и принесли они всесожжения, и заклали тельцов в мирную жертву Господу.

6. Моисей, взяв половину крови, влил в чаши, а другую половиною окропил жертвенник;

7. И взял книгу завета и прочитал вслух народу, и сказали они: все, что сказал Господь, сделаем и будем послушны.

8. И взял Моисей крови и окропил народ, говоря: вот кровь завета, который Господь заключил с вами о всех словах сих.

9. Потом взошел Моисей и Аарон, Надав и Авиуд и семьдесят из старейшин Израилевых,

10. И видели Бога Израилева; и под ногами Его нечто подобное работе из чистого сапфира и, как самое небо, ясное.

11. И Он не простер руки Своей на избранных из сынов Израилевых: они видели Бога, и ели и пили.

12. И сказал Господь Моисею: взойди ко Мне на гору и будь там; и дам тебе скрижали каменные, и закон и заповеди, которые Я написал для научения их.

13. И встал Моисей с Иисусом, служителем своим, и пошел Моисей на гору Божию,

14. А старейшинам сказал: оставайтесь здесь, доколе мы не обратимся к вам; вот Аарон и Ор с вами; кто будет иметь дело, пусть приходит к ним.

15. И взшел Моисей на гору, и покрыло облако гору,

16. И слава Господня осенила гору Синай; и покрывало ее облако шесть дней, а в седьмой день Господь воззвал к Моисею из среды облака.

17. Вид же славы Господней на вершине горы был пред глазами сынов Израилевых, как огонь поядающий.

18. Моисей вступил в средину облака и взшел на гору; и был Моисей на горе сорок дней и сорок ночей.

25 : 1. И сказал Господь Моисею, говоря:

2. Скажи сынам Израилевым, чтобы они сделали Мне приношения; от всякого человека, у которого будет усердие, принимайте приношения Мне.

3. Вот приношения, которые вы должны принимать от них: золото, и серебро, и медь,

4. И шерсть голубую, пурпуровую и червленую, и виссон, и козью,

5. И кожи баряньи красные, и кожи синие, и дерева ситтим,

6. Елей для светильника, ароматы для елея помазания и для благовонного курения,

7. Камень оникс и камни вставные для ефода и для наперсника.

8. И устроят они Мне святилище, и буду обитать посреди их;

9. Все, как Я показываю тебе, и образец скинии и образец всех сосудов ее; так и сделайте.

10. Сделайте ковчег из дерева ситтим: длина ему два локтя с половиною, и ширина ему полтора локтя, и высота ему полтора локтя;

11. И обложи его чистым золотом, изнутри и снаружи покрой его; и сделай наверху вокруг его золотой венец.

12. И вылей для него четыре кольца золотых и утверди на четырех нижних углах его: два кольца на одной стороне его, два кольца на другой стороне его.

13. Сделай из дерева ситтим шесты и обложи их золотом;
14. И вложи шесты в кольца, по сторонам ковчега, чтобы посредством их носить ковчег;
15. В кольцах ковчега должны быть шесты и не должны отниматься от него.
16. И положи в ковчег откровение, которое Я дам тебе.
17. Сделай также крышку из чистого золота: длина ее два локтя с половиною, а ширина ее полтора локтя;
18. И сделай из золота двух херувимов: чеканной работы сделай их на обоих концах крышки;
19. Сделай одного херувима с одного края, а другого херувима с другого края; выдавшимися из крышки сделайте херувимов на обоих краях ее;
20. И будут херувимы с распростертыми вверх крыльями, покрывая крыльями своими крышку, а лицами своими будут друг к другу: к крышке будут лица херувимов.
21. И положи крышку на ковчег сверху, в ковчег же положи откровение, которое Я дам тебе;
22. Там Я буду открываться тебе и говорить с тобою над крышкою, посреди двух херувимов, которые над ковчегом откровения, о всем, что ни буду заповедывать чрез тебя сынам Израилевым.
23. И сделай стол из дерева ситтим, длиною в два локтя, шириною в локоть, и вышиною в полтора локтя,
24. И обложи его золотом чистым, и сделай вокруг него золотой венец.
25. И сделай вокруг него стенки в ладонь, и у стенок его сделай золотой венец вокруг;
26. И сделай для него четыре кольца золотых и утверди кольца на четырех углах у четырех ножек его;
27. При стенках должны быть кольца, чтобы влагать шесты, для ношения на них стола;
28. А шесты сделай из дерева ситтим и обложи их золотом, и будут носить на них сей стол;
29. Сделай также для него блюдо, кадила, чаши и кружки, чтобы возливать ими: из золота чистого сделай их;

30. И полагай на стол хлебы предложения пред лицом Моим постоянно.

31. И сделай светильник из золота чистого; чеканный должен быть сей светильник; стебель его, ветви его, чашечки его, яблоки его и цветы его должны выходить из него;

32. Шесть ветвей должны выходить из боков его: три ветви светильника из одного бока его и три ветви светильника из другого бока его;

33. Три чашечки наподобие миндального цветка, с яблоком и цветами, должны быть на одной ветви, и три чашечки наподобие миндального цветка на другой ветви, с яблоком и цветами: так на всех шести ветвях, выходящих из светильника;

34. А на стебле светильника должны быть четыре чашечки наподобие миндального цветка с яблоками и цветами;

35. У шести ветвей, выходящих из стебля светильника, яблоко под двумя ветвями его, и яблоко под другими двумя ветвями, и яблоко под третьими двумя ветвями его.

36. Яблоки и ветви их из него должны выходить: он весь должен быть чеканный, цельный, из чистого золота.

37. И сделай к нему семь лампад и поставь на него лампы его, чтобы светили на переднюю сторону его;

38. И щипцы к нему и лотки к нему из чистого золота;

39. Из таланта золота чистого пусть сделают его со всеми сими принадлежностями.

40. Смотри, сделай их по тому образцу, какой показан тебе на горе.

Второзаконие

(гл. 4, 1–39; 5–7)

Соблюдение Завета между Богом и народом

4: 1. Итак, Израиль, слушай постановления и законы, которые я научаю вас исполнять, дабы вы были живы, и пошли и наследовали ту землю, которую Господь, Бог отцов ваших, дает вам.

2. Не прибавляйте к тому, что я заповедую вам, и не убавляйте от того; соблюдайте заповеди Господа, Бога вашего, которые я вам заповедую.

3. Глаза ваши видели все, что сделал Господь с Ваал-Фегором: всякого человека, последовавшего Ваал-Фегору, истребил Господь, Бог твой, из среды тебя;

4. А вы, прилепившиеся к Господу, Богу вашему, живы все доныне.

5. Вот, я научил вас постановлениям и законам, как повелел мне Господь, Бог мой, дабы вы так поступали в той земле, в которую вы вступаете, чтоб овладеть ею;

6. Итак, храните и исполняйте их, ибо в этом мудрость ваша и разум ваш пред глазами народов, которые, услышав о всех сих постановлениях, скажут: только этот великий народ есть народ мудрый и разумный.

7. Ибо есть ли какой великий народ, к которому боги его были бы столь близки, как близок к нам Господь, Бог наш, когда ни призовем Его?

8. И есть ли какой великий народ, у которого были бы такие справедливые постановления и законы, как весь закон сей, который я предлагаю вам сегодня?

9. Только берегись и тщательно храни душу твою, чтобы тебе не забыть тех дел, которые видели глаза твои, и чтобы они не выходили из сердца твоего во все дни жизни твоей; и поведай о них сынам твоим и сынам сынов твоих, —

10. О том дне, когда ты стоял пред Господом, Богом твоим, при Хориве, и когда сказал Господь мне: собери ко Мне народ, и Я возведу им слова Мои, из которых они научатся бояться Меня во все дни жизни своей на земле и научат сыновей своих.

11. Вы приблизились и стали под горою, а гора горела огнем до самых небес, и была тьма, облако и мрак.

12. И говорил Господь к вам из среды огня; глас слов Его вы слышали, но образа не видели, а только глас;

13. И объявил Он вам завет Свой, который повелел вам исполнять, десятословие, и написал его на двух каменных скрижалях;

14. И повелел мне Господь в то время научить вас постановлениям и законам, дабы вы исполняли их в той земле, в которую вы входите, чтоб овладеть ею.

15. Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на Хориве из среды огня,

16. Дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину,

17. Изображения какого-либо скота, который на земле, изображения какой-либо птицы крылатой, которая летает под небесами,

18. Изображения какого-либо гада, ползающего по земле, изображения какой-либо рыбы, которая в водах ниже земли;

19. И дабы ты, взглянув на небо и увидев солнце, луну и звезды и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им, так как Господь, Бог твой, уделил их всем народам под всем небом.

20. А вас взял Господь и вывел вас из печи железной, из Египта, дабы вы были народом Его удела, как это ныне видно.

21. И Господь прогневался на меня за вас, и клялся, что я не перейду за Иордан и не войду в ту добрую землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе в удел;

22. Я умру в сей земле, не перейдя за Иордан, а вы перейдете и овладеете тою доброю землею.

23. Берегитесь, чтобы не забыть вам завета Господа, Бога вашего, который Он поставил с вами, и чтобы не делать себе кумиров, изображающих что-либо, как повелел тебе Господь, Бог твой;

24. Ибо Господь, Бог твой, есть огонь поядающий, Бог ревнитель.

25. Если же родятся у тебя сыны и сыны у сынов твоих, и, долго жив на земле, вы развратитесь и сделаете изваяние, изображающее что-либо, и сделаете зло сие пред очами Господа, Бога вашего, и раздражите Его,

26. То свидетельствуюсь вам сегодня небом и землею, что скоро потеряете землю, для наследования которой вы переходите за Иордан; не пробудете много времени на ней, но погибнете;

27. И рассеет вас Господь по всем народам, и останетесь в малом числе между народами, к которым ответит вас Господь;

28. И будете там служить богам, сделанным руками человеческими из дерева и камня, которые не видят и не слышат, и не едят и не обоняют.

29. Но когда ты взыщешь там Господа, Бога твоего, то найдешь Его, если будешь искать Его всем сердцем твоим и всею душою твою.

30. Когда ты будешь в скорби, и когда все это постигнет тебя впоследствии времени, то обратишься к Господу, Богу твоему, и послушаешь гласа Его.

31. Господь, Бог твой, есть Бог милосердый; Он не оставит тебя и не погубит тебя, и не забудет завета с отцами твоими, которыми Он клятвою утвердил им.

32. Ибо спроси у времен прежних, бывших прежде тебя, с того дня, в который сотворил Бог человека на земле, и от края неба до края неба: бывало ли что-нибудь такое, как сие великое дело, или слыхано ли подобное сему?

33. Слышал ли какой народ глас Бога, говорящего из среды огня, и остался жив, как слышал ты?

34. Или покушался ли какой бог пойти, взять себе народ из среды другого народа казнями, знамениями и чудесами, и войною, и рукою крепкою, и мышцею высокою, и великими ужасами, как сделал для вас Господь, Бог ваш, в Египте пред глазами твоими?

35. Тебе дано видеть это, чтобы ты знал, что только Господь есть Бог, и нет еще кроме Его;

36. С неба дал Он слышать тебе глас Свой, дабы научить тебя, и на земле показал тебе великий огонь Свой, и ты слышал слова Его из среды огня;

37. И так как Он возлюбил отцов твоих и избрал вас, потомство их после них, то и вывел тебя Сам великою силою Своею из Египта,

38. Чтобы прогнать от лица твоего народы, которые больше и сильнее тебя, и ввести тебя и дать тебе землю их в удел, как это ныне видно.

39. Итак, знай ныне и положи на сердце твое, что Господь есть Бог на небе вверху и на земле внизу, и нет еще кроме Его;

40. И храни постановления Его и заповеди Его, которые я заповедую тебе ныне, чтобы хорошо было тебе и сынам твоим после тебя, и чтобы ты много времени пробыл на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе навсегда.

5 : 1. И созвал Моисей весь Израиль и сказал им: слушай, Израиль, постановления и законы, которые я изреку сегодня в уши ваши, и выучите их и старайтесь исполнять их.

2. Господь, Бог наш, поставил с нами завет на Хориве;

3. Не с отцами нашими поставил Господь завет сей, но с нами, которые здесь сегодня все живы.

4. Лицом к лицу говорил Господь с вами на горе из среды огня;

5. Я же стоял между Господом и между вами в то время, дабы пересказывать вам слово Господа, ибо вы боялись огня и не восходили на гору. Он тогда сказал:

6. Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства;

7. Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим.

8. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в водах ниже земли,

9. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня,

10. И творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.

11. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо не оставит Господь без наказания того, кто употребляет имя Его напрасно.

12. Наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой;

13. Шесть дней работай и делай всякие дела твои,

14. А день седьмой – суббота Господу, Богу твоему. Не делай в оный никакого дела, ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни раба твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни всякий скот твой,

ни пришелец твой, который у тебя, чтобы отдохнул раб твой, и раба твоя, как и ты;

15. И помни, что ты был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, поэтому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботний.

16. Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

17. Не убивай.

18. Не прелюбодействуй.

19. Не кради.

20. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

21. Не желай жены ближнего твоего и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что есть у ближнего твоего.

22. Слова сии изрек Господь ко всему собранию вашему на горе из среды огня, облака и мрака громогласно, и более не говорил, и написал их на двух каменных скрижалях, и дал их мне.

23. И когда вы услышали глас из среды мрака, и гора горела огнем, то вы подошли ко мне, все начальники колен ваших и старейшины ваши,

24. И сказали: вот, показал нам Господь, Бог наш, славу Свою и величие Свое, и глас Его слышали мы из среды огня; сегодня видели мы, что Бог говорит с человеком, и сей остается жив;

25. Но теперь для чего нам умирать? ибо великий огонь сей пожрет нас; если мы еще услышим глас Господа, Бога нашего, то умрем,

26. Ибо есть ли какая плоть, которая слышала бы глас Бога живаго, говорящего из среды огня, как мы, и осталась жива?

27. Приступи ты и слушай все, что скажет тебе Господь, Бог наш, и ты пересказывай нам все, что будет говорить тебе Господь, Бог наш, и мы будем слушать и исполнять.

28. И Господь услышал слова ваши, как вы разговаривали со мною, и сказал мне Господь: слышал Я слова народа сего, которые они говорили тебе; все, что ни говорили они, хорошо;

29. О, если бы сердце их было у них таково, чтобы бояться Меня и соблюдать все заповеди Мои во все дни, дабы хорошо было им и сынам их вовек!

30. Пойди, скажи им: «возвратитесь в шатры свои»;

31. А ты здесь останься со Мною, и Я изреку тебе все заповеди и постановления и законы, которым ты должен научить их, чтобы они так поступали на той земле, которую Я даю им во владение.

32. Смотрите, поступайте так, как повелел вам Господь, Бог ваш; не уклоняйтесь ни направо, ни налево;

33. Ходите по тому пути, по которому повелел вам Господь, Бог ваш, дабы вы были живы, и хорошо было вам, и прожили много времени на той земле, которую получите во владение.

6:1. Вот заповеди, постановления и законы, которым повелел Господь, Бог ваш, научить вас, чтобы вы поступали так в той земле, в которую вы идете, чтоб овладеть ею;

2. Дабы ты боялся Господа, Бога твоего, и все постановления Его и заповеди Его, которые заповедую тебе, соблюдал ты, и сыны твои, и сыны сынов твоих во все дни жизни твоей, дабы продлились дни твои.

3. Итак, слушай, Израиль, и старайся исполнить это, чтобы тебе хорошо было, и чтобы вы весьма размножились, как Господь, Бог отцов твоих, говорил тебе, что Он даст тебе землю, где течет молоко и мед.

4. Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть;

5. И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими.

6. И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём.

7. И внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая;

8. И навязывай их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими,

9. И напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих.

10. Когда же введет тебя Господь, Бог твой, в ту землю, которую Он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, которых ты не строил,

11. И с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезями, высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не сажал, и будешь есть и насыщаться,

12. Тогда берегись, чтобы не забыл ты Господа, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства.

13. Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи, и Его именем клянись.

14. Не последуйте иным богам, богам тех народов, которые будут вокруг вас;

15. Ибо Господь, Бог твой, Который среди тебя, есть Бог ревнитель; чтобы не воспламенился гнев Господа, Бога твоего, на тебя, и не истребил Он тебя с лица земли.

16. Не искушайте Господа, Бога вашего, как вы искушали Его в Массе.

17. Твердо храните заповеди Господа, Бога вашего, и уставы Его и постановления, которые Он заповедал тебе;

18. И делай справедливое и доброе пред очами Господа, дабы хорошо тебе было, и дабы ты вошел и овладел доброю землею, которую Господь с клятвою обещал отцам твоим,

19. И чтобы Он прогнал всех врагов твоих от лица твоего, как говорил Господь.

20. Если спросит у тебя сын твой в последующее время, говоря: «что значат сии уставы, постановления и законы, которые заповедал вам Господь, Бог ваш?»

21. То скажи сыну твоему: «рабами были мы у фараона в Египте, но Господь вывел нас из Египта рукою крепкою;

22. И явил Господь знамения и чудеса великие и казни над Египтом, над фараоном и над всем домом его пред глазами нашими;

23. А нас вывел оттуда, чтобы ввести нас и дать нам землю, которую клялся отцам нашим дать нам;

24. И заповедал нам Господь исполнять все постановления сии, чтобы мы боялись Господа, Бога нашего, дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь, как и теперь;

25. И в сем будет наша праведность, если мы будем стараться исполнять все сии заповеди пред лицом Господа, Бога нашего, как Он заповедал нам».

7: 1. Когда введет тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы, Хеттеев, Гергесеев, Аморреев, Хананеев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев, семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя,

2. И предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их, тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз и не щади их;

3. И не вступай с ними в родство: дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего;

4. Ибо они отвратят сынов твоих от Меня, чтобы служить иным богам, и тогда воспламенится на вас гнев Господа, и Он скоро истребит тебя.

5. Но поступите с ними так: жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, и рощи их вырубите, и истуканов их сожгите огнем;

6. Ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле.

7. Не потому, чтобы вы были многочисленнее всех народов, принял вас Господь и избрал вас, — ибо вы малочисленнее всех народов,

8. Но потому, что любит вас Господь, и для того, чтобы сохранить клятву, которою Он клялся отцам вашим, вывел вас Господь рукою крепкою и освободил тебя из дома рабства, из руки фараона, царя Египетского.

9. Итак, знай, что Господь, Бог твой, есть Бог, Бог верный, Который хранит завет Свой и милость к любящим Его и сохраняющим заповеди Его до тысячи родов,

10. И воздаст ненавидящим Его в лице их, погубляя их; Он не замедлит, ненавидящему Его самому лично воздаст.

11. Итак, соблюдай заповеди и постановления и законы, которые сегодня заповедую тебе исполнять.

12. И если вы будете слушать законы сии и хранить и исполнять их, то Господь, Бог твой, будет хранить завет и милость к тебе, как Он клялся отцам твоим,

13. И возлюбит тебя, и благословит тебя, и размножит тебя, и благословит плод чрева твоего и плод земли твоей, и хлеб твой, и вино твое, и елей твой, рождаемое от крупного скота твоего и от стада овец твоих, на той земле, которую Он клялся отцам твоим дать тебе;

14. Благословен ты будешь больше всех народов; не будет ни бесплодного, ни бесплодной, ни у тебя, ни в скоте твоём;

15. И отдалит от тебя Господь всякую немощь, и никаких лютых болезней Египетских, которые ты знаешь, не наведет на тебя, но наведет их на всех, ненавидящих тебя;

16. И истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, дает тебе: да не пощадит их глаз твой; и не служи богам их, ибо это сеть для тебя.

17. Если скажешь в сердце твоём: «народы сии многочисленнее меня; как я могу изгнать их?»

18. Не бойся их, вспомни то, что сделал Господь, Бог твой, с фараоном и всем Египтом,

19. Те великие испытания, которые видели глаза твои, знамения, чудеса, и руку крепкую и мышцу высокую, с какими вывел тебя Господь, Бог твой; то же сделает Господь, Бог твой, со всеми народами, которых ты боишься;

20. И шершней найдет Господь, Бог твой, на них, доколе не погибнут оставшиеся и скрывшиеся от лица твоего;

21. Не страшись их, ибо Господь, Бог твой, среди тебя, Бог великий и страшный.

22. И будет Господь, Бог твой, изгонять пред тобою народы сии мало-помалу; не можешь ты истребить их скоро, чтобы не умножились против тебя полевые звери;

23. Но предаст их тебе Господь, Бог твой, и приведет их в великое смятение, так что они погибнут;

24. И предаст царей их в руки твои, и ты истребишь имя их из поднебесной: не устоит никто против тебя, доколе не искоренишь их.

25. Кумиры богов их сожгите огнем; не пожелай взять себе се-ребра или золота, которое на них, дабы это не было для тебя сетью, ибо это мерзость для Господа, Бога твоего;

26. И не вноси мерзости в дом твой, дабы не подпасть за-клятию, как она; отвращайся сего и гнушайся сего, ибо это за-клятое.

Евангелие от Матфея

(гл. 5–7)

Нагорная проповедь

5 : 1. Увидев народ, Он взшел на гору; и, когда сел, приступи-ли к Нему ученики Его.

2. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:

3. Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

4. Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

5. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

6. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

7. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

8. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

9. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

10. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Не-бесное.

11. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.

12. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небе-сах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

13. Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сдела-ешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям.

14. Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы.

15. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвеч-нике, и светит всем в доме.

16. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.

17. Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить.

18. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все.

19. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном.

20. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное.

21. Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду.

22. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синадрию; а кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной.

23. Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя,

24. Оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой.

25. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу;

26. Истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.

27. Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй.

28. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

29. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

30. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

31. Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную.

32. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

33. Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои.

34. А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий;

35. Ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя;

36. Ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.

37. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого.

38. Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб.

39. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую;

40. И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду;

41. И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.

42. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

43. Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего.

44. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,

45. Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

46. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?

47. И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

48. Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный.

6:1. Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного.

2. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою.

3. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая,

4. Чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

5. И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

6. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

7. А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны;

8. Не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

9. Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое;

10. Да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

11. Хлеб наш насущный дай нам на сей день;

12. И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;

13. И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь.

14. Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный,

15. А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.

16. Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

17. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое,

18. Чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

19. Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут,

20. Но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут,

21. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.

22. Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло;

23. Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?

24. Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне.

25. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды?

26. Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?

27. Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?

28. И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут;

29. Но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них;

30. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!

31. Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?

32. Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом.

33. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам.

34. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.

7:1. Не судите, да не судимы будете,

2. Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить.

3. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?

4. Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоём глазе бревно?

5. Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

6. Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обравшись, не растерзали вас.

7. Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам;

8. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

9. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?

10. И когда попросит рыбы, подал бы ему змею?

11. Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него.

12. Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки.

13. Входите тесными вратами, потому что широки врата и просторен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими;

14. Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

15. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные.

16. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?

17. Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые.

18. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые.

19. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь.

20. И так по плодам их узнаете их.

21. Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного.

22. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?

23. И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие.

24. Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне;

25. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне.

26. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке;

27. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегали на дом тот; и он упал, и было падение его великое.

28. И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его,

29. Ибо Он учил их как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи.

Вопросы для обсуждения

1. Каковы различия в формулировании нравственных правил в десяти заповедях Ветхого Завета и в заповедях блаженства Нового Завета?
2. Каково различие в понимании отношений между Богом и Его избранным народом во фрагментах Книг Исхода и Второзакония?
3. Каково отношение Иисуса к законодательству Моисея?
4. Какие нравственные принципы лежат в основе обоих законодательств?
5. Какое законодательство более строгое, по вашему мнению?

Человек перед лицом Бога

В этом разделе представлены тексты, в которых описываются возможные формы отношений человека с Богом. Часто роль псалмов, пророческих книг и посланий в формировании теологических и философских установок недооценивается. Но, например, влияние языка, стиля, логики Псалтири на «Исповедь» Августина отрицать невозможно. Пророчество о рождении от Девы, изложенное в Книге пророка Исайи, легло в основу христианских представлений о девственном рождении спасителя. Апостольские послания, будучи написаны простым и доступным языком, служили практическим руководством в повседневном поведении, тогда как Послание к коринфянам содержит определение веры, ставшее фундаментом для дальнейших размышлений о познании Бога.

Псалтирь

(гл. 22, 49, 101)

Человек перед лицом Бога

22 : 1. Псалом Давида.

Господь – Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться:

2. Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим,

3. Подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего.

4. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мною; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня.

5. Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена.

6. Так, благость и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни.

49 : 1. Псалом Асафа.

Бог Богов, Господь возглаголет и призывает землю, от восхода солнца до запада.

2. С Сиона, который есть верх красоты, является Бог,

3. Грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря.

4. Он призывает свыше небо и землю судить народ Свой:

5. «Соберите ко Мне святых Моих, вступивших в завет со Мною при жертве».

6. И небеса провозгласят правду Его, ибо судия сей есть Бог.

7. «Слушай, народ Мой, Я буду говорить; Израиль! Я буду свидетельствовать против тебя: Я Бог, твой Бог.

8. Не за жертвы твои Я буду укорять тебя; всесожжения твои всегда предо Мною;

9. Не приму тельца из дома твоего, ни козлов из дворов твоих,

10. Ибо Мои все звери в лесу, и скот на тысяче гор,

11. Знаю всех птиц на горах, и животные на полях предо Мною.

12. Если бы Я взалкал, то не сказал бы тебе, ибо Моя вселенная и все, что наполняет ее.

13. Ем ли Я мясо волов и пью ли кровь козлов?

14. Принеси в жертву Богу хвалу и воздай Всевышнему обеты твои,

15. И призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня».

16. Грешнику же говорит Бог: «что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои,

17. А сам ненавидишь наставление Мое и слова Мои бросаешь за себя?

18. Когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеями общаешься;

19. Уста твои открываешь на злословие, и язык твой сплетает коварство;

20. Сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клеветал;

21. Ты это делал, и Я молчал; ты подумал, что Я такой же, как ты. Изобличу тебя и представлю пред глаза твои грехи твои.

22. Уразумейте это, забывающие Бога, дабы Я не восхитил, — и не будет избавляющего.

23. Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня, и кто наблюдает за путем своим, тому явлю Я спасение Божие».

101 : 1. Молитва страждущего, когда он унывает и изливает пред Господом печаль свою.

2. Господи! услышь молитву мою, и вопль мой да придет к Тебе.

3. Не скрывай лица Твоего от меня; в день скорби моей преклони ко мне ухо Твое; в день, когда воззову к Тебе, скоро услышь меня;

4. Ибо исчезли, как дым, дни мои, и кости мои обожжены, как головня;

5. Сердце мое поражено, и иссохло, как трава, так что я забываю есть хлеб мой;

6. От голоса стенания моего кости мои прильпнули к плоти моей.

7. Я уподобился пеликану в пустыне; я стал как филин на развалинах;

8. Не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле.

9. Всякий день поносят меня враги мои, и злобствующие на меня кланут мною.

10. Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами,

11. От гнева Твоего и негодования Твоего, ибо Ты вознес меня и низверг меня.

12. Дни мои — как уклоняющаяся тень, и я иссох, как трава.

13. Ты же, Господи, вовек пребываешь, и память о Тебе в род и род.

14. Ты восстанешь, умиласердишься над Сионом, ибо время помиловать его, — ибо пришло время;

15. Ибо рабы Твои возлюбили и камни его, и о прахе его жалеют.

16. И убоятся народы имени Господня, и все цари земные – славы Твоей.

17. Ибо созиждет Господь Сион и явится во славе Своей;

18. Призрит на молитву беспомощных и не презрит моления их.

19. Напишется о сем для рода последующего, и поколение грядущее восхвалит Господа,

20. Ибо Он приникнул со святой высоты Своей, с небес призрел Господь на землю,

21. Чтобы услышать стон узников, разрешить сынов смерти,

22. Дабы возвещали на Сионе имя Господне и хвалу Его – в Иерусалиме,

23. Когда соберутся народы вместе и царства для служения Господу.

24. Изнурил Он на пути силы мои, сократил дни мои.

25. Я сказал: Боже мой! не восхити меня в половине дней моих. Твои лета в роды родов.

26. В начале Ты основал землю, и небеса – дело Твоих рук;

27. Они погибнут, а Ты пребудешь; и все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, и изменятся;

28. Но Ты – тот же, и лета Твои не кончатся.

29. Сыны рабов Твоих будут жить, и семя их утвердится пред лицом Твоим.

Книга пророка Исайи

(гл. 6–7)

Видение и пророчество Исайи

6 : 1. В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм.

2. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал.

3. И зывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!

4. И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился курениями.

5. И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа.

6. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника,

7. И коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен.

8. И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня.

9. И сказал Он: пойди и скажи этому народу: слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите.

10. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их.

11. И сказал я: надолго ли, Господи? Он сказал: доколе не опустеют города, и останутся без жителей, и дома без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет.

12. И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле.

13. И если еще останется десятая часть на ней и возвратится, и она опять будет разорена; но как от теревинфа и как от дуба, когда они и срублены, остается корень их, так святое семя будет корнем ее.

7: 1. И было во дни Ахаза, сына Иоафамова, сына Озии, царя Иудейского, Рецин, царь Сирийский, и Факей, сын Ремалиин, царь Израильский, пошли против Иерусалима, чтобы завоевать его, но не могли завоевать.

2. И было возвещено дому Давидову и сказано: Сирияне расположились в земле Ефремовой; и всколебалось сердце его и сердце народа его, как колеблются от ветра дерева в лесу.

3. И сказал Господь Исаии: выйди ты и сын твой Шеар-ясув навстречу Ахазу, к концу водопровода верхнего пруда, на дорогу к полю белильничьему,

4. И скажи ему: наблюдай и будь спокоен; не страшись и да не унывает сердце твое от двух концов этих дымящихся головней, от разгоревшегося гнева Рецина и Сирия и сына Ремалиина.

5. Сирия, Ефрем и сын Ремалиин умышляют против тебя зло, говоря:

6. Пойдем на Иудею и возмутим ее, и овладеем ею и поставим в ней царем сына Тавеилова.

7. Но Господь Бог так говорит: это не состоится и не сбудется;

8. Ибо глава Сирии – Дамаск, и глава Дамаска – Рецин; а чрез шестьдесят пять лет Ефрем перестанет быть народом;

9. И глава Ефрема – Самария, и глава Самарии – сын Ремалиин. Если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены.

10. И продолжал Господь говорить к Ахазу, и сказал:

11. Проси себе знамения у Господа Бога твоего: проси или в глубине, или на высоте.

12. И сказал Ахаз: не буду просить и не буду искушать Господа.

13. Тогда сказал Исаия: слушайте же, дом Давидов! разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего?

14. Итак, Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил.

15. Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе;

16. Ибо прежде, нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься, будет оставлена обоими царями ее.

17. Но наведет Господь на тебя, и на народ твой, и на дом отца твоего дни, какие не приходили со времени отпадения Ефрема от Иуды, наведет царя Ассирийского.

18. И будет в тот день: даст знак Господь мухе, которая при устье реки Египетской, и пчеле, которая в земле Ассирийской, –

19. И прилетят, и усядутся все они по долинам опустелым, и по раселинам скал, и по всем колючим кустарникам, и по всем деревьям.

20. В тот день обреет Господь бритвою, нанятою по ту сторону реки, царем Ассирийским, голову и волоса на ногах, и даже отнимет бороду.

21. И будет в тот день: кто будет содержать корову и двух овец,
22. По изобилию молока, которое они дадут, будет есть масло;
маслом и медом будут питаться все, оставшиеся в этой земле.
23. И будет в тот день: на всяком месте, где росла тысяча виноградных лоз на тысячу сребренников, будет терновник и колючий кустарник.
24. Со стрелами и луками будут ходить туда, ибо вся земля будет терновником и колючим кустарником.
25. И ни на одну из гор, которые расчищались бороздниками, не пойдешь, боясь терновника и колючего кустарника: туда будут выгонять волов, и мелкий скот будет топтать их.

Первое послание Иоанна (гл. 4)

Заповедь любви

4:1. Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире.

2. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога;

3. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире.

4. Дети! вы от Бога, и победили их; ибо Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире.

5. Они от мира, потому и говорят по-мирски, и мир слушает их.

6. Мы от Бога; знающий Бога слушает нас; кто не от Бога, тот не слушает нас. По сему-то узнаем духа истины и духа заблуждения.

7. Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога.

8. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь.

9. Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него.

10. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши.

11. Возлюбленные! если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга.

12. Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас.

13. Что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаем из того, что Он дал нам от Духа Своего.

14. И мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына Спасителем миру.

15. Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге.

16. И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем.

17. Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он.

18. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви.

19. Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас.

20. Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?

21. И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего.

Первое послание к коринфянам

(гл. 12)

Дары Духа и Церковь как мистическое тело

12 : 1. Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных.

2. Знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам, так, как бы вели вас.

3. Потому сказываю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым.

4. Дары различны, но Дух один и тот же;

5. И служения различны, а Господь один и тот же;

6. И действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех.

7. Но каждому дается проявление Духа на пользу.

8. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом;

9. Иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом;

10. Иному чудотворения, иному пророчество, иному различие духов, иному разные языки, иному истолкование языков.

11. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно.

12. Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос.

13. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом.

14. Тело же не из одного члена, но из многих.

15. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу?

16. И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу?

17. Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние?

18. Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно.

19. А если бы все были один член, то где было бы тело?

20. Но теперь членов много, а тело одно.

21. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или так же голова ногам: вы мне не нужны.

22. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее,

23. И которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения;

24. И неблагообразные наши более благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют в том нужды. Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение,

25. Дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге.

26. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены.

27. И вы – тело Христово, а порознь – члены.

28. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки.

29. Все ли Апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя? Все ли чудотворцы?

30. Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Все ли истолкователи?

31. Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший.

Послание к евреям

(гл. 11)

Вера

11 : 1. Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом.

2. В ней свидетельствованы древние.

3. Верую познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое.

4. Верую Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин; ею получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его; ею он и по смерти говорит еще.

5. Верою Енох переселен был так, что не видел смерти; и не стало его, потому что Бог переселил его. Ибо прежде переселения своего получил он свидетельство, что угодил Богу.

6. А без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает.

7. Верою Ной, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговев, приготовил ковчег для спасения дома своего; его осудил он (весь) мир, и сделался наследником праведности по вере.

8. Верою Авраам повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет.

9. Верою обитал он на земле обетованной, как на чужой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования;

10. Ибо он ожидал города, имеющего основание, которого хужожник и строитель Бог.

11. Верою и сама Сарра (будучи неплодна) получила силу к приятию семени, и не по времени возраста родила, ибо знала, что верен Обещавший.

12. И потому от одного, и притом омертвелою, родилось так много, как много звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском.

13. Все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле;

14. Ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества.

15. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться;

16. Но они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город.

32. И что еще скажу? Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффасе, о Давиде, Самуиле и (других) пророках,

33. Которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов,

34. Угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих;

35. Жены получали умерших своих воскресшими; иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение;

36. Другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу,

37. Были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления;

38. Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли.

39. И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного,

40. Потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства.

Вопросы для обсуждения

1. Если сопоставить моления к Богу и призывы к людям во фрагментах Ветхого (псалмы, Исайя) и Нового (1Иоан, 1Кор, Евр.) Заветов, какими в них предстают отношения между людьми и Богом?

2. Какова роль понятия любви в христианской этике и в учении о спасении (сотериологии)?

3. Что такое «дары духовные» и какова их роль в христианском сообществе?

4. Каково значение веры в Ветхом и Новом Заветах?

5. Что представляет собой вера в изложении апостола Павла?

Глава 2

РАННИЕ ГРЕЧЕСКИЕ АПОЛОГЕТЫ. НАЧАЛО ХРИСТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ В РАМКАХ АНТИЧНОСТИ

Постепенный переход к средневековому типу философствования происходит к I–II в. н. э. под влиянием молодой монотеистической религии. Христианство формирует основные черты новой философской традиции. Первые христианские мыслители пробовали себя в качестве апологетов-защитников, обосновывая преимущества христианства перед язычеством. Апология (ἀπολογία – *древнегреч.* защитительная речь) явилась способом оправдания образа жизни христиан, объяснения особенностей этого вероучения. С помощью апологий осуществлялась полемика с властью и образованной публикой. Поскольку собрания христиан были закрытыми, их деятельность сопровождалась нелепыми слухами, зачастую им выдвигались обвинения в безбожии, участии в оргиях, каннибализме, апологеты были вынуждены выступать с опровержениями и аргументированно доказывать несправедливость этих нападок.

Апологии оказали огромное влияние на становление и распространение христианства. Поскольку апологеты были в основном людьми, получившими философское или литературное образование, их сочинения были написаны на высоком уровне. В числе достоинств этих произведений были использование античной риторики, демонстрирование широкого кругозора авторов, системное изложение материала, сочетание философии, литературы, поэзии. Именно апологеты способствовали формированию христианской богословской терминологии.

Защищая христианскую веру, апологеты обращались к правителям, нередко принимая мученическую смерть за свои убеждения. Первые апологии, поданные императору Элию Адриану, были написаны Кодратом и Аристидом, но их сочинения известны нам только по свидетельствам церковных писателей. До наших дней дошли произведения Иустина, Татиана, Афинагора, Мелитона, Ермия, Феофила.

Святой Иустин Философ

(ок. 100 – между 163–167 гг.)

Святой Иустин Философ (святой Иустин Мученик) родился во Флавии Неаполе, древнем Сихеме (ныне Наблус, Израиль) в семье греческих колонистов. Получил хорошее образование, в поисках истины сменил несколько философских школ, однако случайная встреча со старцем повлияла на мировоззрение Иустина, и он обратился в христианство. После крещения Иустин активно занимается распространением идей христианского вероучения, странствуя и проповедуя, полемизируя с противниками – иудеями, еретиками и язычниками. Защищая христианство, Иустин принял мученическую смерть, оставив после себя сочинения, которые высоко оценили его современники и последователи. Эта популярность приводила иногда к тому, что под именем Иустина распространялись произведения неизвестных авторов.

Важными сочинениями, подлинность которых не подвергается сомнению, являются первая Апология (Большая) – Апология I, предоставленная в пользу христиан Антонину Благочестивому, вторая Апология (Малая) – Апология II, представленная в пользу христиан римскому сенату, и «Разговор с Трифоном иудеем».

Философия Иустина – это попытка обнаружить взаимосвязи между языческим наследием и христианством. Поскольку он был хорошо знаком со многими философскими системами, переход в христианство укрепил его мнение, что знание одно. Поиск истины в истории человечества шел разными способами, и в языческой философии можно обнаружить влияние учений ветхозаветных пророков. Однако христианское учение, по Иустину, стоит превыше философии.

Апология I, предоставленная в пользу христиан Антонину Благочестивому*

10. А нам предано, что Бог не имеет нужды в вещественных приношениях от людей, Он, Который, как мы видим, Сам все подает нам. Мы научены, и убеждены, и веруем, что Ему приятны

* Извлечения из кн.: Иустин : Творения / пер.с древнегреч. и примеч. П. Преображенского [репринт. изд.]. [М.] : Паломник ; Благовест, 1995. С. 39–90.

только те, которые подражают Ему в Его совершенствах – в целомудрии, правде и человеколюбии и во всем, что достойно Бога, Который не именуется никаким определенным именем. Мы научены также, что Он по благодати Своей в начале все устроил из безобразного вещества для людей, и что они, если по своим делам окажутся достойными Его назначения, удостоятся жить с Ним и царствовать с Ним, сделавшись свободными от тления и страдания. Ибо как создал Он нас в начале, когда мы не существовали, – таким же, думаем, образом тех, которые избрали благоугодное Ему, удостоить за это избрание нетления и сожительства с Собою. Что мы сотворены в начале, это было не наше дело; но чтобы мы избирали следовать тому, что Ему приятно, Он посредством дарованных нам разумных способностей убеждает нас и ведет к вере. И мне кажется, для всех людей важно то, чтобы им не препятствовали познать это учение, но еще обращали на него их внимание. Ибо чего не могли сделать законы человеческие, то произвело бы Слово Божие, если бы злые демоны при содействии находящейся в каждом человеке многообразной наклонности к злу не разоряли так много ложных и безбожных обвинений, из которых ни одно не идет к нам.

12. Что же касается до общественного спокойствия, мы вам содействуем и способствуем в том более всех людей, ибо мы держимся того учения, что ни злодею, равно как ни корыстолюбцу, ни злоумышленнику, ни добродетельному невозможно скрыться от Бога, и что каждый по качеству дел своих получит вечное мучение или спасение. Если бы все люди знали это, то никто не избирал бы зла на краткое время жизни, зная, что Он идет на вечное осуждение огненное, но всемерно сдерживал бы себя и украшался бы добродетелью, чтобы получить блага Божьего и избежать наказаний. Ибо не из страха установленных вами законов и наказаний люди стараются скрыть свои преступления; но они делают преступления, зная, что от вас как от людей можно укрыться. А если бы знали и уверены были, что от Бога ничего нельзя скрыть, не только никакого дела, но и намерения, то, по крайней мере, из страха наказаний всячески старались бы вести себя хорошо, –

в этом и вы согласитесь. А между тем, кажется, как будто вы боитесь, чтобы все не стали жить добродетельно, и вам уже некого будет наказывать: но это было бы прилично палачам, а не добрым правителям. Я, впрочем, уверен, что и это, как прежде сказал я, есть дело злых демонов, которые требуют жертв и служения от тех, которые живут противно разуму. Но вы, я думаю, которые любите благочестие и философию, не станете делать что-либо противное разуму. Если же и вы, подобно бессмысленным, обычай предпочитаете истине, то делайте, что можете. Правители, предпочитающие мнение истине, не более могущественны, как и разбойники в пустом месте. И вы не успеете в ваших делах – это объявляет само Слово, то Слово, которое после Бога-Отца есть державнейший и правосуднейший из всех правителей. Ибо как все отказываются получить в наследство бедность, или страдания, или бесславие отцовское, так разумный человек не станет избирать то, что избрать запрещает Слово. Что все это будет, предсказал – говорю – Учитель Наш, Сын и вместе посланник Отца всех и Владыки Бога Иисус Христос, от Коего получили мы и имя христиан. Оттого мы и тверды во всем, чему научены от Него, ибо на деле сбывается то, чему быть предварительно Он предрек: а это есть дело Божие, чтобы предсказать, как Он, какое-либо событие и чтобы оно произошло точно так, как предсказано. Итак, мне можно бы и остановиться на этом и не прибавлять ничего более в той мысли, что мы просим справедливого и истинного. Но так как знаю, что нелегко сделать внезапную перемену в душе, одержимой неведением, то для убеждения любящих истину я решился присовокупить еще несколько слов, зная, что не невозможно разогнать неведение, когда будет предложена истина.

20. И Сивилла, и Истасп говорили, что тленные вещи будут истреблены огнем. А так называемые стоические философы утверждают, что и сам Бог разрешится в огонь, и после такой перемены, говорят, снова произойдет мир. Мы же думаем, что Бог, Творец всего, превосходнее вещей изменяемых. Итак, если мы иное утверждаем согласно с уважаемыми у вас поэтами и философами, а другое – полнее и достойнее Бога, нежели они, и притом мы одни

имеем доказательство, то почему так несправедливо ненавидят нас более всех? Когда говорим, что все устроено и сотворено Богом, то окажется, что мы высказываем учение Платоново; когда утверждаем, что мир сгорит, то говорим согласно с мнением стоиков; и когда учим, что души злодеев, и по смерти имея чувствование, будут наказаны, а души добрых людей, свободные от наказаний, будут жить в блаженстве, то мы говорим то же, что и философы. Утверждая, что не должно поклоняться делу рук человеческих, мы говорим то же, что Менандр комик и другие подобных же мыслей: они говорили, что художник выше произведения.

28. У нас начальник злых духов называется змеем, и сатаной, и диаволом, как вы можете узнать это и из исследования наших книг. Он будет послан в огонь со всем своим воинством и с последующими ему человеками, чтобы мучиться бесконечный век, как предсказал Христос. А что Бог медлит привести это в исполнение, то это делается для рода человеческого: ибо Он предвидит, что некоторые спасутся через покаяние, некоторые даже, может быть, еще и не родившиеся. И в начале Он сотворил род человеческий разумным и способным избирать истинное и делать доброе для того, чтобы никакому человеку не оставалось перед Богом извинения; ибо все сотворены разумными и способными к созерцанию. Если же кто не верует, что Бог печется об этом, тот, хотя не прямо, отвергает бытие Его или должен будет сказать, что хотя Он есть, но услаждается злом и существует подобно камню и что ни добродетель, ни порок не существуют, а, по мнению только людей, одно почитается добром, а другое злом: это и есть величайшее нечестие и беззаконие.

43. Но чтобы кто из того, что выше сказано мною, не заключил, будто мы говорим, что события происходят по необходимости судьбы, так как они предсказаны по предведению, то разрешу и это. Мы научены пророками, что каждому по достоинству дел воздаются или наказания и мучения, или награды, и объявляем это за истину. Ибо если не так, но все бывает от судьбы, то совершенно нет в нас свободы. Если судьбою определено одному быть добрым, а другому порочным, то один не был бы достоин одобрения,

а другой порицания. Опять же, если бы человеческий род не имел способности со свободным произволением убегать порочного и избирать доброе, то Он не был бы виноват ни в чем, что бы ни делал. Но что Он со свободным произволением или поступает хорошо, или грешит, это мы таким образом доказываем: мы видим, что один и тот же человек переходит к противоположным вещам; а если бы определено было ему судьбою или быть порочным, или честным, то Он не был бы способен к таким противоположностям и не мог бы многократно переменяться. Да и не были бы одни хороши, а другие худы. Ибо тогда мы утверждали бы, что судьба причина пороков, и между тем делает противное самой Себе; или надлежало бы признать за истину вышесказанное положение, что нет ни добродетели, ни порока, но только во мнении различается доброе или худое; а это, как показывает истинный разум, есть величайшее нечестие и беззаконие. Судьбу же неизбежную мы допускаем в том, что избирающим доброе предлежит достойная награда, равно как избирающим противоположное – сообразные наказания! Ибо человека создал Бог не таким, как другие твари, например деревья и четвероногие, которые не могут действовать со свободою. Иначе он не был бы достоин награды или похвалы, если бы не свободно избирал доброе, но был сотворен таким; и не мог бы, если бы худ был, по справедливости быть наказан, когда бы был таков не Сам по себе, но потому что не мог бы быть иным, нежели чем он родился.

59. А чтобы вы знали, что Платон заимствовал от наших учителей, то есть из сказания, преподанного пророками, когда Он говорил, что Бог изменил безобразное вещество и сотворил мир, послушайте, как то же самое буквально сказано Моисеем, о котором было прежде упомянуто как о первом пророке и древнейшем, нежели эллинские писатели; через него пророчесственный Дух, возвещая, как и из чего вначале Бог образовал мир, сказал так: «вначале сотворил Бог небо и землю, земля была невидима, и тьма была над бездною, и Дух Божий носился над водами. И сказал Бог: да будет свет! И стало так» (Быт. 1 : 1–3). Таким образом и Платон, и другие, то же говорящие, и мы сами научились, да и вы можете

убедиться, что Словом Божиим весь мир создан из вещества, изображенного выше Моисеем. Даже то, что называется у ваших поэтов Эребом, мы знаем, прежде было упомянуто Моисеем.

Вопросы для обсуждения

1. Какие аналогии Иустин обнаруживает между христианскими воззрениями и философскими учениями древности?
2. Каковы основные положения антропологии Иустина?
3. Каково соотношение судьбы и свободы в понимании Иустина?

Разговор с Трифоном Иудеем*

61. – Но, друзья мои, – продолжал я, – представлю вам другое свидетельство от писаний в доказательство, что как начало прежде всех тварей Бог родил из Себя Самого некоторую разумную силу, которая от Духа Святого называется также славой Господа, то Сыном, то премудростью, то ангелом, то Богом, то Господом и Словом; Сам Он называет Себя также «вождем воинства», когда Он явился в образе человеческом Иисусу Навину. Ибо Он имеет все эти названия и от служения Своего воле Отеческой, и от рождения по воле Отца. Не видим ли подобное этому и в нас самих? Произнося какое-либо слово, мы рожаем его, но не чрез отделение, так чтобы уменьшалось слово в нас, когда мы его произносим. Подобным образом, мы видим, от огня происходит другой огонь, но так, что не уменьшается тот, от которого он возжен, а остается тем же, тогда как и возженный от него действительно существует и светит, без уменьшения того, от которого возжен. Свидетелем мне будет Слово премудрости, то Самое, Которое есть Бог, рожденный от Отца всего, Слово, и Премудрость, и Сила, и Слава Родившего; Оно чрез Соломона говорит так: «если Я возвещу вам то, что бывает ежедневно, –

* Извлечения из кн.: Иустин. Творения / пер. с древнегреч. и прим. П. Преображенного [репринт. изд.]. [М.] : Паломник: Благовест, 1995. С. 232–237.

перечислю то, что есть от века. Господь создал Меня как начало путей Своих в дела Свои. Он основал Меня прежде века, в начале, прежде, нежели Он сотворил землю и прежде нежели сотворил бездны, прежде, нежели произошли источники вод, прежде, нежели горы утвердились; прежде всех холмов Он рождает Меня. Бог сотворил страну, и пустыню, и возвышенности, обитаемые под небом. Когда Он приготавливал небо, Я была с Ним, и когда Он определял престол Свой на ветрах, когда укреплял верхние облака и когда устанавливал источники бездны, когда утверждал основание земли, Я была с Ним, устроая все. Мною Он радовался, и Я ежедневно веселилась пред Ним во всякое время, потому что Он веселился, совершив вселенную, и веселился о сынах человеческих. Итак, Мой сын, послушай Меня. Блажен муж, который послушается Меня, и человек, который будет следовать путям Моим, бодрствуя ежедневно при дверях Моих, наблюдая пороги Моих входов: ибо пути Мои суть пути жизни, и хотение уготовано от Господа. Но согрешающие против Меня нечестивы в отношении к своим собственным душам, и ненавидящие Меня любят смерть» (Пр. 8 : 21–26).

62. И это самое, друзья, объявляет Слово Божие и чрез Моисея, показывая вам, что Бог в том же смысле при сотворении человека говорил к Тому, Который указан, таким образом: «сотворим человека по образу Нашему и по подобию; и да обладают они рыбами морскими и птицами небесными и скотами и всею землею и всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И Бог сотворил человека, по образу Божию сотворил его, мужа и жену сотворил их. И Бог благословил их, говоря: распространяйтесь и умножайтесь и наполняйте землю и господствуйте над нею» (Быт. 1 : 26–28). Но чтобы вы не извратили мысли приведенных мною слов, выставяя то, что говорят ваши учителя, – будто Бог Самому Себе говорил «сотворим», как и мы, намереваясь что-нибудь делать, часто говорим самим себе: сделаем, или Бог сказал «сотворим», обращаясь к стихиям, т. е. к земле и другим веществам, из которых представляем человека созданным: то опять приведу слова самого Моисея, из которых можем несомненно узнать, что Бог говорил к Какому-то

от Него различному по числу и разумному Существо. Вот эти слова: «И сказал Бог: вот Адам стал, как один из Нас, чтобы знать доброе и злое» (Быт. 3 : 22). Говоря «как один из Нас», Он указал на число Лиц, соприсущих друг другу, и по крайней мере двух. Ибо я не могу признать справедливым того, что проповедует учение, признаваемое вами самими за еретическое, или что способны доказывать его распространители, – будто Бог говорил ангелам и будто человеческое тело есть создание ангелов. Но это есть то по истине происшедшее от Отца порождение, которое прежде всех тварей было с Отцом и к которому Отец говорит, – как Писание чрез Соломона показывает, что это самое порождение, называемое у Соломона премудростью, рождено Богом и как начало прежде всех тварей. И Он Сам в откровении Иисусу Навину возвещает эту истину. А чтобы сказанное мною было вполне доказано вам, выслушайте следующие слова из книги Иисуса: «и было, когда Иисус был в Иерихоне, он поднял глаза свои и видит человека, стоящего напротив него. И Иисус подошел к Нему и сказал: наш ли ты или из наших неприятелей? И Он сказал ему: Я, вождь воинства Господа, теперь пришел. Иисус пал лицом на землю и сказал Ему: Господь, что повелеваешь рабу твоему? И вождь Господний говорит Иисусу: сними обувь с ног твоих, ибо место, на котором стоишь, – земля святая. И Иерихон был заперт и укреплен, и никто не выходил из него. И Господь сказал Иисусу: вот Я предаю в твои руки Иерихон, и царя его, и мужей, крепких силою» (Нав. 5 : 13 – 6 : 2).

63. – Ты доказываешь сильно и подробно, друг мой, – сказал Трифон: теперь покажи, что Он по воле Своего Отца снизошел родиться человеком от девы, быть распятым и умереть; и докажи, что после того Он воскрес и вознесся на небо.

– Это уже доказано, государи мои, – отвечал я, – прежде приведенными словами пророчеств, но я опять повторю их, и объясню вам, и постараюсь убедить вас к согласию со мною. Слова Исайи: «кто расскажет род Его? Ибо жизнь Его берется от земли», не представляются ли тебе сказанными в том смысле, что Тот не от человеков имеет род, кто, сказано, за грехи народа предан Богом

на смерть? О крови Его и Моисей, как я прежде упоминал, приточно говорил: «Он омоет в крови грозда одежду Свою», так как кровь Его произошла не от семени человеческого, но от воли Божией. И слова Давида: «в сияниях святых Твоих, из чрева Я родил Тебя прежде утренней звезды; Господь поклялся и не раскается; Ты иерей вовек по чину Мелхиседекову» (Пс. 109 : 3–4) не показывают ли вам, что Бог и Отец всего искони хотел, чтобы Он родился и от чрева человеческого? И в другом месте, мною уже приведенном, Бог говорит: «престол Твой, Боже, в век века; жезл правоты – жезл царства Твоего. Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие; поэтому Бог, Бог Твой, помазал Тебя елеем радости больше причастников Твоих. Смирна, драгоценная камедь и кассия от одежд Твоих, от палат из слоновой кости, которыми увеселяли Тебя. Дочери царей в чести Твоей; по правую сторону Твою предстала царица, облеченная в золотую одежду, испещренная. Слушай, дочь, смотри и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И Царь пожелает красоты твоей, ибо Он Господь твой, и ты будешь поклоняться Ему» (Пс. 44 : 6–12). Эти слова ясно означают, что Он есть поклоняемый и Бог и Христос, свидетельствуемый Тем, Который сделал это. Они также ясно показывают, что Слово Божие обращается к верующим в Него, которые суть одна душа, один сонм и одна церковь, как к дочери, т. е. к церкви, образовавшейся от Его имени и носящей Его имя (ибо все мы называемся христианами), и научают нас забыть древние отеческие обычаи; они так говорят: “слушай, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего; и Царь пожелает красоты твоей; ибо Он Господь твой, и ты будешь поклоняться Ему”.

Вопросы для обсуждения

1. Что такое Божественное Слово, согласно Иустину?
2. Каким образом в понимании Иустина происходит сотворение человека?

Татиан Сириец

(1-я четверть II в. – ок. 175 г.)

Родом из Ассирии. Увлекался мифологией, историей, философией, ораторским мастерством, любил поэзию. Много путешествовал, интересовался религиозными воззрениями разных народов. Испытывая разочарование от мифологии и философии, Татиан обратился к текстам Священного Писания, которое произвело на него сильное впечатление. Попад под влияние «варварской мудрости», восхищаясь стойкостью христиан, их готовностью пострадать за веру, он принимает христианство. В Риме Татиан становится учеником Иустина и начинает проповедовать и защищать вероучение. После мученической смерти Иустина он уезжает в Сирию, где поддается гностическим ересям. Таким образом, его творчество можно разделить на два этапа – апологический и гностический. О большинстве его работ известно только в виде упоминаний у других авторов или отрывков. Считается, что Татиан подготовил свод евангелий под названием «Диатессарон» («Евангелия от четырех»), которым активно пользовались христиане в Сирии. Основная работа Татиана «Речь против эллинов» («Слово к эллинам») имела большой спрос, на нее ссылались современники, ее цитировали последователи.

Татиан не разделял позиции своего учителя Иустина в вопросах связи античной традиции и христианства. Он резко высказывался против эллинов, категорично утверждая превосходство христианской религии перед язычеством. Апология Татиана представляет собой целостную систему христианского мировоззрения.

Слово к эллинам*

4. Зачем же вы, мужи эллины, словно в кулачном бою, хотите столкнуть с нами народы? И если я не хочу вместе с кем-то пользоваться его узаконениями, почему меня ненавидят, как последнего мерзавца? Император приказывает платить подать – я готов давать ее. Господин велит прислуживать и быть рабом – я признаю рабство. Ибо человека подобает почитать как человека, а бояться только Бога, который невидим человеческими очами и невыразим искусством. Вот от Него только если мне прикажут отречься, я не пови-

* Извлечения из кн.: Раннехристианские апологеты II–IV веков : переводы и исследования. М. : Ладомир, 2000. С. 95–101.

нуюсь, но скорее умру, чтобы не оказаться лживым и неблагодарным. Бог, как мы Его понимаем, не имеет начала во времени как единственный безначальный и Сам начало всего. «Бог есть дух», не пронизывающий вещество, но Создатель вещественных духов и образов, невидимый и неосязаемый, Сам Отец чувственного и видимого. Мы знаем Его через творение и «невидимое силы Его постигаем в творениях» (Рим 1: 20). Я не хочу поклоняться творению, Им созданному ради нас. Солнце и Луна возникли ради нас – как же я буду поклоняться моим прислужникам? Как назову дерево и камни богами? Ибо дух, пронизывающий вещество, который, поскольку уподобляется веществу, ниже более божественного Духа, не следует почитать наравне с совершенным Богом. Но и неизменяемого Бога нельзя подкупать, потому что Того, Кто не нуждается ни в чем, не должно представлять нуждающимся. Но я изложу наши воззрения яснее.

5. «Бог был в начале», предание же учит, что «начало» есть сила Слова. Ибо Владыка вселенной, Сам будучи существованием всего, был один постольку, поскольку еще не совершилось творение, поскольку же с ним была вся возможность видимых и невидимых, Он, Сам вместе с Собою, и Слово, Которое было в Нем, произвели все. Слово же исходит по воле простоты Его, и Слово, пройдя не через пустоту, становится первородным Его делом. Оно, мы знаем, и есть начало мира. Произошло же Оно разделением, а не отсечением; ибо отсеченное разобщено с тем, что было первоначально, а отделенное, приняв разделение для какой-то цели, не вносит недостатка туда, откуда было взято. Ибо как от одного факела можно зажечь много огней, свет же первого факела не уменьшается от зажигания многих других, так и Слово, произойдя от силы Отца, не сделало Родителя бессловесным. Ведь и я сам говорю, а вы слушаете, и из-за прехождения слова я, беседуя, не лишаюсь его, но, произнося звуки, я решил упорядочить в вас неустроенное вещество, и, подобно тому как Слово, рожденное в начале, в свою очередь, породило Само для Себя (видимое) нами творение, создав вещество, так же и я в подражание Слову, возродившись и придя

к пониманию истины, преобразую сумятицу родственного вещества. Ибо вещество не безначально, как Бог, не равносильно Богу из-за своего безначалия, но оно возникло и стало быть благодаря не кому иному, как только Создателю всего.

6. Поэтому мы верим, что будет и телесное воскресение после конца мира, не так, как утверждают стоики, будто одно и то же вечно появляется и исчезает без всякой пользы в соответствии с какими-то повторяющимися круговращениями, но когда наш век окончится раз и навсегда, воскресение произойдет только для людей ради суда. Судьи же нам не Минос или Радамант, до кончины которых, как баснословят, ни одна душа не была судима, но Сам Бог Творец будет нам испытателем.

Какими бы болтунами и «суесловами» вы нас ни считали, нам нет дела, ибо мы веруем в это. Ибо как я, еще не существуя, прежде чем появиться, не знал, кто я, но лишь пребывал в существе плотского вещества, а не так давно возникнув, через это возникновение удостоверился в своем бытии – тем же самым образом, возникнув и со смертью перестав быть и исчезнув, я снова буду как бы недавно возникшим, а затем родившимся. И если даже огонь уничтожит мою плоть, испарившееся вещество останется в мире, и пусть я истлел в реке или в море или был разорван зверями – я сохранен в кладовых богатого хозяина. И нищий, и безбожник не знает о хранимом, но царствующий Бог, когда захочет, возвратит лишь видимое его существо в первоначальное состояние.

7. Ибо небесное Слово, будучи Духом от Духа и Словом от словесной способности, подражая породившему Его Отцу, сотворило человека образом бессмертия, чтобы как нетление присуще Богу, тем же образом и человек, приобщившись к Божию уделу, имел бессмертие. Итак, Слово до сотворения человека становится создателем ангелов; каждый же из обоих видов творения получил свободу воли, не будучи благим по природе (что свойственно только Богу, людьми же достигается в свободном выборе), чтобы дурной человек был справедливо наказан, сам по себе став негодяем, а праведник получил достойную похвалу за свои подвиги, по сво-

бодной воле не преступив Божьего повеления. Вот как обстоит дело с ангелами и людьми: а сила Слова, имея предвидение о том, что сбудется благодаря не року, но свободному волеизъявлению и выбору, предсказывала будущие события, препятствуя злу запретами и восхваляя тех, кто остался добродетелен. И так как люди и ангелы последовали за неким, кто был умнее прочих из-за своего первородства, и провозгласили богом восставшего против закона Божия, сила Слова тогда отлучила зачинщика беззакония и его последователей от пребывания с Собою. И тот, возникший по образу Божию, когда покинул его более могущественный дух, стал смертен, а из-за грехопадения и безумия назван был первородным демоном, и все подражатели его. Видения же его превратились в бесовское воинство и ради свободы воли преданы были своему скудоумию.

12. Мы знаем два различных рода духов, из коих один называется душой, а другой более души, образ и подобие Бога, – но и то, и другое было у первых людей, так что в чем-то они были вещественны, а в чем-то – выше вещества. Дело же вот в чем. Можно видеть, что все устройство мира и все творения возникли из вещества, а вещество произведено Богом так, чтобы некая его скудость и безобразность мыслилась до того, как оно получило различие, а устройство и упорядоченность – после происшедшего в нем разделения. Итак, есть в нем вещественное небо, и звезды на нем, да и земля, и все живое, ею рожаемое, имеет подобный состав, так что у всего общее происхождение. При том, что все это так, среди произведений вещества есть некое различие, так что нечто прекраснее, а нечто тоже хорошо, но уступает чему-то лучшему. Ведь как состав тела имеет единое устройство, и причина возникновения связана с телом (как целым), но при всем том в нем есть некоторые различия, и есть глаз, есть ухо, есть прическа, есть устройство внутренностей и скрепление мозга, костей и жил, и одно, отличаюсь от другого, в соответствии с замыслом образует гармоническое согласие, – так же и мир, по силе Сотворившего его имея в себе что-то более блистательное, а что-то – не сходное с тем, волею Творца получил долю вещественного духа. Подробности же может по-

нять тот, кто не отбрасывает тщеславно божественнейшие толкования, которые, с течением времени излагаемые на письме, сделаны внимающих им весьма боголюбивыми.

Однако же и демоны, которых вы так именуете, образовавшись из вещества и дух получив от него же, стали развратны и жадны, и (хотя) некоторые из них перешли в более чистое состояние, другие избрали худшее в веществе и ведут себя подобно ему. Им-то, мужи эллины, вы и поклоняетесь, происшедшим из вещества и далеким от правильного поведения. Ибо они, по глупости своей впад в тщеславие, взбунтовались и вознамерились стать похитителями божества, Владыка же всего оставил их роскошествовать, пока мир, придя к концу, не разрушится, и не приидет судия, и все люди, вопреки сопротивлению демонов стремящиеся к познанию Бога, не обретут трудами своими в судный день свидетельство совершенное.

Итак, есть дух в светилах, дух в ангелах, дух в растениях и водах, дух в людях, дух в животных, но, один и тот же, он имеет в себе различия. А так как мы говорим это не понаслышке, и не по догадке, и не от понятий и софистических построений, но пользуясь словами некоего божественного возглашения, поспешите научиться, кто желает – и те, кто не отвергает скифа Анахарсиса, не считите недостойным и теперь принять наставление от последователей варварского законодательства. Воспользуйтесь нашими учениями хотя бы как вавилонскими предсказаниями – услышите наши речи хотя бы как вещего дуба. И то, о чем говорилось раньше, – уловки сумасшедших демонов, а наша ученость выше мирского постижения.

13. Душа, о мужи эллины, сама по себе не бессмертна, а смертна – но она может и не умирать. Ведь она, не зная истины, умирает и распадается вместе с телом и воскресает позднее при конце мира, принимая вместе с телом смерть через наказание в бессмертии, – и наоборот, не умирает, даже отрешившись на время, если познает Бога. Ибо сама по себе она есть тьма, и нет в ней ничего светлого. Об этом и сказано: «Тьма свет не объяла» (Ин 1 : 5). Ибо душа

не сама спасла дух, но спасена им, и свет объял тьму в том смысле, что свет Божий есть Слово, а тьма – душа невежд. Поэтому, пребывая в одиночестве, она тяготеет вниз, к веществу, умирая вместе с плотью, а стяжав союз с духом Божественным, [уже] не беспомощна, но восходит туда, куда ведет ее дух. Ибо его обиталище вверх, ее же происхождение дальнее. Итак, дух изначально пребывал вместе с душою, но оставил ее, когда она не захотела последовать за ним. Она же, получив как бы искру его силы и из-за разлучения не способная созерцать совершенство, взыскав Бога, в заблуждении вообразила многих богов, следуя враждебным ухищрениям демонов. Дух же Божий есть не у всех, но, вселяясь в некоторых живущих праведно и переплетаясь с [их душою], он через предсказания возвестил сокровенное прочим душам, – и одни, послушавшись премудрости, привлекли к себе самим родственный дух, а непослушные и отвергающие служителя страдавшего Бога оказались скорее богоборцами, чем богопоклонниками.

14. Вот и вы таковы, о эллины, на словах речистые, а представлениями нелепые. И вы упражняетесь в «многовластии» скорее, чем в единоначалии, полагая, что следуете за демонами, которые будто бы могущественны. Ибо как разбойник, будучи бесчеловечен, отвагой обычно одолевает себе подобных, так и демоны, далеко зайдя во зло, с помощью невежества и привидений обманули ваши оставшиеся в одиночестве души.

Умирают эти демоны не так легко, потому что лишены плоти, но вживе творят дела смерти, умирая и сами столько же раз, сколько научают греху своих последователей, так что теперешнее их преимущество, что они не умирают подобно людям, останется у них и при грядущем наказании, и они останутся непричастны вечной жизни, вместо смерти караемые в бессмертии. Но как мы, которым теперь легко выпадает умирать, снова получаем или бессмертие со блаженством, или скорбь с бессмертием, так и демоны, злоупотребляющие теперешней жизнью для преступлений, всю жизнь постоянно умирая, снова будут иметь то же самое бессмертие, подобное тому, которое они имели при жизни, по состоянию сходное

с [уделом] людей, по доброй воле исполнивших то, что предписали им при жизни демоны. И притом у последователей их, по не-долговечности, меньше процветает видов греха, а прегрешения упомянутых демонов отягчаются благодаря бесконечной жизни.

Вопросы для обсуждения

1. Что такое Божественное Слово по Татиану?
2. Каким образом Татиан обосновывает смертность и воскресение?
3. Как Татиан понимает вещественное и духовное?

Афинагор Афинский (2-я пол. II в.)

Предположительно принадлежал к школе платоников. Был первым главой школы в Александрии. При подготовке сочинения против христиан стал углубленно изучать Священное Писание, что привело его в христианскую веру. Таким образом философ стал апологетом христианского вероучения. Афинагор характеризует апологию «Прощение о христианах» («Предстательство за христиан») как попытку обоснования своих взглядов и истинности веры при помощи доводов разума. Рассуждая о Боге, он опирается на свидетельства пророков и апеллирует к философам древности. Афинагор последовательно критикует древнюю теогонию и формулирует постулаты религиозного монизма: Бог един, Бог – Творец мира, Бог есть Все, Сам в Себе, Дух, Сила и Слово, Бог вечен, совершенен, непостижим. Бог не изменяется и не превращается, Бог упорядочивает вещество. Бога можно созерцать умом и рассуждением, считает Афинагор.

В своих сочинениях апологет обосновывает идею обретения небесной жизни после расставания с земной. Это дар Бога за праведные деяния, поэтому земную жизнь нужно вести согласно заповедям, иначе вечной жизни можно лишиться. Богу известны все слова и помыслы. Жизнь человека в безбрачии приближает к Богу. Детальное обоснование Афинагором догмата о воскресении можно найти в трактате «О воскресении мертвых».

**Предстательство за христиан
Афинагора Афинянина, христианского философа.
Императорам Марку Аврелию Антонину
и Луцию Аврелию Коммоду,
[властителям] Армянским, Сарматским,
а наипаче всего философам***

7. Но раз в том, что Бог – един, независимо от желания, согласны почти все, кто исследовал начала вещей, а мы именно и утверждаем, что Тот, Кто устроил эту вселенную, есть сей Бог, почему же им позволено безнаказанно писать и говорить о Боге то, что они хотят, а нам, которые могут удостоверить свои взгляды и истинность веры в единого Бога доказательствами рассудка и доводами истины, угрожают законом? Стихотворцы и философы, как и в прочих вопросах, здесь рассуждали по наитию, каждый по мере причастности Божественному Дуновению, пытаясь исследовать и по возможности понять и осмыслить истину. Каждый из них преуспел настолько, насколько глубоко он проник [в суть предмета], не находя, однако, самой сущности, ибо все они решили искать познания Божества не от Бога, но каждый от своего разумения. Поэтому-то каждый из них учил отлично от других и о Боге, и о веществе, и об идеях, и о мироздании. Наши воззрения и убеждения, напротив, подтверждаются свидетельствами пророков, которые в Божественном Духе изрекли и о Боге, и о присных Его. Ведь и вы, превосходя всех разумением и благочестием перед сущим Божеством, пожалуй, должны будете признать, что неразумно преклонять ухо к человеческим мнениям и отказывать в доверии исходящему от Бога Духу, Который, как музыкальные инструменты, заставил звучать уста пророков.

8. Добавим еще и такое умозаключение, доказывающее, что Творец этой вселенной есть именно единый Бог, дабы у вас было и разумное основание нашей веры; если бы богов и вправду было

* Извлечения из кн.: Раннехристианские апологеты II–IV веков : переводы и исследования. М. : Ладомир, 2000. С.49–65.

два или более, то либо они были бы тождественны, либо же – каждый бог по отдельности. Положим, быть тождественными для них было бы невозможно. Ведь если они боги, но не могут быть одним и тем же, но уже по одному тому, что они не возникли – они не тождественны. То, что возникло, тождественно образцу, а не возникшее не имеет тождества, не имея ни причины, ни образца возникновения. Что же касается второй возможности, то есть если они были бы составными частями единого тела, подобно руке, глазу или ноге, слагающим единое, то Бог тогда один. Сократ, к примеру, возник и поэтому смертен, составлен из частей, значит, и на части разложимый, а Бог – не возникший, бесстрастный, неразложимый. Итак, Он не состоит из частей.

А если каждый из них сам по себе, а Творец мира – выше всего возникшего и над тем, что Он сотворил и устроил, где же тогда место второму или остальным? Ведь если мир, устроенный шарообразно, огражден небесными кругами, а сам Творец мира, пребывая выше возникшего, объемлет его своим Промыслом, где же тогда местопребывание второго бога или остальных? Оно не в самом мире, ибо мир этот принадлежит уже Другому. И не вокруг него, ибо над миром помещается сам Творец его – Бог. Ну, а если это место и не в мире, и не вокруг него (ведь все, что окружает мир, подвластно Богу), то где же? Может быть, выше и мира, и Бога, – в другом мире или вокруг него? Но если он в ином и относится к иному, то он, стало быть, не имеет отношения к нам (ибо не властен над миром), да и могущество его не очень велико, коли он помещается в ограниченном пространстве. Но если он и не в ином мире (ибо все исполнено Этим), и не вокруг иного (ведь все подвластно Этому), выходит, его и нет, если нет места, где быть ему. И чем он занимается, если мир, где он помещен, подвластен Другому, а сам он, получается, будет выше Создателя мира, не будучи ни в мире, ни вокруг мира? Но есть ли вообще какое-нибудь другое место, где бы мог находиться [возникший (бог)], но иной, помимо Сущего? Над ним Бог и присные его. И где же тогда будет место ему, если Бог наполняет Собою все, что над вселенной?

Но может быть, Он есть само Провидение? И то нет, коли Он не творил. Итак, если Он и не творит, и не промышляет, да и места нет такого, где бы Ему быть, выходит, один этот изначальный и единственный Бог – Творец мира.

10. Итак, то, что мы вовсе не безбожники, считая Богом невозникшего, вечного, бесстрастного, непостижимого и неместимого, созерцаемого единственно умом и рассуждением, облеченного светом и красотой, Духом и силой несказанной Бога, сотворившего, устроившего и соблюдающего вселенную, – вполне довольно мной показано. Кроме того, мы учим и о Сыне Божиим. И не считайте смехотворными мои слова о том, что у Бога есть Сын. Мы ведь мыслим о Боге-Отце и Сыне не так, как стихотворцы, которые сочиняют всякие сказки и изображают богов ничуть не лучше людей. Напротив – Сын Божий есть Слово Отца, как в возможности, так и в действии. Сыном же и через Сына возникло все, ибо Отец и Сын – одно. Сын есть в Отце, а Отец – в Сыне единством и силой Духа, а Сын Божий есть Ум и Слово Отца. Но если вашему превосходному разумению желательно рассмотреть, что же означает «Сын», я вкратце скажу так: Он есть первое порождение Отца, но не как возникший (ведь Бог, будучи вечным Умом, изначально имел в Себе Свое Слово и был вечно словесен), но как Исшедший, чтобы быть образом и осуществлением всех вещественных сущностей, которые не имели природного качества, подобно необработанной земле, и которые как бы подлежали, когда более густое смешалось с более разреженным.

Согласен с этим рассуждением и Дух пророческий, говорящий: «Создал меня Господь началом путей Его для дел Его». Впрочем, этот действующий в тех, кто пророчествует, Дух Святой мы называем истечением Божиим, истекающим и возвращающимся, подобно солнечным лучам.

Да и кто не подивится, услышав, как безбожниками называют тех, кто признает Бога-Отца, Сына и Духа Святого, представляя Их как Силу в единстве и разделение по чину. Впрочем, наше богословие не ограничивается только этим: мы говорим также

о сонме вестников и прислужников, которым Создатель и Творец мира Бог Словом Своим указал и назначил соблюдение вещественных начал – небес, вселенной и ее содержимого, а также благочинности всего этого.

24. Стоит ли мне, коли вы уже вникли в суть вопроса, упоминать мнения поэтов или других людей, когда у меня и так есть много доводов в запасе? Ведь если поэты и философы еще не признали одного Бога, одни – рассуждая о богах как о демонах, другие – как о веществе, а третьи – как о смертных людях; разве справедливо нам чувствовать себя изгоями оттого, что мы утверждаем различие между Богом, веществом и сущностями каждого из них?

Мы ведь говорим о Слове и Сыне Его, а также о Духе Святом как о Боге. Они соединены Силой и различаются по чину: Отец, Сын и Дух, причем Сын есть Ум, Слово и Премудрость Отца, а Дух – исхождение [от Отца], подобно тому, как свет истекает от огня. Затем мы признаем, что существуют иные силы, которые находятся в некотором отношении к веществу и проникают в него, но одна из них – противник Бога. Впрочем, это не есть некая противоположность Бога, наподобие того, как Вражда у Эмпедокла противостоит Приязни или Ночь противостоит Дню в море природных явлений, ибо если бы нечто противостояло Богу, то оно прекратило бы существование, то есть его состав был бы сейчас же разрушен Силой и Мощью Божией. Не можем мы также допустить, что есть некое противоположение Божией Благодати, которая с Ним сообразуется и соприсутствует, как кожа с телом. Это не есть нечто вне Его, не есть часть Его, но как необходимо существующее следствие Его бытия, столь соединенное и столь сопряженное с Ним, как огненно-золотой цвет с пламенем, а голубизна – с небесами. Противник – есть дух, [ходящий] около вещества, возникший от Бога, подобно остальным ангелам, которому Он доверил надзирать за видами вещества. Весь этот сонм ангелов появился для осуществления ими Промысла Божия в том, что было Им упорядочено, дабы Бог обладал всеобщим и родительским промыслением обо всем, [приняв владычество и власть надо всем, кормилом мудрости

направляя вселенную], а ангелы, поставленные Богом над каждой (отдельной) частью, [обладали бы промышлением] об этой части. Подобно тому, как у людей есть свободный выбор между добром и злом (вы не хвалили бы добрых людей и не наказывали бы злых, если бы порок и добродетель не были равно предметом выбора), и некоторые усердны в том, что им доверено, но находятся и иные, ненадежные, нечто подобное произошло и с ангелами. Поскольку Бог сделал их вольными в своем выборе, одни остались там, где Он их поставил по сотворении, а другие дерзко восстали как против своей сущности, так и против своего поручения. Восстал и тот, кто был поставлен над веществом и видами его, и прочие, приставленные к сей первой тверди (имейте, впрочем, в виду, что мы ничего не говорим бездоказательно, а сообщаем изреченное пророками). Причем эти последние ниспали до вожеления девиц и оказались рабами плоти, а сам он нерадиво и коварно отнесся к тому, что ему было поручено. И вот от тех, кто сошелся с девицами, родились так называемые гиганты. И если у поэтов частично можно найти повествование о гигантах, не удивляйтесь, что мирская [и пророческая] мудрость различаются, подобно тому как истина отличается от правдоподобия: одна – небесная, а другая – земная. Ведь по [коварному наущению] властителя вещества

знаем, что многую ложь говорят, подобную правде.

25. Промысел же в каждом отдельном случае действует для истины, а не для похвалы, содействуя достойным людям, в то время как все остальное промышляется общим порядком согласно разумному закону. Но поскольку демонические движения и действия, идущие от враждебного духа, производят эти беспорядочные метания, которые раскидывают людей одного – туда, другого – сюда и по одному, и целыми народами, по частям и вместе, сообразно степени связанности людей с веществом и их сознанию божества, изнутри и снаружи, – поэтому некоторые, даже весьма значительные по части науки люди, сочли, что сей мир составил не согласно некоему порядку, но существует и движется неразумной волею случая. Они [сочли так], не зная, что из мирового состава

ничто не является беспорядочным либо небрежным, но каждое произошло согласно разумному начертанию, почему и не преступают они указанного им порядка. Что же касается человека, то он, по мысли своего Создателя, также есть [существо] благочинное, причем природа его уже по сотворении содержит единое разумное основание, строение же его изначально не преступает предначертанного для него закона, а кончина остается равной и всеобщей. Однако каждый человек по-разному влечется и движется, согласно внутреннему разумному закону и действию сего властительно-го князя, а также сопутствующих ему демонов, хотя каждый имеет в себе присущую всем способность мыслить.

Вопросы для обсуждения

1. Какие доводы приводит Афинагор, утверждая единство Бога?
2. Как Афинагор описывает Божественную триаду?
3. Каковы основные положения антропологии Афинагора?

Феофил Антиохийский (II в.)

О его жизни сохранилось очень мало сведений. Предположительно родом из Сирии. Был хорошо образован и знаком с греческой культурой и философией. Изучив пророческие книги Ветхого Завета, принял христианство, в 169 г. принял сан епископа Антиохийского. Считается, что Феофил написал много работ, но до наших дней дошла только одна рукопись – «Послание к Автолику». Это сочинение состоит из трех книг: первая посвящена критике языческих культов, во второй излагается мировоззрение христиан, третья содержит обоснование преимущества христианского вероучения. Феофил разделяет взгляды Татиана на языческую философию. Он подвергает критике поэтов и философов, считая невозможным обретение истины без учения пророков.

Послание к Автолику*

Книга первая

3. Ты скажешь мне: «Ты, видящий, опиши мне вид Бога». Послушай, друг мой: вид Бога неописуем и неизъясним, ибо не может быть видим плотскими глазами. Его слава бесконечна, величие необъятно, высота непостижима, могущество неизмеримо, мудрость неисследима, благость неподражаема, благодеяния неизреченны. Ибо если назову Его светом, то я скажу о Его творении; назову ли Его Словом, скажу о владычестве; назову ли Его умом, скажу о Его мудрости; назову ли Духом, скажу о Его дыхании; назову ли мудростью, скажу о Его порождении; назову ли крепостью, скажу о Его могуществе; назову ли силою, скажу о Его деятельности; назову ли Промыслом, скажу о Его благости; назову ли царством, скажу о Его славе; назову ли Господом – назову Его сущим; назову ли судьей, – назову Его праведным; назову ли отцом – скажу о Его любви; назову ли огнем – скажу о Его гневe.

Скажешь мне: «Так Бог гневается?» Да, Он гневается на тех, которые делают зло, но благ, щедр и милостив к любящим и боящимся Его; ибо Он наставник благочестивых и отец праведных, но судья и каратель нечестивых.

4. Бог безначален, потому что Он не произошел, – неизменяем, потому что бессмертен. Он называется Богом потому, что положил все в Своей крепости и (диа ту фееин); слово же фееин означает «бежать», «двигать», «производить», «питать», «провидеть», «управлять», «оживотворять все».

Он называется Господом, потому что господствует над всем, – Отцом, потому что существует прежде всего, – Зиждителем и Творцом, потому что все создал, сотворил, – Всевышним, потому что

* Извлечения из кн.: *Феофил Антиохийский. Послание к Автолику* // Сочинения древних христианских апологетов. СПб. : Алетейя, 1999. С. 128–194. (Сер. Античное христианство. Источники); см. также: *Азбука веры* [интернет-портал]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Feofil_Antiohijskij/poslanie_k_avtoliku (дата обращения: 16.09.2015).

превыше всего, – Вседержителем, потому что всем управляет и все содержит. Ибо и высоты небес, и глубины бездн, и пределы вселенной в руке Его, и нет места Его успокоения. Небеса – Его дело, земля – Его творение, море – Его создание, человек – Его произведение и подобие, солнце, луна и звезды – Его стихии, сотворенные в знамение, во времена, дни и годы, на службу и пользу людей; и все Бог создал из небытия в бытие, дабы из дел Его было познаваемо и понимаемо Его величие.

Книга вторая

9. Но были люди Божий, исполненные Святого Духа и истинные пророки, Самим Богом вдохновенные и умудренные, которые получили свыше ведение, святость, и праведность. Они-то удостоились чести быть органами Божиими и сосудами премудрости от Бога, по которой они и говорили о сотворении мира и о всем прочем. Они предсказывали моровые язвы, голод, войны. И не один или два, но многие являлись в различные времена у евреев так же, как и Сивилла у эллинов: и все они говорили согласно друг с другом и о том, что было прежде них, и о том, что совершалось при них, и о том, что ныне исполняется пред нашими глазами; поэтому-то мы уверены и касательно будущего, что оно так же исполнится, как совершилось первое.

10. И прежде всего пророки согласно научили нас, что Бог все сотворил из ничего. Ибо ничто не совечно Богу, но будучи Сам Себе местом (потому что нет никакого пространства, которое было бы больше Его и вмещало бы в себе Его), ни в чем не нуждаясь и существуя прежде веков. Он восхотел создать человека, дабы им познаваем был, и для него-то предуготовил мир. Тот, кто сотворен, имеет нужду в том или другом, а Безначальный ни в чем не нуждается. Итак, Бог, имея Свое Слово, в собственных ролил Его, проявив Его вместе с Своею Премудростью прежде всего. Слово сие Он имел исполнителем Своих творений и чрез Него все сотворил. Оно называется началом, потому что начальствует и властвует над всем, что чрез Него создано. Оно, будучи духом Божиим,

началом, премудростью и силою Вышнего, сходило на пророков и чрез них глаголало о творении мира и о всем прочем. Ибо не было пророков при создании мира, но Премудрость Бога, сущая в Нем, и святое Слово Его, всегда соприсущее Ему. Посему Оно чрез пророка Соломона так говорит: «когда готовил Он небо, была Я с Ним, и когда творил крепкие основания земли, была при Нем устрояя» (Притч. 8 : 27–29). Моисей, живший за много лет до Соломона, или лучше – Слово Божие чрез него, как чрез орудие, говорит: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1 : 1). Сперва он упомянул о начале и сотворении, а потом наименовал Бога; ибо не следует напрасно и попусту употреблять имя Божие. Ибо Премудрость Божия предвидела, что некоторые будут пустословить и введут множество богов несуществующих. Посему, чтоб истинный Бог был разумеem из дел Его, и видно было, что Бог Словом Своим сотворил небо, и землю, и то, что в них, сказано: «В начале сотворил Бог небо и землю».

Потом, сказав о сотворении их, он показывает нам: «земля же была невидима и неустроена и тьма (была) над бездною, и дух Божий носился над водою» (Быт. 1 : 2). Этому прежде всего научает нас Божественное Писание, некоторым образом показывая, что материя, из которой Бог сотворил и устроил мир, получила начало и создана от Бога.

18. Что касается сотворения человека, то изобразить его – выше способности человека, хотя и кратко сказание о нем Священного Писания. Словами: «сотворим человека по образу и подобию Нашему» Бог, во-первых, показывает достоинство человека. Сотворив все словом, Он как бы почитал это маловажным, и только создание человека бессмертного почитает делом, достойным Своих рук. Далее, как бы нуждаясь в помощи, Бог говорит: «сотворим человека по образу и подобию». Никому другому не сказал Он: «сотворим», как Своему Слову и Своей Премудрости. Сотворив человека и дав благословение на то, чтобы он размножался и наполнял землю, Бог все покорил его власти и господству и определил ему первоначально иметь пищу от плодов земных, семян, трав и овощей, предписывая в то же время и животным иметь одну пищу с человеком и питаться им от всех произрастаний земных.

27. Но кто-нибудь спросит нас: смертным ли по природе сотворен человек? Нет. Значит, бессмертным? Не скажем и этого. Но скажет кто-нибудь: итак, он сотворен ни тем, ни другим? И этого не скажем. Он сотворен по природе ни смертным и ни бессмертным. Ибо если бы Бог сотворил его вначале бессмертным, то сделал бы его Богом; если же, наоборот, сотворил бы его смертным, то Сам оказался бы виновником его смерти. Итак, Он сотворил его ни смертным и ни бессмертным, но, как сказали выше, способным к тому и другому, чтобы, если устремится он к тому, что ведет к бессмертию, исполняя заповедь Божию, получил от Него в награду за это бессмертие и сделался бы Богом; если же уклонился к делам смерти, не повинаясь Богу, сам был бы виновником своей смерти. Ибо Бог создал человека свободным и самовластным. Итак, что человек навлек на себя своим нерадением и непослушанием, то Бог ныне прощает ему по Своему человеколюбию и милосердию, если человек Ему повинуется. Как непослушанием человек навлек на себя смерть, так повиновением воле Божией желающий может доставить себе вечную жизнь. Ибо Бог дал нам закон и святыя заповеди, исполняя которые, всякий может спастись и, достигнув воскресения, наследовать нетление.

Книга третья

9. Мы также признаем Бога, но единого, Создателя, Творца и Устроителя всего мира; знаем, что все управляется Промыслом, но Промыслом Его только; научились святому закону, но законодателем имеем истинного Бога, Который и учит нас поступать праведно, быть благочестивыми и делать добро. О благочестии Он говорит: «Да не будет у тебя других богов, кроме Меня. Не делай себе кумира, и никакого подобия, какое находится на небе вверху, или на земле внизу, или в водах под землею. Не поклоняйся им и не служи им: ибо Я Господь Бог твой» (Исх. 20:3–17). О делах же добра сказал: «почитай отца твоего и мать твою, чтобы ты был благополучен и долголетен на земле, которую даю тебе

Я Господь Бог». И о справедливости: «Не прелюбодействуй, не убивай, не крадь, не свидетельствуй на ближнего твоего ложного свидетельства, не желай жены ближнего твоего, не пожелай дома его, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего, что есть у ближнего твоего. Не извращай дела бедного на суде его, удаляйся от всякого слова несправедного, не убивай невинного и правого, не оправдывай нечестивого и не принимай даров, ибо дары ослепляют глаза видящих и извращают слова справедливые» (Исх. 23 : 6–8). Служителем сего Божественного закона был Моисей, слуга Божий, для всего мира, преимущественно же для евреев, называемых также иудеями, которых древле держал в рабстве египетский царь, тогда как они были праведным семенем людей благочестивых и святых – Авраама, Исаака и Иакова, но Бог вспомнил их, и сделав чрез Моисея поразительные чудеса и знамения, освободил и вывел их из Египта, провел чрез пустыню и возвратил их в Ханаанскую землю, которая после названа Иудеею, и им-то Он дал закон и научил сему. Таковы приведенные выше десять глав этого великого и удивительного закона, ведущего ко всякой правде.

29. Итак, из рассмотрения времен и всего нами сказанного можно видеть древность пророческих писаний и Божественность нашего учения, – что не ново это учение, и не баснословны и не ложны наши верования, как думают некоторые, но самые древние и истинные.

30. Эллины же не имеют истинной истории, во-первых, потому, что они в недавнее время познакомились с письменами: в этом они сами признаются, говоря, что письма изобретены – одни халдейцами, другие египтянами, иные же финикиянами; во-вторых, они заблуждались и заблуждаются в том, что упоминают не о Боге, но о суетных и бесполезных делах. Так они с честью помнят Гомера, Гезиода и прочих поэтов. Славу же бессмертного и единого Бога не только забывают, но и бесчестят и, кроме того, почитающих его преследовали и преследуют ежедневно. Они назначают награды и пособия тем, которые сладкозвучно поносят Бога, а заботящихся

о добродетели и проводящих благочестивую жизнь – иных побивали камнями, иных умерщвляли, и до сего времени подвергают жестоким мучениям. Посему такие люди необходимо должны были потерять мудрость Божию и не нашли истины.

Итак, если ты хочешь, прилежно читай эти книги мои, чтобы тебе иметь советника и залог истины.

Вопросы для обсуждения

1. Выделите особенности Божественного сотворения по Феофилу.
2. Сформулируйте основные положения антропологии Феофила.
3. Как Феофил обосновывает истинность христианского вероучения?

Глава 3

ЛАТИНСКАЯ АПОЛОГЕТИКА

Апологетика занимает особое место в христианской мысли, поскольку именно апологеты определили ту позицию, которую христианская община займет по отношению к своему иудейскому происхождению, к античному культурно-философскому наследию и к внутреннему разномыслию по фундаментальным вопросам. Апологеты использовали античную философию религии, в частности, типологизацию Варрона, и многообразие античных текстов, содержащих критику или даже сатиру на религию и мифологию, в целях обоснования истинности христианства. Основными задачами, которые стояли перед апологетами, были, во-первых, разоблачение обвинений в совершении христианами преступлений, во-вторых, доказательство преимуществ христианского учения, в-третьих, оправдание Бога, который понимается по-новому, поскольку, с одной стороны, имеет философские атрибуты неизменности и совершенства, а, с другой стороны, личностные характеристики творца и правителя мира. Последняя задача (теодицея) связана еще и с тем, что сочетание идей о всеблагости, всезнании и всемогуществе божества в христианском монотеизме ставит перед апологетами проблему существования зла в мире, которая для политеистического мировоззрения несущественна.

Квинт Септимий Флорент Тертуллиан (ок. 155 (ок. 165 гг.) – ок. 220 г.)

Родился в Карфагене, получил хорошее образование, владел греческим языком, был профессиональным представителем в суде в Риме, между 185 и 197 г. возвратился в Карфаген и принял христианство, после 200 г. обратился в монтанизм. Точная дата смерти неизвестна, предположительно ок. 220 г. Тертуллиан первым создал объемный корпус христианских сочинений на латинском языке, в своих сочине-

ниях не только выступал в защиту христианского учения, но и сформулировал многие положения, которые впоследствии легли в основу христианской философии.

К язычникам*

(кн. 1 : 19–20; кн. 2 : 1–9)

1 : 19. Полагаю, об этом внушающем всем людям ужас христианском упрямстве сказано достаточно. Ведь если и в этом отношении мы похожи на вас, то остается сравнить только наши верования, над которыми смеются. Впрочем, все наше упрямство объясняется нашими убеждениями: ведь мы верим в воскресение мертвых, а надежда на воскресение и наделяет нас презрением к смерти. Что ж, смейтесь над этими глупцами, которые умирают, чтобы потом вновь ожить, но прежде, чтобы вам было проще смеяться и легче издеваться, возьмите и влажной тряпкой или же просто языком вытрите, уничтожьте все те ваши произведения, в которых подобным же образом утверждается, что души умерших вновь вселяются в тела. Насколько же разумнее наше убеждение, что душа вселяется в то же самое тело! И как нелепо ваше, согласно которому дух человека вселяется в собаку, мула или павлина. Далее, мы заявляем, что Бог судит каждого по его заслугам после смерти. Ту же роль вы приписываете Миносу и Радаманту, а более справедливое Аристиде от нее устраняете! На основании этого суда, говорим мы, негодные попадают в вечный огонь, а благочестивые и благонравные будут постоянно находиться в прекрасном месте. Но и у вас люди распределяются между Пи-рифлегетоном и Элисием точно таким же образом. Подобные идеи заключены не только в стихах поэтов и сочинениях мифологов, философы тоже удостоверяют возвращение душ и воздаяние по суду.

1 : 20. Так что же вы, негодные язычники, не признаете нас за своих, а даже еще сверх того проклинаете, когда между нами

* Извлечения из кн.: Тертуллиан : избр. соч. / сост. А. А. Столяров. М. : Прогресс, 1994. С. 59–71.

нет никакой разницы, когда мы с вами – одно и то же? Поскольку вы, разумеется, не ненавидите то, чем являетесь сами, то протяните же нам руки, давайте поцелуемся и обнимемся – такие, как мы есть – душегубы с душегубами, кровосмесники с кровосмесниками, злоумышленники с злоумышленниками, упрямцы и безумцы – с себе подобными. Мы равным с вами образом покушаемся на богов, одинаково навлекаем на себя их гнев. У вас имеется также и третий род, который происходит не от третьего обряда, а от третьего пола. Этому полу, составленному из мужчины и женщины, удобнее сочетаться с мужчинами же и женщинами. Уж не задели ли мы вас самим нашим обществом? Ведь сходство дает повод для соперничества. Так гончар настроен против гончара, а ремесленник – против ремесленника. Довольно, пора прекратить самооговор! Пусть совесть возвратится к истине и к постоянству в истине. Ведь все это только приписывается нам – а мы признаем, что принадлежим к иному роду людей, – и тут же нами опровергается. На основании этого признания выстраиваются умозаключения, ими вдохновляется суд, ими он руководствуется при вынесении приговора. По вашему же определению, вы не станете разбирать никакого дела, если прежде не выслушаете двух свидетелей, и только в нашем случае вы этим пренебрегаете. Вы уступаете своему природному пороку, когда осуждаете в других то, что не можете опровергнуть о самих себе, а также колете другим глаза теми проступками, которые знаете за собой. Такие уж вы разносторонние: в отношении чужих – целомудренны, а сами с собой – кровосмесники, на людях вы громогласны, а дома – тише воды. Что же тогда такое несправедливость, если не то, что нас, знающих, судят незнающие, невинных – преступники. Извлеките же соломинку или даже бревно из вашего глаза, прежде чем вытаскивать соломинку из чужого. Сделайте самих себя лучше, – чтобы наказывать христиан. Правда, возможно, если вы станете лучше, то не станете нас наказывать, а сами сделаетесь христианами. Именно так, вы исправитесь, если сделаетесь христианами! Узнайте же то, в чем вы нас обвиняете, и вы не станете обвинять. Сознайтесь в том, в чем вы не обвиняете себя, и вам придется себя обвинить. Уже отсюда, из этой небольшой

книжечки вы сможете, насколько нам удалось этому способствовать, познать свое заблуждение и установить истину. Прокляните же истину, если сможете, но только сначала рассмотрите ее и одобрите заблуждение, если вы действительно так считаете, но только обнаружьте его. И если вам предначертано любить заблуждение и ненавидеть истину, то почему вам сначала не узнать того, что вы так любите и что так ненавидите?

2 : 1. Теперь, жалкие язычники, нашему оправдательному сочинению предстоит с вами схватиться по поводу ваших богов, дабы справиться у самой вашей совести, истинные ли это боги, как вам хотелось бы, или ложные, хоть вы этого и знать не желаете. Отсюда-то и берется пища для человеческого заблуждения, доставляемая его творцом: чтобы увеличить вашу виновность, он заботится о том, чтобы заблуждение не лишилось главного – неведения о себе самом. Глаза смотрят, а не видят, уши отверсты, а не слышат, сердце тупо бьется, и душа не понимает того, что знает. И если вообще столь обширные заблуждения можно было бы устранить одним росчерком пера, следовало бы издать такой указ. Ибо вы ведь не отрицаете, что ваши боги были вымышлены людьми, и уже по одной только этой причине иссякает вера в их истинность, поскольку ничего из имеющего начало во времени не может претендовать на то, чтобы считаться божественным. Впрочем, на свете существует много таких вещей, ложность которых сознавалась на первых порах, но с течением времени они приобретали прочность и устойчивость добровольного заблуждения. Да, многочисленно войско покушающихся на истину, и все же ее собственная доблесть ее спасает! Разве не так? Ибо она берет себе в союзники и защитники любого из своих врагов – кого ни пожелает, и повергает наземь всю толпу своих недругов. Итак, против чего только нам не предстоит ополчиться: против установлений предков, против окруженных уважением авторитетов, против законов повелителей, против доводов знатоков, против старины, привычек и самого принуждения, против приводимых вами примеров, небывалых явлений и чудес – словом, против всего того, на что опираются эти мнимые божества. По причине этого я вступаю с вами, язычники, в спор на основании

ваших же собственных комментариев, которые были заимствованы из всех родов теологии, ведь литература в ваших глазах имеет больше веса, чем сам предмет. Для краткости я избрал сочинения Варрона, который в том, что касается дел божественных, руководствовался всеми существовавшими до него сводами, почему он и оказывается удобной для нас мишенью. Если спросить его, кто измышляет богов, он ответит, что таковыми бывают философы, поэты и народы. Ибо Варрон различает три рода богов: один – физический, о котором рассуждают философы; другой – мифический, бытующий среди поэтов; и третий род богов – народный, который зависит от того, какие именно боги были приняты данным народом. Итак, где же здесь истина? Ведь философы образуют физических богов на основе умозаключений, поэты извлекают мифических из своих собственных вымыслов, а народы своих богов принимают добровольно.

Быть может, истина – в умозаключениях? Но они ненадежны. В поэмах? Но они мерзки. В добровольном принятии богов? Но это слишком произвольный и обывательский источник. Итак, у философов из-за разнobia все ненадежно, у поэтов все гнусно и потому недостойно, у народов же все безразлично, поскольку совершается произвольно. Но ведь божество, если оно истинно, не должно находиться в зависимости от ненадежных рассуждений, не должно оскверняться недостойными его баснями и быть уязвимым по причине произвольного принятия. Ибо божество должно быть определенным, безупречным и общим для всех, поскольку оно, это ясно, принадлежит всем. В какого же бога мне верить? В того, в котором сомневается рассудок? В того, которого на все лады склоняют поэты? В того, которого пожелал иметь город? Гораздо достойнее не верить ни в какого, чем в такого, в котором сомневаются, которого стыдятся, которого произвольно принимают!

2 : 3. Тепеь, когда мы разобрались во всем этом, мы ясно видим, что этот физический род богов был измышлен с той целью, чтобы уподобить богов элементам, поскольку здесь утверждается, что именно из элементов рождаются боги, в то время как боги рождаются только от богов. Этих богов мы подробнее рассмотрим

в мифическом роде, связанном с поэтами. Но уже здесь, быть может, следует указать (поскольку в некотором смысле боги мифические схожи с физическими, и, следовательно, под таким углом зрения их возможно рассматривать), что те, о ком говорят, что они происходят из элементов, никоим образом не могут быть богами. Таким образом, уже здесь может быть ясно показано, что боги не являются элементами, так как то, что от элементов происходит, это также не боги. В свою очередь, доказав, что элементы не являются богами, мы доказываем и то, что все, от них происходящее, богами не является, поскольку их родители, то есть элементы – не боги. Известно ведь, что бог рождается от бога, как то, что от того, что богом не является, не бог. Следовательно, этот мир, содержащий элементы (я буду рассматривать мироздание в целом, восходя от его частей, поскольку каково его происхождение, таково же будет и происхождение элементов или членов), либо был кем-то устроен, как полагает человеколюбивый Платон, либо никем, как это представлялось суровому Эпикуру. Однако если мир кем-то устроен, то, имея начало, он должен иметь и конец. Но ведь то, чего не существовало до его начала и чего не будет после его конца, не может быть богом, поскольку в нем отсутствует сама сущность божества, то есть вечность, которая, как представляется, не имеет начала и конца. Если же мир не был устроен никем, и потому должен почитаться богом, поскольку как бог он не будет ведать ни начала, ни конца, то как же тогда некоторые приписывают возникновение элементам, которых они желали бы почитать за богов, в то время как стоики отвергают возможность того, чтобы у бога что-либо могло родиться? И еще, как можно считать богами тех, кто рождается от элементов, в то время как известно, что бог не рождается? Но то, что свойственно миру, следует приписать и элементам, то есть небу, земле, звездам и огню, относительно которых Варрон напрасно хотел вас, язычники, уверить, что это боги и родители богов, хотя возникновение и рождение бога отрицаются. Это касается и тех, которые уверяли самого Варрона, что небо и звезды – живые существа. Ведь если бы это было так, они неизбежно должны были бы быть и смертными, согласно

свойству всего одушевленного. Ибо хотя известно, что душа бессмертна, но это касается ее одной, а не того, что с ней связано, то есть тела. Однако никто не может отрицать, что элементы – тела, поскольку и мы с ними соприкасаемся, и они с нами, а также иной раз нам приходится видеть падение тел с неба. Так что если элементы и одушевлены, то душа их лишена разума, как это свойственно простым телам, и они смертны. Таким образом, опять-таки элементы – не боги.

Но почему же Варрону элементы представлялись одушевленными? Потому что они движутся. И предупреждая то возражение, что, мол, движется и многое другое, как, например, колеса, повозки, всякие иные устройства, он сам говорит, что потому считает элементы одушевленными, что они движутся сами по себе, так что вне их нет никакого движителя или возбудителя движения, каковы те, что вращают колеса, катят повозку или управляют механизмом. Так что если бы элементы не были одушевленными, они не могли бы двигаться сами собой. Заговаривая о том, что источника движения, мол, не видно, Варрон указывает на то, о чем ему самому следовало задуматься, то есть о создателе и направителе движения. Ведь не обязательно нет того, что мы полагаем несуществующим, поскольку этого не видим. И именно то, что невидимо, следует разыскивать с еще большим рвением, поскольку видимое мы и так можем познать. Ведь если бы существующим считалось только то, что открывается взору, причем именно потому, что оно нам является, то как же это вам пришло в голову приписать существование самим богам, которые также взору не являются? А если существующим представляется то, чего не существует, то почему не существовать тому, чего не видно? Я говорю о движителе небесных тел. Так что пускай элементы считаются одушевленными, поскольку движутся сами по себе, и самодвижными, потому что их никто не движет, но ведь как не все одушевленное – бог, так и не все самодвижное. В противном случае что помешало бы считать все одушевленное, поскольку оно самодвижно, богами? Так ведь и полагают египтяне, впрочем, по иной, вымышленной ими причине.

2:4. Некоторые говорят, что боги названы «theoi», потому что «theein» значит «бегать» и «двигаться». Так что, мол, имя это вовсе не указывает на какое-либо величие, ибо оно взято от бега и движения, а не от имени божества. Но так как тот единый Бог, которого мы почитаем, тоже называется «theos», однако не видно никакого Его движения или бега, потому что никто не может видеть Его, то ясно, что имя это взято от чего-то другого, и оно придумано самим божеством, потому что от него оно и произошло. Итак, отказавшись от этого замысловатого объяснения, я считаю более вероятным то, что боги названы не от бега или движения, но что имя это взято от имени истинного Бога, чтобы и вы также «theoi» называли тех, которых сами измыслили. Наконец, хотя бы это было и так, как вы говорите, опровержение все-таки имеется, так как вы называете «theoi» и всех тех своих богов, в которых не замечается никаких свойств, связанных с бегом или движением. Итак, если вы называете «theoi» одинаково и тех, которые движутся, и тех, которые не движутся, то одинаково устраняется и объяснение имени, и понятие о божестве, которое уничтожилось бы, будучи произведено от бега и движения. Если же это собственное имя божества, простое и не связанное с каким-либо толкованием, перенесено от того Бога на тех, которых вы называете богами, то укажите, что между ними общего в свойствах, так как общность имени по праву имеет место только при общности сущности. Однако Бог – «theos» именно потому, что невидим и не подлежит сравнению с теми, которые доступны и для зрения, и для осязания. Достаточно этого свидетельства в пользу различия между явным и скрытым. Если элементы открыты для всех, в то время как Бог – ни для кого, то каким образом от того, что невидимо, возможно перейти к тому, что видимо? Итак, если ты не можешь объединить их ни чувством, ни разумом, то зачем объединяешь их в слове, чтобы объединить их также и во власти? А вот Зенон отделяет мировую материю от Бога, или же говорит, что Он прошел через нее, как мед проходит через соты. Так что материя и Бог – два слова, два предмета. По различию слов различаются и предметы, и свойство материи

следует из ее названия. Если же материя не есть Бог, потому что это следует и из названия, то каким же образом то, что находится в материи, то есть элементы, может считаться богами, когда члены не могут быть разнородны с телом? Но что это я так задержался на физических рассуждениях? Ум должен от свойств мира восходить вверх, а не опускаться к неизвестному. По Платону, мир шаровиден. Полагаю, что он очертил мир циркулем, в то время как другие мыслили его квадратным и угловатым, потому что ему трудно было представить себе мир телом, лишенным головы. Эпикур же, который говорил, что «то, что выше нас, то ничто для нас», когда пожелал сам исследовать небо, установил, что размер солнечного диска – один фут. Подумать только, что за бережливость на небесах! Впрочем, с ростом честолюбия философов увеличился и солнечный диск. Так, перипатетики объявили, что солнце размером превосходит землю. Спрашиваю вас, что способна уразуметь страсть к догадкам? Что можно доказать посредством таких упорных утверждений – плода старательно возбуждаемой на досуге мелочной любознательности, уснащенной искусством красноречия? Так что поделом Фалесу Милетскому, который, осматривая небо и блуждая по нему глазами, с позором упал в яму. Египтянин же его осмеял, говоря: «Ты на земле-то ничего не видишь, куда тебе смотреть на небо?» Итак, падение его образно показывает, что напрасны потуги философов, причем именно тех, которые направляют неразумную любознательность на предметы природы прежде, чем на ее Творца и Повелителя.

2 : 5. Почему бы нам теперь не обратиться к мнению более разумному, потому что оно, как представляется, заимствовано у здравого смысла и основано на простом предположении? Ибо и Варрон упоминает о нем, говоря, что за элементами признается божественность еще и потому, что без их поддержки не может ни родиться, ни питаться, ни расти ничто из того, что служит удовлетворению жизни человеческой и вообще земной. Сами тела и души не могут существовать без надлежащего посредничества элементов, благодаря которому и возникает возможность обитать в мире, что связа-

но с условиями в климатических поясах. Возможность эта сохраняется повсюду, за исключением тех мест, где холод или сильная жара делают жизнь людей невыносимой. Поэтому богом признают солнце, так как оно собственной силой производит день, заставляя плоды зреть при помощи теплоты и посредством времен года определяет сам год. Богом считают и луну, ночную отраду, сменяющую месяцы, а также звезды, дающие сельским жителям знаки для определения времени, и, наконец, само небо со всем тем, что находится под ним, саму землю со всем тем, что находится на ней, и все то, что идет на пользу человеческую. Но элементы признаются божествами не только за благодеяния, но и за бедствия, которые происходят как бы от гнева или нерасположения их, как, например, молния, град, зной, болезнетворные ветры, а также наводнения, оползни и землетрясения.

Ибо по праву признают богами тех, которых следует чтить при счастливых обстоятельствах и страшиться при несчастных, поскольку они управляют помощью и вредом. Но когда что-то подобное происходит в жизни людей, то благодарность или жалоба относится не к самим предметам, которые помогают или вредят, но к тем, чьими усилиями и властью совершаются действия. Так, в ваших увеселениях вы присуждаете венок в качестве награды не флейте или кифаре, но артисту, который посредством своего искусства управляет их звучанием. Равным образом, когда кто-либо бывает болен, то вы приносите благодарность не шерсти, не лекарствам и припаркам, но врачам, старанием и усилием которых применяются лекарства. Так же и в беде, когда кого-либо ранит оружие, то обвиняют не меч или копье, но неприятеля или разбойника. И если кого придавило крышей, то обвиняют не черепицу или желоба для стока, но ветхость. Равным образом и потерпевшие кораблекрушение жалуются не на камни или волны, но на бурю. И справедливо. Ибо несомненно, что все, что делается, следует приписывать не тому, через что делается, но тому, кем делается, потому что источник действия – тот, кто устанавливает и то, что делается, и то, посредством чего это делается (как и всякой вещи присущи сле-

дующие три основания: что она есть, посредством чего она есть и от чего она есть). Ведь прежде всего есть тот, кто желает, чтобы что-либо делалось, и может найти средства, посредством которых оно делалось бы. Так что вы правильно поступаете, когда старательно отыскиваете виновника всего, что делается на свете, но в отношении физических явлений ваши правила противоречат природе, хотя в остальных случаях в них обнаруживается ваш разум. Ведь вы лишаете Творца его высшего положения и рассматриваете то, что делается, а не то, кем делается. Поэтому вы и верите, что элементам принадлежит власть и господство, хотя на самом деле им доступно только служить и подчиняться. И разве в настоящем исследовании мы не признаем главенства некоего Творца и Владыки, в то время как на долю элементов на основании собственных их действий, которые всем представляются выражением могущества, оставляем услужение? Ведь боги не рабствуют, и те, кто рабы, не боги. В противном случае пусть докажут, что естественно быть свободным вследствие безразличия к воздействиям, а из свободы следует владычество, из владычества же – божественность. Если все, что выше нас, устроено по известному распорядку, сообразно с установленными периодами, и совершается на своем месте и поочередно, согласуясь со временем и тем, что им управляет, то неужели из постоянства и неизменности действий, а также из периодичности, попечения об изменениях и единообразия чередований нельзя убедиться в том, что есть над всем этим какой-то владыка, для которого, кажется, ясна вся мировая деятельность, направленная к пользе либо вреду человеческого рода? Ибо ты не можешь утверждать, что элементы все совершают и обо всем заботятся в своих целях и ничего не определяют для людей, так как ты приписываешь им божественность именно потому, что они тебе или помогают, или вредят. Ибо если они делают все только для себя, то ты им ничем не обязан.

2 : 6. Далее, допускаете ли вы, что божество не только рабски бежит, но прежде всего стоит совершенно неподвижно, что оно не должно ни уменьшаться, ни повреждаться, ни гибнуть? Впрочем, исчезло бы все его блаженство, если бы оно что-либо подоб-

ное претерпевало. А вот звезды падают, и этому имеются свидетельства. И луна, принимая прежний свой вид, признается, насколько уменьшалась. Большие ущербы луны вы обыкновенно рассматриваете на поверхности воды, хотя я вообще не верю ничему, что знают волшебники. Даже само солнце часто затмевается. Воображайте себе какие угодно причины небесных событий, но Бог не может ни уменьшаться, ни прекращать Своего бытия. Так что пусть это примут во внимание защитники человеческих учений, которые с помощью искусственных предположений подделываются под мудрость и истину. Ибо зачастую людям свойственно считать, что кто лучше говорит, тот говорит истиннее, а не тот лучше говорит, кто говорит истиннее. Но кто основательно поразмыслит об этом предмете, тот, конечно, скажет, что более похоже на истину, что эти элементы кем-либо управляются, а не движутся по своей воле. Итак, не боги те, что находятся под властью кого-либо другого. И вообще, если уж заблуждаться, то лучше заблуждаться просто-душно, чем со рвением, как философы. Если же взглянуть на мифический род богов, то скорее можно согласиться на заблуждение людей в физической области, так как здесь божественность приписывается, по крайней мере, тем, кого люди ощущают превосходящими себя по положению, по величию и по божественности. Ибо что выше человека, то можно считать весьма близким к Богу.

2 : 7. Но, переходя к мифическому роду богов, который приписывают поэтам, я не знаю, доступно ли такое исследование нашим скромным силам, или на основании свидетельств божественности следует утвердить столь великих богов, как Мопс Африканский и Амфиарай Беотийский? Ибо теперь должно только коснуться этого рода богов, основательное рассмотрение которого будет дано в своем месте. Что эти боги были людьми, видно уже из того, что вы не постоянно называете их богами, а называете их и героями. Что же мы утверждаем? Именно, если мертвецам и следует присваивать божественность, то уж, конечно, не таким. Вот хотя вы и бесчестите небо гробницами своих царей по той же своевольной дерзости, однако обожествлением такого рода не признаете ли вы их за людей, испытанных в справедливости, добродетели, благо-

честии и во всем добром, смиряясь с тем, что бываете достойны осмеяния, когда ложно клянетесь их именем? Напротив, если люди эти нечестивы и гнусны, не отнимаете ли вы у них и прежних наград человеческой славы, не отменяете ли декреты и титулы их, не уничтожаете ли изображения их, не перечеканиваете ли монету? Но тот, кто замечает все и не только благосклонен к добру, но и щедро его дает, разве он настолько снисходителен, чтобы позволять толпе свободно собой распоряжаться, и не дозволит ли он людям проявлять больше тщания и справедливости при наделении его божественностью? Разве спутники царей и императоров могут быть лучше свиты высочайшего Бога? Но вы брезгуете и отворачиваетесь от бродяг, ссыльных, нищих, увечных, низких по происхождению, нечестных, а в небожители даже законным путем посвящаете кровосмесителей, прелюбодеев, грабителей, отцеубийц. Следует ли смеяться или гневаться на то, что боги оказываются такими, какими не должны быть и люди! Этого мифического рода богов, о котором говорят поэты, вы стыдитесь и вместе с тем защищаете его. Ибо всякий раз, как мы порицаем в ваших богах то, что есть в них жалкого, гнусного, жестокого, вы защищаете их тем, что считаете все это за вымысел, допускаемый поэтической вольностью. Всякий же раз, когда о такого рода поэтических вольностях молчат, вы не только не гнушаетесь ими, но даже почитаете их и воплощаете в соответствующих искусствах, и даже на основе словесности включаете в школьные курсы. Платон полагал, что поэтов как обвинителей богов следует изгонять, и самого Гомера, хотя и с венком на голове, следует выслать из государства. Но так как вы снова принимаете и защищаете своих поэтов, то почему не верите их рассказам о ваших богах? А если верите, то почему почитаете таких богов? Если вы потому почитаете их, что не верите поэтам, то почему вы хвалите этих лжецов и не боитесь оскорбить тех, чьих хулителей вы почитаете? Действительно, от поэтов не следует требовать достоверности. Не вы ли, говоря о тех, которые сделались богами после смерти, открыто признаете, что они были людьми до смерти? И что удивительного, если те, которые были людьми, позорятся людскими неудачами, преступлениями или же

людскими баснями? Неужели вы не верите поэтам даже тогда, когда на основании их рассказов определяете какие-либо священные действия? Почему жрец Цереры похищается, если это не случилось с Церерой? Почему Сатурну приносятся в жертву чужие дети, если он щадил своих? Почему оскотляют человека в честь Идейской богини, если то же самое не произошло с неким юношей, отвергнувшим любовь богини и тем ее глубоко уязвившим? Почему ланувийские женщины не отведывают от жертвенных угощений Геркулеса, если не предшествовала тому вина женщин? Поэты действительно лгут, но не в том, что ваши боги, когда были людьми, делали то, о чем они рассказали, и не в том, что приписали божеству мерзости, тогда как вам кажется более вероятным, что боги были не такими, как они представляют их, но в том, что вообще представляют их богами.

2:8. Остается последний род богов, а именно родовых, принадлежащих народам. Об этих богах, избранных по произволу, а не по знанию истины, имеются частные сведения. Я думаю, что Бог везде известен, везде присутствует, везде господствует, все должны почитать Его, все должны заслуживать Его милости. Но если и те, которых сообща весь мир чтит, не имеют доказательств истинности своей божественности, то тем более – те, которых не знают их собственные подданные. Ибо достойно ли уважения такое богословие, которое оставлено даже молвой? Много ли на свете людей, видевших или слышавших об Атаргате сирийцев, о Целесте африканцев, о Варсутине мавров, об Ободе и Дузаре арабов, о Белене Норикском? Или о тех богах, о которых говорит Варрон: о Дельвентине Казиниенском, о Визидиане Нарниенском, о Нумитерне Атиненском, об Анхарии Аскуланском и предшествовавшей им Нортии Вульсинской, даже имена которых ничем не превосходят человеческие? Мне смешны боги, управляющие тем или иным городом, почитание которых ограничивается его стенами. До чего доходит свобода восприимчивости богов, показывают суеверия египтян, которые почитают даже домашних животных, кошек, крокодилов и своего Анубиса. Мало им того, что они обоготворили человека. Я говорю о том, которого почитает не только Египет или

Греция, но весь мир, которым клянутся африканцы и о котором верные сведения можно найти в наших книгах. Ибо тот Серапис, который некогда назывался Иосифом, происходил из священного народа. Он, младший из братьев, но превосходивший их умом, был из зависти продан братьями в Египет и там служил в доме царя египетского, Фараона. Бесстыжая царица пожелала с ним сойтись, но так как он не повиновался ей, то она донесла на него царю, и царь заключил его в темницу. Здесь, верно истолковав сны неких людей, он тем самым обнаружил силу своего духа. Между тем и царь увидел какие-то страшные сны. Так как те, кого пригласил царь, отказались их истолковать, такую возможность получил Иосиф. Он был освобожден из темницы и так истолковал царю сны его: семь коров тучных означают семь лет плодородия, а семь коров тощих – семь лет неурожая. Поэтому Иосиф советовал царю из предшествующего обилия создать запасы на случай будущего голода. Царь поверил ему. События показали и его ум, и его святость, и его заботу. Фараон поручил ему заведовать снабжением всего Египта хлебом. Сераписом его назвали за украшение на голове. Это украшение имело форму хлебной меры и напоминало этим о раздаче хлеба, а колосья, находящиеся вокруг, показывали, что на этом человеке лежали заботы о хлебе. И собаку, которая находится в царстве мертвых, поместили под правой его рукой, потому что его рукою были преодолены бедствия египтян. С ним связывают и Фарию, этимология имени которой указывает на то, что это была дочь царя Фараона. Фараон среди других почестей и наград отдал ему в жены свою дочь. Но так как они вознамерились почитать и зверей, и людей, то образ тех и других соединили в одном Анубисе, чтобы лучше можно было видеть, что черты своей природы и своего нрава обоготворил народ буйный, непокорный своим царям, подобоострастный к чужим, то есть в полном смысле рабская натура, исполненная собачьей мерзости.

2 : 9. Мы рассмотрели наиболее известное или замечательное в этих трех родах богословия, согласно установленному Варроном разделению богов, так что наш ответ относительно физического, мифического и родового разряда богов можно считать достаточ-

ным. А так как ныне все религиозные представления принадлежат уже не философам, не поэтам и не народам, а владыкам-римлянам, которым те их передали и от которых они приобрели себе авторитет, то нам должно теперь вступить в другую обширную область человеческого заблуждения, в лесную чащу, которую следует вырубить, поскольку она успела затенить не стойкие в прошлом заблуждения, принявшие семена суеверий...

О прескрипции [против] еретиков*

7. Все это учения людские и демонские, лстящие слуху (1 Тим. 4 : 1; 2 Тим. 4 : 3) и рожденные изобретательностью языческой мудрости, которую Господь называет глупостью: немудрое мира (1 Кор. 1 : 27) избрал Он для посрамления даже самой философии. Она, конечно, есть материя языческой мудрости, безрассудная толковательница Божественной природы и установления. Как раз от философии сами-то ереси и получают подстрекательство. Отсюда зоны, какие-то неопределенные формы и троичность человека (*trinitas hominis*) у Валентина: был он платоник. Отсюда и Маркионов Бог, который лучше из-за безмятежности своей: этот пришел от стоиков. А эпикурейцы особенно настаивают на мнении, что душа погибает. И все философы сходны в том, чтобы отрицать воскресение плоти. А где материя уравнивается с богом, там учение Зенона; где речь идет об огненном боге, там выступает Гераклит. Тот же предмет обсуждается у еретиков и философов, те же вопросы повторяются: откуда зло и почему? откуда человек и каким образом? и, что недавно предложил Валентин, откуда Бог? Конечно, от мысли и преждевременных родов. Жалкий Аристотель! Он сочинил для них диалектику – искусство строить и разрушать, притворную в суждениях, изворотливую в посылках, недалекую в доказательствах, деятельную в пререканиях, тягостную даже для самой себя, трактующую обо всем, но так ничего и не выясняющую. Отсюда

* Извлечения из кн.: Тертуллиан : избр. соч. / сост. А. А. Столяров. М. : Прогресс, 1994. С. 109, 115–116.

их нескончаемые рассказы и родословия, и бесплодные вопросы, и слова, ползучие, как рак (ср.: 1 Тим. 1 : 4; Тит. 3 : 9; 2 Тим. 2 : 17). Удерживая нас от них, апостол особенно указывает, что должно остерегаться философии, когда пишет к колоссянам: смотрите, чтобы никто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому вопреки промыслу Духа Святого (ср.: 2 : 8). Был он в Афинах, и там в собраниях узнал эту мудрость человеческую, домогательницу и искажительницу истины; узнал, что она сама разделилась на многочисленные ереси из-за множества сект, противоположных одна другой.

Итак: что Афины – Иерусалиму? что Академия – Церкви? что еретики – христианам? Наше установление – с портика Соломонова, а он и сам передавал, что Господа должно искать в простоте сердца (Прем. 1 : 1). Да запомнят это все, кто хотел сделать христианство и стоическим, и платоническим, и диалектическим. В любознательности нам нет нужды после Иисуса Христа, а в поисках истины – после Евангелия. Раз мы верим [во что-то], то не желаем верить ничему сверх этого: ибо в это мы верим прежде всего, и нет ничего более, во что мы должны бы поверить.

20. Кем бы ни был Господь наш Иисус Христос (да позволит Он пока выразиться так), Сыном какого Бога Он ни был бы, какова бы ни была природа (*materia*) Его человечества и Божества, какой бы веры Он ни был наставник, какое бы воздаяние ни обещал, однако Он Сам возвещал, что Он есть, что Он был, какую волю Отца Он исполнял, что определил делать человеку, когда обитал Он на земле: возвещал или открыто народу, или отдельно ученикам, из коих двенадцать Он особенно приблизил к Себе, определив им быть учителями народов. Когда же один из них отпал, остальным одиннадцати, возносясь к Отцу после Воскресения, Он приказал идти и учить народы, крестя их в Отца, и Сына, и Духа Святого (Матф. 28 : 19). Тут же апостолы (это имя значит «посланники»), избрав жребием двенадцатого, Матфия, на место Иуды, по велению (*ex auctoritate*) пророчества, которое содержится в псалме Давидовом, обрели обещанную им силу Духа Святого для чудо-

действия и проповеди; прежде всего они свидетельствовали веру и основали церкви в Иудее, а затем отправились по миру, возвещая то же учение той же веры народам; равным образом они в каждом городе учреждали церкви, от которых получили отросток веры и семена учения прочие церкви, да и постоянно получают новые церкви: посему они и сами причисляются к апостольским как побеги апостольских церквей. О всякой породе следует судить по началу ее. Итак, хотя существует множество церквей, но апостольская, первоначальная церковь, от которой происходят все прочие, одна. Поэтому [в некотором отношении] все они первоначальные и апостольские, ибо все они составляют одну. Единство же их доказывается общением в мире, именем братства и узами взаимного радушия (*contesseratio*).

21. Отсюда мы выводим [первое] возражение (*praescriptio*): если Господь Иисус Христос послал апостолов проповедовать, нельзя признавать других проповедников, кроме назначенных Христом, ибо Отца никто не знает, кроме Сына и того, кому Сын открыл (Матф. 11–27); а Сын, как представляется, не открыл никому, кроме апостолов, и послал их на проповедь того именно, что Он им открыл. А то, что они проповедовали (именно то, что открыл им Христос), нужно (возражу и здесь) доказывать не иначе, как через те же церкви, которые сами апостолы основали, когда проповедовали, как говорится, и живым словом, и впоследствии через послания. Если это так, тогда ясно, что всякое учение, единодушное с этими апостольскими церквями, прародительницами и основательницами веры, нужно считать истинным; в нем, без сомнения, содержится то, что церкви получили от апостолов, апостолы – от Христа, а Христос – от Бога. Все же прочие учения нужно считать ложью, ибо они противны истине церковной, апостольской, Христовой и Божьей. Стало быть, нам остается доказать, что это наше учение (правило его мы привели выше) следует причислить к преданию апостольскому, а все прочие тем самым коренятся во лжи. Мы имеем общение с церквями апостольскими, ибо у нас нет различия в учении: таково свидетельство истины.

Марк Минуций Феликс

(конец II – начало III в.)

Происходил из Северной Африки, переехал в Рим. Детали биографии неизвестны, диалог «Октавий» предположительно относится к первой половине III в. Диалог представляет как интересные антихристианские аргументы, изложенные Цецилием, так и развернутое обоснование монотеизма Октавием на основе глубокого знания традиции античной философии.

Октавий*

17. Я вовсе не думаю противоречить Цецилию, который прежде всего старался показать, что человек должен познать себя и исследовать, что он такое, откуда и почему произошел: сложился ли из элементов, или произошел от сцепления атомов, или всего лучше – он сотворен, образован и получил душу от Бога? Но мы не можем исследовать и познать человека, не исследуя всей совокупности предметов, потому что все так связано и находится в таком единстве и сцеплении, что если мы тщательно не исследуем Божественной природы, то не поймем человеческой, точно так же как не можешь быть хорошим деятелем на гражданском поприще, если вполне не узнаешь этого общего всем гражданства мира. Притом же, главным образом, мы отличаемся от животных тем, что они, наклоненные и обращенные к земле, не способны видеть ничего другого, кроме пищи; между тем как мы, имея лицо, обращенное вперед, и взор, устремленный на небо, и будучи одарены способностью говорить и умом, посредством которого мы познаем Бога, чувствуем Его и подражаем Ему, – и мы не должны, не можем не знать небесной красоты, так поражающей наши глаза и все чувства. Искать на земле того, что должно находить на высоте небесной, это самое оскорбительное святотатство. Те люди, которые думают, что

* Извлечения из кн.: Сочинения древних христианских апологетов. СПб. : Алетейя, 1999. С. 241–246; текст также доступен на сайте: URL: http://azbyka.ru/otechnik/Minutsij_Feliks/oktavij/#1_17 (дата обращения: 28.11.2015).

весь этот благоустроенный мир не Божественным разумом создан, а составился из известных частей, соединившихся между собою без всякой цели – те не имеют, мне кажется, ни разума, ни мысли, ни даже глаз. В самом деле, если только поднимешь взоры на небо и рассмотришь то, что под ним и на нем, то может ли быть что-нибудь яснее и достовернее той истины, что есть некоторое Существо превосходнейшего разума, которое проникает, движет, сохраняет и направляет всю природу. Посмотри на самое небо. Как широко оно раскинулось! Какое быстрое движение совершается там! Посмотри на него ночью, когда оно испещрено звездами, или днем, когда оно сияет яркими лучами солнца, и ты узнаешь, в каком удивительном Божественном равновесии держит его Верховный Управитель. Обрати внимание на то, как от движения солнца нисходит год, и как луна, то прибывая, то убывая, измеряет месяцы. Но предоставим астрономам подробнее сказать о звездах, как они управляют движениями мореплавателей или определяют время сеяния и жатвы: все это не только не могло произойти, образоваться и прийти в порядок без Верховного Художника, без совершеннейшего Разума, но даже не может быть воспринято, исследовано и постигнуто без величайшего усилия и деятельности разума. Что я скажу о столь правильно совершающихся переменах года и плодов? Не указывают ли нам на своего Виновника весна со своими цветами, лето со своими жатвами, осень со спелыми и приятными плодами и зима, изобилующая оливами? Легко расстроился бы такой порядок, если бы не поддерживался высшим Разумом. А какая предусмотрительность видна в том, что даны нам весна и осень со своей средней температурой, чтобы зима не томила нас только своим холодом, и лето не палило своим жаром, и что незаметны и нечувствительны переходы из одного времени года в другое! Обрати свое внимание на море – оно ограничивается законом берега! Посмотри, как все растения получают свою жизнь из внутренности земли. Посмотри на вечно волнующийся океан, на эти всегда струящиеся источники, на эти реки, никогда не останавливающиеся в своем течении. Что сказать об этих правильно расположенных возвышениях гор, об извалинах холмов, об обширном протяжении равнин?

Что сказать о разнообразии защиты животных друг против друга? Одни из них вооружены рогами, другие снабжены острыми зубами, третьи защищены копытами, четвертые имеют острое жало, одни укрываются скоростью своего бега, другие быстротою полета! Особенно же в красоте нашего образа открывается, что Бог есть художник: прямое положение, взор, устремленный кверху, глаза, помещенные высоко как бы на сторожевой башне, и все прочие чувства, расположенные как бы в укреплении.

18. Когда ты при входе в какой-нибудь дом видишь повсюду вкус, порядок, красоту, то, конечно, подумаешь, что им управляет хозяин и что он гораздо превосходнее, чем все эти блага; подумай же, что и в доме этого мира, когда смотришь на небо и на землю и находишь в них промысление, порядок и закон есть Господь и Отец всего, Который прекраснее самых звезд и частей всего мира. А когда нельзя сомневаться в Провидении, ты должен же исследовать, управляется ли небесное царство властью одного или произволом многих. И этот вопрос нетрудно уяснить, когда размыслишь о земных царствах, которые суть образы небесного. Где царствование многих соправителей начиналось верностию и кончилось без кровопролития? Не говорю о персах, по ржанию коней гадающих о власти, и опускаю баснословный рассказ о братьях фиванцах; весьма известна история о двух близнецах, споривших о том, кому из них владеть хижиною и пастухами; всем также известны войны между зятем и тестем; удел столь обширной власти был слишком мал для двоих. Далее, посмотри: один царь у пчел, один вожатый у овец, один предводитель у стада. Ужели же ты думаешь, что на небе разделена верховная власть и раздроблено полномочие этого истинного Божественного господства? Очевидно, что Бог, Отец всех вещей, не имеет ни начала, ни конца; всему давая начало, Он Сам вечен; Он был прежде мира, Сам будучи для Себя миром. Он несущее вызвал к бытию Своим Словом, привел в порядок Своим разумом, совершил Своею силой. Его нельзя видеть, Он слишком величественен; Его нельзя осязать, Он слишком тонок; Его нельзя измерить, Он выше чувств, бесконечен, неизмерим и во всем Своем величии известен только Самому Себе; наше же

сердце слишком тесно для такого познания, и потому мы тогда только Его оцениваем достойно, когда называем Его неоцененным. Я скажу, как я думаю: кто мнит познать величие Божие, тот умаляет Его, а кто не хочет умалять Его, тот не знает Его. И не ищи другого имени для Бога: Бог – Его имя. Тогда нужны слова, когда надо множество богов разграничить отдельными для каждого из них собственными именами. А для Бога Единого имя Бог выражает все. Если я назову Его отцом, ты будешь представлять Его земным; если назову царем, ты вообразишь Его плотским; если назову господином, ты будешь о Нем думать, как о смертном. Но откинь в сторону все прибавления имен, и увидишь Его славу. И не на моей ли стороне всеобщее согласие? Я слышу, как народ, простирая руки к Небу, никакого другого имени не употребляет, кроме «Бога», говорит: «велик Бог, Бог истинен, если Богу угодно». Что это – естественная речь народа или слово верующего христианина? И те, которые хотят иметь верховным владыкою Юпитера, заблуждаются только касательно имени, но они согласны с нами о единстве власти. Поэты также прославляют «единого Отца богов и людей» и говорят, что «такова душа у смертных, какую создал ее Отец всего».

19. Что может быть яснее и справедливее слов Мантуанского поэта Марона, который говорит, что изначально разум приводит в движение, и дух животворит небо и землю и остальные части мира; отсюда произошел человеческий род, все породы скота и все прочие животные. Потом в другом месте он этот разум и дух называет Богом. Вот собственные его слова: «Бог проникает всюду на земле, в море и в глубине небесной. От Него получают бытие и люди, и животные, от Него огонь и дождь». Не так же ли точно и мы называем Бога Умом, Разумом, Духом? Пересмотрим, если угодно, учения философов, и мы увидим, что все они, хотя в различных словах, но на самом деле выражают одну и ту же мысль. Я опущу тех простых и древних мужей, которые за свои изречения заслужили название мудрецов. Начну с Фалеса Милетского, который первый из всех начал рассуждать о вещах небесных. Он считал воду началом вещей, а Бога тем разумом, который образовал из воды все существующее. Мысль о воде и духе слишком глубокая и возвы-

шенная, чтобы могла быть изобретена человеком, – она предана от Бога. Видишь, как мысль этого древнейшего философа совершенно согласна с нами. Далее Анаксимен и после Диоген Аполлонийский Бога считали воздухом бесконечным и неизмеримым. И мнение этих философов о божестве похоже на наше. Анаксагор представляет Бога бесконечным Умом. По Пифагору Бог есть дух, разлитый во всей природе, от которого получают жизнь все животные. Известно, что Ксенофан считал Бога бесконечным, имеющим разум, а Антисфен говорил, что хотя много народных богов, но, собственно, главный Бог один. Спевсипп признавал Бога одушевляющею силою, которая управляет всем миром. Что же Демокрит? Хотя он первый изобрел учение об атомах, однако и он не называет ли Богом природу, посылающую образы предметов, и ум, их восприимлющий? Стратон также называет природу Богом; и Эпикур, который представлял богов праздными или вовсе не признавал их бытие, поставляет, однако, выше всего природу. Аристотель, хотя говорил различно, однако, всегда держался мнения о единой власти; ибо он называл Бога то разумом, то миром или же подчинял мир Богу. Гераклит Понтийский также приписывал Богу высший разум. Теофраст, Зенон, Хрисипп и Клеанф, хотя расходились между собою во мнениях, однако единогласно признают единство Провидения. Клеанф называл божество то умом, то духом, то эфиром, то разумом. Наставник его Зенон говорит, что начало всего есть естественный божественный закон, называемый то эфиром, то разумом. И когда он говорит, что Юнона есть воздух, Юпитер – небо, Нептун – море, Вулкан – огонь, и прочих богов подобным образом возводит к элементам, то обличает и сильно подрывает общее заблуждение. Точно так же почти Хризипп считал Богом то разумную природу, то мир, то неизбежную судьбу; он подражал Зенону и в физиологическом изъяснении песен Гесиода, Гомера и Орфея. У Диогена Вавилонского мы находим целую систему для изъяснения рождения Юпитера, происхождения Минервы и прочих, и выходит, что это имена вещей, а не богов. Ученик Сократа Ксенофонт говорил, что образ бытия истинного Бога для нас недоступен и что посему не должно стараться его познать. Аристон Хиосский

учил, что Бог непостижим. Оба они чувствовали величие Божие в самом отчаянии понять Его. Платон гораздо яснее и по содержанию, и по выражению изложил свое учение о божестве, и его можно было бы принять за небесное, если бы только оно не было омрачено примесью народных убеждений. Так, в «Тимее» Платон говорит, что Бог по самому Своему имени есть отец всего мира, творец души, создатель неба и земли; что Его трудно познать по Его необъятному и беспредельному могуществу, и если познаешь Его, невозможно то высказать публично. Это учение весьма сходно с нашим; ибо и мы признаем Бога, и называем Его отцом всего и никогда не говорим о Нем публично, разве только когда нас спрашивают о Нем.

Вопросы для обсуждения

1. Каковы сходства и различия риторических стратегий, избранных Минуцием Феликсом и Тертуллианом в споре об отношении христианства и философии?
2. Каковы предполагаемые обвинения против христиан, по которым Минуций Феликс и Тертуллиан считают необходимым защищать христиан; различны ли обвинения, вызвавшие реакцию этих апологетов?
3. Какое понимание божества устами Октавия представляет Минуций Феликс?
4. Какое понимание божества можно почерпнуть из аргументации Тертуллиана?
5. Каковы типы богословия, согласно Варрону?

Глава 4

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БОГОСЛОВСКАЯ (КАТЕХИЗАТОРСКАЯ) ШКОЛА

Истоки средневековой философии находятся в Античности, в эпохе эллинизма, когда на востоке Римской империи зарождается христианство. История восточной христианской философии начинается с творчества Филона Александрийского, который предложил философское толкование книг Ветхого Завета при помощи аллегорического метода. По мысли Филона Александрийского, буквальный смысл Библии менее важен, чем то, что содержание библейских текстов символизирует метафизические и моральные понятия. Такой метод интерпретации Библии стал популярным в период патристики.

Александрийская богословская школа — ветвь ранней патристики, которая развивала аллегорический метод истолкования Библии. Эту школу в Александрии около 180 г. основал Пантен, обратившись из стоика в христианина. После него школу возглавляли такие мыслители как Климент Александрийский, Ориген, Иракл Александрийский, Дионисий Александрийский, Петр Александрийский и Дидим Слепой. Школа отстаивала возможность сближения христианского вероучения с эллинской философией.

Так, Климент Александрийский защищал и углублял веру при помощи философии. Безусловно, вера для мыслителя является основой, критерием истины и конечной целью настоящего христианина, а философия носит вспомогательный характер, тем не менее, философия делает веру более сильной и помогает в спорах с идейными противниками.

Еще одним ярким представителем александрийской богословской школы является Ориген. Он также стремился соединить рациональное познание и христианскую веру. Философия Платона и стоиков использовалась им для интерпретации Священного Писания.

Филон

Александрийский

(25 г. до н. э. – 50 г. н. э.)

О жизни Филона Александрийского сохранилось очень мало сведений. Известно, что родился он в Александрии в богатой семье. Близкие родственники Филона занимали высокие посты на римской государственной службе. Сам Филон Александрийский также занимал хорошее общественное положение. Его родным языком был греческий. Филон Александрийский создал своеобразную «философскую мозаику», в которой греческая философия проникает в теологическую проблематику. Среди его работ самой значительной является серия трактатов «Аллегорический комментарий к Пятикнижию».

Филон Александрийский рассматривает сотворение мира, используя положения античной философии Платона, Аристотеля и стоиков. Он признает существование двух исходных начал – Бога и материи. Являясь разумной действующей причиной, Бог творит сущее на основе образцов, умопостигаемых идей, которые творятся Богом до создания чувственных вещей. Как сначала архитектор проектирует городские здания в своем уме, так и Бог создает сначала вечный умопостигаемый мир, который является Логосом Бога. Материя благодаря Богу получает жизнь, порядок, гармонию и согласованность.

Филон представляет человека духовным микрокосмом, и этим его трактовка отличается от античной. Человек является образом Бога, но не телесно, а духовно. Основной духовной способностью человека является ум. Ум созерцает идеи и образы, таким образом достигая сферы Божественного. Филон выделяет две стадии сотворения человека: на первой Бог создает человека по образу Божьему – умопостигаемого, бестелесного, бесполого, нетленного, а на второй создается чувственный, частный человек из земли и Божественного духа как единство души и тела.

О сотворении мира согласно Моисею*

II

(7) Ибо некоторые, изумляясь более миру, чем его Создателю, мир сочли нерожденным и вечным, а Богу нечестиво приписали совершенную бездеятельность, [хотя,] напротив, следует поразиться могуществу одного как Создателя и Отца, а другой превозносить не сверх меры. (8) Моисей же, достигнув самих вершин философии и посредством оракулов познав большинство наиважнейших [связей] в природе, уразумел всю необходимость признать, что в сущих одно является действительной причиной, а другое [есть] страдательное, и что действительное есть мировой ум, совершенно чистый и беспримесный, более могущественный, чем добродетель, более могущественный, чем знание, более могущественный, чем само благо и само добро, (9) Страдательное же – мертво и не имеет в себе движения, но, приводимое в движение умом, [от него] получающая облик и жизнь, преобразуется в совершеннейшее произведение, то есть этот мир. Утверждающие, что он будто бы не рожден, не замечают, как отвергают самое необходимое и полезное для благочестия – промысел. Ибо само собой разумеется, что Отец и Создатель проявляет заботу о возникшем, (10) Ведь и отец по отношению к своим детям, и ремесленник по отношению к созданиям своего ремесла цель свою видит в их сохранении и любыми путями ограждает от всякого вреда и пагубы, доставить же стремится всякую пользу и выгоду любыми способами. По отношению же к не возникшему в нетворившем нет никакого участия, (11) [Так что] это бессмысленное и бесполезное учение, создающее в этом мире безвластие, словно в городе, не имеющем ни правителя, ни распорядителя, ни судьбы, которым положено управлять и распоряжаться всем, (12) Но не так великий Моисей, который, сочтя невозникшее всецело чуждым видимому – ведь все чувственное, пребывая

* Извлечения из книги: *Филон. О сотворении мира согласно Моисею* / пер. А. В. Вдовиченко. URL: <http://khazarzar.skeptik.net/books/philo/opificio.htm> (дата обращения: 16.09.2015).

в становлении и превращении, никогда не тождественно самому себе, – [свойством] вечности как близким и родственным наделил невидимое и умопостигаемое, а чувственное нарек присущим ему именем «становление». Сей мир, таким образом, поскольку является видимым и чувственным, обязательно должен быть и ставшим. Именно поэтому он и описал его становление, весьма основательно богословствуя.

III

(13) За шесть дней, говорит он, был сотворен мир – не потому, что Творящий нуждался в некой временной протяженности, ибо Богу, не только когда Он повелевает, но и когда замышляет, свойственно все делать сразу, – но потому, что возникающим [вещам] был необходим порядок. Порядку же свойственно число. А по законам природы из всех чисел самое важное при возникновении есть число шесть. Ибо после единицы оно – первое совершенное, [то есть] равное произведению своих частей и их сумме: половины – троицы, трети – двоицы и шестой части – единицы. По природе, можно сказать, оно и мужское, и женское, и образовано умножением друг на друга. Ибо мужским является в сущих нечетное, а женским четное. Так, начало нечетных чисел есть троица, четных – двоица, а их произведение – шестерица. (14) Ибо следовало, чтобы мир, будучи совершеннейшим из возникших, был утвержден в соответствии с совершеннейшим числом шесть, а кроме того, поскольку ему надлежало в себе самом содержать возникновения из сочетаний попарно, то образоваться он должен был в соответствии со смешанным числом, первым четно-нечетным, заключая в себе идею семенного мужского и воспринимающего семя женского. (15) Каждому из дней он отвел определенную часть бытия, особо выделив первый день, который сам он не называет первым, чтобы не сопричислить его остальным, но, назвав его «единым» (Быт. 1 : 5), дает ему таким образом самое точное имя, поскольку в нем он увидел и выразил природу и смысл единицы.

IV

Следует указать, сколь велико число содержащихся в нем [идей], – насколько это возможно, поскольку все полностью [указать] немислимо, – ведь он охватывает сразу весь умопостигаемый мир, как показывает [наше] рассуждение о нем. (16) Ведь Бог, поскольку Он Бог, заранее предусмотрел, что не получилось бы хорошего подражания без хорошего образца и что не могла обойтись без [соответствующего] примера ни одна из чувственных [сущностей], не будучи уподоблена первообразной и умопостигаемой идее. Пожелав сотворить сей видимый мир, прежде Он стал создавать умопостигаемый, чтобы, воспользовавшись им как бестелесным и боговиднейшим образцом, создать [затем] телесный, юнейшее изображение старшего, долженствующий охватить в себе столько чувственных родов, сколько в том умопостигаемых.

(17) Утверждать же или подразумевать, что мир, составленный из идей, [пребывает] в каком-то месте, нельзя. А как он образовался, мы сможем уразуметь, рассмотрев один пример из доступных нам. Когда строится город по великой любви к почестям царя или какого-то правителя, присваивающего себе единоличную власть и вместе с тем блистательного умом и желающего приумножить свое счастье, обычно бывает так, что приходит сведущий человек, обученный зодческому искусству, и, рассмотрев, какие преимущества [для строительства] предоставляет климат и рельеф, вначале в уме рисует едва ли не все части того города, который собирается строить: святилища, гимнасии, пританеи, места собраний, порты, верфи, улицы, укрепления, основания домов и общественных зданий. (18) Затем, запечатлев, словно на воске, в своей душе образ каждой из частей, он воздвигает умопостигаемый город. Посредством присутствующего ему воображения воссоздав его очертания и еще отчетливее представив детали, он, подобно хорошему ремесленнику, взирая на образец, начинает затем возводить город из камня и дерева, соотнося каждую из чувственных сущностей с умными идеями. (19) Подобно тому следует полагать и о Боге, Который, задумав основать Свой великий град, вначале замыслил его прообразы,

из которых составив умопостигаемый мир, Он и стал создавать затем чувственный, пользуясь первым как образцом.

V

(20) Поэтому, подобно тому, как образ града, созданный в уме зодчего, не имеет какого-либо места вовне, но запечатлен в душе его создателя, точно так же и мир, составленный из идей, не может иметь никакого другого места, кроме Божественного Логоса, упорядочившего [все] это. Да и какое могло быть иное место для Его сил, способное принять и вместить, не скажу все, но хотя бы одну единственную чистую [идею]? (21) Сила же – и та, что созидает мир, имеющая источником истинное благо. Ибо раз мы хотим исследовать причину, по которой была сотворена эта вселенная, то, думаю, не погрешим против истины, если признаем вслед за одним из древних, что Отец и Создатель – благ. В силу своей благости Он не отказал в совершенстве собственной природы материи, которая сама по себе не имела никакого достоинства, но которая могла соделаться всем. (22) Ибо сама по себе она была беспорядочна, бескачественна, безжизненна, безобразна, исполнена изменчивости, разлада и дисгармонии. Отныне же с ней совершились превращение и изменение, соделавшие ее совершенной противоположностью и предоставившие ей все лучшее: порядок, качество, жизнь, образ, тождественность, гармонию, согласованность – все, что являет собой идею лучшего.

VI

(23) Не имея помощника – ибо был ли кто другой? – но полагаясь лишь на Себя одного, Бог решил облагодетельствовать щедрыми дарованиями природу, которая без Божественных даров сама по себе не была способна обрести ничего доброго.

Однако, наделяя дарами, Бог отмеряет их не в соответствии с величием своей благости, ибо она безгранична и бесконечна, но сообразуясь с возможностями тех, кто принимает благодеяния. Ведь то, что находится в становлении, не может по природе вместить

столько блага, сколько Бог по природе может даровать, ибо Его силы превосходят все; несоизмеримо малое не могло бы воспринимать их величия, если бы Бог не соизмерял подобающую каждому часть с его способностью. (24) Говоря еще более ясными словами, можно сказать, что умопостигаемый мир есть не что иное, как Логос Бога, уже занятого творением мира, ведь и умопостигаемый город есть не что иное, как расчет зодчего, обдумывающего строительство города. (25) И это учение Моисея, а не мое [собственное]. Во всяком случае, в последующем повествовании, описывая сотворение человека, Моисей определенно говорит, что он был создан «по образу Божию» (Быт. 1 : 27). Если же часть есть образ образа, и, [соответственно], целое, весь этот чувственный мир, раз он больше человеческого [образа], есть [также] подражание Божественному образу, ясно, что архетипической печатью, которую мы определяем как умопостигаемый мир, должен быть сам Логос Бога.

VII

(26) Когда он говорит: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1 : 1), то мыслит «начало» не так, как полагают некоторые – не в смысле времени, ибо время не существовало до мира, но появилось либо вместе с ним, либо после, ведь, поскольку время есть отрезок движения мира, движение не могло бы возникнуть прежде того, что подлежит движению, но необходимо [признать], что оно появилось или после, или одновременно с ним. Следовательно, необходимо [признать и то], что время одного возраста с миром или младше его. Осмеливаться же объявлять его более древним можно только будучи совершенно не сведущим в философии. (27) Если же «начало» понимается не во временном отношении, то весьма вероятно, что его следует понимать в смысле числа, так что «В начале Он сотворил» должно означать «Первым Он сотворил небо», ибо воистину благоразумно полагать, что небо явилось первым из рожденного, поскольку оно лучшее из всего возникшего и образовано из самой чистой [составной части] материи; по этой причине ему

предстояло соделаться пресвященной обителью видимых и вещественных божеств. (28) Ведь, хотя Создатель и сотворил все мгновенно, [существа], созданные прекрасными, имели, тем не менее, определенный порядок, ибо нет прекрасного в беспорядке. Порядок же есть последовательность и связь между некими предшествующими и последующими [элементами], если не в осуществленном виде, то, по крайней мере, в замысле их создателей, ибо именно таким образом они должны были обрести законченность и не быть перепутанными и смешанными, (29) Поэтому в первую очередь Создатель сотворил умопостигаемое небо, [затем] невидимую землю, [затем] идею воздуха и пустоты; первый Он назвал тьмою, так как воздух по природе черный; вторую – бездной, так как пустота весьма глубока и необъятна. Затем – умопостигаемую сущность воды и дыхания, а после всего этого, седьмым [по счету], – [сущность] света, который, будучи также невещественным и бестелесным, стал образцом для солнца и всех светящихся небесных тел, которые Бог создал на небе.

VIII

(30) Преимущества Он удостоил дух и свет. Первый Он именует Божиим, ибо дыхание – самое важное для жизни, а источник жизни – Бог; что же до света, Он говорит о его преизобилующей красоте (Быт. 1 : 4). Ведь, как я полагаю, умопостигаемое превосходит сиянием и блеском видимое так же, как солнце превосходит тьму, день – ночь, ум, предводитель всей души, – телесные очи. (31) Сей невидимый и умопостигаемый свет стал образом Божественного Логоса, [сопоставление с которым] проясняет [смысл] его возникновения: это также наднебесная звезда, источник вещественных светил; не без основания его, пожалуй, можно назвать всеобщей светлостью, из которой солнце, луна и другие планеты и неподвижные тела черпают – каждое в соответствии со своей силой – подобающее им сияние, тот чистый и беспримесный свет, который тускнеет, когда начинает претерпевать изменения, превращаясь из умопостигаемого в чувственный. Ибо нет ничего чистого среди того, что содержит в себе ощущение.

Вопросы для обсуждения

1. Как Филон описывает идею творения мира?
2. Как трактуется Филоном материальное и идеальное?
3. Каковы взаимоотношения видимого и умопостигаемого в учении Филона?

Климент Александрийский (150–215)

Полное имя – Тит Флавий Климент. Родился в Афинах в семье язычников. Получил хорошее образование, потом много путешествовал.

В своих духовных поисках Климент обратился в христианство и сначала обучался у христианских учителей из Сирии, Египта и Палестины. В Александрии он познакомился с Пантенем, которого называл «сицилийской пчелой», создателем катехизаторской школы. Климент активно занимался изучением философии для того, чтобы использовать знание философских теорий в спорах с еретиками. После смерти Пантена Климент возглавил катехизаторскую школу примерно в 190 г. и руководил ей около десяти лет. Во время гонений Септимия Севера на христиан в 202 г. Климент уехал в Палестину, где скончался примерно в 215 г. Основные сочинения Климента Александрийского – «Увещание к эллинам», «Педагог», «Строматы» (*букв.* – «лоскутный ковер»).

Учение Климента складывается в полемике с гностиками, поэтому основной вопрос для него – это вопрос об истинно христианском гнозисе (знании, познании) и об истинном гностике. Начальным этапом гнозиса, по Клименту, является обращение к наукам и философии. Таким образом, Климент хочет привлечь к христианству образованных людей. Он достаточно высоко оценивает достижения эллинского логоса – геометрию, астрономию, диалектику. Тем не менее, основным источником истинного гнозиса для него является Священное Писание. Познание Священного Писания предполагает толкование и доступно только образованным людям, поскольку его содержание носит символический характер. Климент подчеркивает, что буквальное толкование Священного Писания не приводит к истинному гнозису, необходимо использовать аллегорический метод.

Гнозис связан с очищением души гностика от страстей. Истинного гностика отличает вера. Вера для Климента является актом свободного

и разумного выбора человека. Вера связана со временем: человек верит в существование прошлого и того, что наступит будущее. Воспоминание и надежда, таким образом, проявление веры. Без веры для Климента невозможно знание. Вера совершенствуется через познание.

Строматы*

Книга 1

(28, 1) Итак, до пришествия Господа философия была необходима эллинам как учение праведности. Но и ныне она полезна как средство привлечения к истинному благочестию. Она представляет собой предварительное образование для таких людей, которые к вере приходят не иначе как путем доказательств. «Нога же твоя не преткнется», – говорит Писание (Притч. 3 : 23), если все доброе будешь относить к Божественному провидению, будь то добро эллинское или наше. (2) Виновником всяких благ является Бог, но одних, например, Ветхого и Нового заветов – непосредственно, других же, например, философии, – опосредованно. (3) Возможно, философия изначально была даром Бога эллинам до того, как он обратился к ним явно. Ибо философия для эллинов – это то же, что закон для иудеев, а именно наставник, ведущий их к Христу. Итак, философия является пропедевтическим учением, пролагающим и выравнивающим путь к Христу, который приводит ученика к совершенству.

(37, 1) Итак, ясно, что предварительные науки, равно как и философия, происходят от Бога; однако они не являются самоцелью, но подобно некоему дождю, одинаково поливают и плодоносную почву, и навоз, и крыши домов. В результате вырастают и сорняки, и пшеница, и смоковница на кладбище, и иные деревья, еще более неприхотливые. Эти всходы, хотя и вполне естественны и вырастают под влиянием того же дождя, не столь прекрасны, как всходы, выросшие на плодородной почве, поэтому они обычно или сами

* Извлечения из кн.: *Климент Александрийский. Строматы* : в 3 т. / пер. с древнегреч. и коммент. Е. В. Афонасина. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2003.

засыхают, или же насильно исторгаются. (2) Об этом идет речь в притче о сеятеле, истолкованной Господом (Мф. 13:1–23). Существует только один сеятель, обрабатывающий человеческую почву. Именно он от начала мира посеял потенциально всхожее семя и орошает его в случае необходимости божественным Логосом. Так что все видимое разнообразие всходов объясняется различием времени и места получения этого Логоса. (3) Далее, божественный сеятель не ограничивается только лишь, например, пшеницей (да и она имеет множество разновидностей), но разбрасывает семена, скажем, ячменя, бобов, гороха, различных овощей и цветов. (4) Задача науки агротехники принципиально одна и та же и на полях, и в садах, и в виноградниках, и состоит она в том, чтобы вырастить различные деревья и злаки. (5) Подобным образом требуют ухода и все домашние животные, но этот уход должен соответствовать роду животных. Пастуху овец требуются одни навыки, пастуху волов – другие; отличны от них искусства объездчика коней и собаководы; с этими последними не сходно умение пчеловода; и, однако же, все эти искусства полезны в земной жизни.

(43, 1) Некоторые полагают, что они достаточно разумны от природы, и поэтому предпочитают ни с философией, ни с диалектикой дела не иметь, ни даже естественных наук не изучать, довольствуясь лишь простой и чистой верой. Но это все равно, как если бы они утверждали, что никакого ухода за виноградной лозой не нужно, но достаточно лишь посадить ее, чтобы иметь потом виноград. (2) Виноградная лоза — это аллегория Господа (Ин. 15 : 1). С нее при должном уходе и искусстве, то есть следуя Слову, мы получаем плоды. Уход же этот заключается в обрезке, окапывании, подвязывании и других работах, поэтому нам приходится пользоваться ножом, заступом и другими земледельческими орудиями. (3) И в земледелии, как и в медицине, искусен лишь изучивший относящиеся к ним науки о том, как лучше обрабатывать землю и как удачнее лечить. (4) Точно так же свести разнообразные знания к истинному учению может лишь человек основательно ученый. И для защиты веры от посягательств на нее он пользуется различными знаниями, почерпнутыми и из геометрии, и из музыки

ки, и из грамматики, и, конечно же, из философии. Ибо кому нужен даже сильный атлет, не подготовленный к состязанию предвзятельными упражнениями?

(3) Стремящийся приблизиться к уразумению Божественного всемогущества должен стать философом для того, чтобы иметь верное представление о тех предметах, которые доступны только умозрению. Он должен также уметь различать между двусмысленными и по видимости схожими понятиями, которые встречаются в Ветхом и Новом заветах.

(45, 1) И если пророки и апостолы не знали различных философских наук, а смысл многих пророческих и поучительных мест Дух, действовавший в них, выразил прикровенно, то не у всех слух одинаково подготовлен к пониманию смысла сказанного, и для уяснения этого необходима наука. (2) Сами пророки и ученики Духа смысл таких мест понимали без затруднения. Они уразумевали верой то, что Дух не открывал ясно, однако никто не в силах адекватно выразить это словами, не пройдя сначала некоторого предварительного обучения.

Книга 2

(5, 1) Итак, варварская философия, которой мы следуем, является совершенной и истинной. «Сам он, – говорится в книге Премудрости, – даровал мне неложное познание сущего, познать состав мира», и далее, до слов: «...и силу корней» (Sap. 7: 17–20). В этом высказывании содержится описание всей совокупности явлений мира физического. (2) Далее следует намек на то, что сюда включается и мир умопостигаемый: «Все сокровенное и явное познал я; научила же меня Премудрость – искусница во всем» (Sap. 7: 21). (3) Процесс познания при условии правильного руководства ведет нас от искусницы во всем Премудрости, которая оформила весь мир, к самому творцу этого мира, существу непостижимому и неуловимому, вечно ускользающему от взора исследователя. (4) Но этот же Бог, сколь бы далеко ни отстоял он от человека, удивительным образом находится в то же время и близ него. «Я Бог приближаю-

щийся», – говорит Господь (Иер. 23:23). Далекий в своем существе (ибо как сотворенное может быть сродни нетварному?), Он близок через свою силу, которая все объемлет. (5) «Если сделает кто что-нибудь тайное, я ли не увижу его?» Мощь Бога постоянно присутствует, охраняя, благодетельствуя и руководя нами своею силой. (6, 1) Потому и Моисей, убедившись в том, что своею мудростью человек не в состоянии познать Бога, сказал: «Яви мне Себя Самого» (Исх. 33:13). И силился он проникнуть во мрак (Исх. 20:21), где гремел глас Божий, то есть туда, где пребывает непрístupная и невидимая мысль всего сущего. Но Бога нет ни в облаке, ни в другом месте. Он за пределами пространства и времени и не объемлется свойствами тварных вещей. (2) Точно так же Его не найти ни в одной части, Он ничего не содержит в себе и ни в чем не содержится, не может быть ограничен чем-либо или разделен.

(4) Вера же, которую эллины осмеивают и считают делом пустым и варварским, есть свободное предвосхищение и благочестивое согласие, или, по Божественному апостолу, «осуществление ожидаемого, уверенность в невидимом; о ней более всего свидетельствовали древние; а без веры угодить Богу невозможно».

(2) Итак, вера – это акт свободного выбора, *поскольку она есть некое стремление, и стремление разумное. Но так как каждое действие начинается со свободного выбора, то выходит, что вера и есть основа всякого разумного выбора. И именно ею мы руководствуемся во всех наших делах, так как она указывает разумные поводы для деятельности.* (3) Свободное преследование того, что представляется наилучшим – это и есть начало разума. Выбор, если он непоколебим, является сильным импульсом, толкающим по направлению к знанию.

(2) Итак, вера представляется нам первым шагом к спасению. Страх, надежда и покаяние, соединенные с воздержностью и терпением, пробуждаются благодаря ей и ведут нас к любви и откровенному знанию, гносису. Совершенно справедливо потому говорит апостол Варнава: «Из того, что сам получил, я счел себя обязанным немного и вам послать, дабы вместе с верой имели вы и совершенный гносис. Страх и терпение суть как бы хранители нашей

веры; долготерпение и воздержность поддерживают нас в злоключениях. Те, в которых эти добродетели живут в чистоте, вступают в радостный союз с Богом и находят удовольствие в мудрости, разумеении, научном и откровенном знании». (3) Перечисленные только что добродетели суть основы откровенного знания. Но, следовательно, вера еще фундаментальней, поскольку она необходима для истинного гностика не в меньшей мере, чем воздух для каждого, живущего на этой земле. Жизнь невозможна без четырех первоэлементов. Без веры невозможно знание. Итак, вера есть основа истины.

(46, 1) Три отличительные черты свойственны нашему философу. Во-первых, он стремится к созерцанию, во-вторых, он исполняет заповеди, и, в-третьих, он занимается воспитанием добродетельных мужей. Соединение трех этих качеств в одном лице присуще истинному гностичу. Но если ему недостает хотя бы одного из трех этих качеств, то его гностическое состояние несовершенно.

(52, 1) Вера, подобно времени, двойственна; поэтому можно выделить и два рода добродетелей. Воспоминание обращено в прошлое, надежда же смотрит в будущее. Мы верим в то, что прошлое действительно существовало, равно как и в то, что будущее нам предстоит. Кроме того, мы проявляем свою любовь именно потому, что под влиянием веры мы непоколебимо убеждены в том, что прошлое было именно таким, как передано нам; питая надежду, мы ожидаем известного течения событий, еще не совершившихся. (2) Истинный гностик ко всему относится с любовью, зная, что существует один Бог. «И вот, все, что Бог сотворил, весьма хорошо» (Быт. 1 : 31); он знает это и исполнен удивления. Благочестие прибавляет ему «долготы жизни», и «страх Господень прилагает дни». (3) Дни наши на этой земле хоть и оканчиваются смертью, однако же составляют часть жизни, текущей в вечность, поэтому и страх становится началом любви; по мере развития он сначала обращается в веру, а потом преобразуется в любовь. (4) Но этот страх не походит на страх, внушаемый нам диким зверем, поскольку этот последний соединен с ненавистью (вспомним, что и страх бывает двоякого рода). Этот страх напоминает скорее страх

перед отцом, которого я боюсь, но одновременно и люблю. Бояться наказания – значит любить себя; точно так же бояться чем-либо вызвать недовольство отца – значит любить его. (5) Блажен тот, кто верным становится под влиянием любви и страха. Вера является в этом случае силой, ведущей к спасению, мощью, направляющей к вечной жизни.

Книга 6

Двойственная природа гносиса. (3, 1) О гносисе мы говорим в двух смыслах. Прежде всего это общедоступный гносис, который есть сознание, общее для всех людей, а также способность восприятия, которая дает знание отдельных предметов, встречающихся в повседневной жизни, способность, которую имеют не только разумные, но также и неразумные [существа], и которую поэтому вообще не следовало бы называть гносисом, поскольку подобного типа восприятие осуществляется естественным природным путем. (2) То же, что можно назвать гносисом в собственном смысле этого слова, характеризуется наличием суждения и *разумного решения*, поскольку гносис может возникнуть только благодаря приложению разумных сил, направленных на объекты мыслимые и питаемые чистой энергией души.

Единство Божественного откровения. (42,1) Итак, Бог – управитель обоих заветов – дал эллинам их философию, посредством которой они прославляют его могущество. (2) Через эллинское образование и иудейский закон в единый род собираются все те народы, которые приняли веру. И эти народы не разделены временем, чтобы кто-либо не решил, что они имеют три различные природы и воспитываются тремя разными заветами, а не единым, единого Господа... речением единого сущего Господа.

(71, 1) Гностик подвержен только тем страстям, которые необходимы для поддержания тела, таким как голод, жажда и им подобное. (2) Что касается самого Спасителя, то было бы абсурдным считать, что и Его тело, чтобы существовать, нуждалось в материальной поддержке. Он ел не ради поддержания тела, которое и так

поддерживается святой силой, а для того, чтобы те, кто были с Ним, не подумали, что Он полностью от них отличен. Впрочем, некоторые все равно впоследствии решили, что Он явился как видение. Он же был абсолютно бесстрастен, не подвластен никаким чувствам, наслаждению или боли. (3) Апостолы благодаря гностическому наставлению Господа и в силу постоянства и неизменности расположения духа были способны противостоять не только гневу, страху или желанию, но и таким душевным движениям, которые считаются хорошими, как, например, смелость, преданность, радость или веселие. И они остались такими же, в том же состоянии аскезы и после воскресения Господа. (4) Даже если считается, что вышеперечисленные чувства, контролируемые рационально, хороши, они все же неприемлемы для совершенного. Он не проявляет смелости, поскольку никогда не сталкивается ни с чем, вызывающим страх, и не считает что-либо из случающегося в этой жизни действительно страшным (ничто не способно отвратить его от любви, которую он испытывает к Богу), он не бывает весел (поскольку не имеет причин огорчаться, будучи убежденным в том, что все, что происходит, происходит к лучшему), он свободен от гнева (ничто не в силах прогневить его, поскольку он вечно любит Бога, и только к нему обращен, и поэтому не может ненавидеть что-либо из созданного Богом). (5) Он не ревнив (поскольку нет ничего, чего бы ему недоставало для того, чтобы быть хорошим и добрым, и не любит он никого в обычном смысле, но только как [отражение] Творца в Его творениях). (72, 1) С ним не случается приступов вожделения, раздражения или других желаний, которые возникают в иных душах, поскольку он уже воссоединился с возлюбленным в своей любви, выбрав Его по своей воле, и все более приближается к Нему в своей аскезе, оставив ради этого все остальные блага, для того, чтобы жить подобно учителю в бесстрастии. (2) Слово Бога умопостигаемо, и разум присущ только человеку. Благой муж имеет образ и подобие Бога в его душе, но и сам Бог антропоморфен. Разум в каждом человеке – это форма, которая его характеризует. Поэтому каждый, кто грешит против человека, поступает нечестиво и безбожно. (3) Абсурдно полагать, что гностик и совершенный не может

избежать гнева или проявления смелости, поскольку в таком случае он не в силах будет противостоять обстоятельствам или бороться с опасностями. (73, 1) И если мы лишим его способности радоваться, его захлестнет горе, и он закончит жизнь весьма скверно. Однако, как полагают некоторые, как возможно стремиться к прекрасному и благу, не обладая рвением?

Гностическая бесстрастность (апатия). (74, 1) Таким образом, мы должны признать, что гностик и совершенный избавлены от всех душевных страстей. Гносис порождает действие, а действие – особое состояние и предрасположенность, и такое состояние приводит к бесстрастности, а не просто умеренности, поскольку полное освобождение от желаний приносит плод бесстрастности. (2) Гностик не приемлет того, что большинству кажется благом, например, те положительные чувства, которые проистекают из данной страсти, такие как радость (которая есть следствие наслаждения), или уныние (которое связано с горем), или осмотрительность (как следствие страха). Он никогда не воодушевляется (поскольку воодушевление связано с гневом), хотя некоторые считают его уже не злом, а благом.

Созерцание – предел стремления гностика. (75, 1) Совершенно невозможно предположить, чтобы тот, кто однажды стал совершенным через любовь и непрестанно и ненасытно вкушает беспредельную радость созерцания, был все еще способен получать удовольствие от мелкого и приземленного. (2) Ибо какая разумная причина может повернуть назад к благам этого мира того, кто достиг «недостижимого света», даже если достиг он его не реально (во времени и пространстве), но предвосхитил в гностической любви, за которой следуют наследование и восстановление всего, утвержденного делами воздающего? (3) Поэтому, устремляясь к Господу через любовь, которую он питает к Нему, хотя и его скиния видима на земле, он не покидает эту жизнь (ведь это не позволено ему), но очищает свою душу от страстей (поскольку это даровано ему) и живет, умертвив свои желания и используя свое тело только в пределах самого необходимого и не позволяя ему разрушиться.

Цель гностической жизни. (76, 1) Зачем, действительно, упражнять мужество тому, кто не подвергается опасности и присутствует не здесь, но всецело соединен со своим возлюбленным. (2) Нужно ли ему благоразумие, если от него нет ему никакой пользы? Само наличие таких желаний, которые требуют благоразумия, чтобы их ограничивать, есть отличительная черта не совершенного, но подверженного страстям. (3) Мужество же – это способность преодолеть страх и робость. Но как возможно, чтобы друг Бога, тот, кого Бог выделил до основания мира и вознес на высоты сыновства, был подвержен желаниям или страху или был обуреваем страстями. (4) Поэтому решусь утверждать, что будучи предопределенным совершать и стремиться к тому, что должно, он ограничен пределами того, что он знает и кого любит, и поэтому будущее его не является таким же неопределенным, как у большинства живущих по случаю, ведь благодаря гностической вере он ухватывает то, что от этого большинства скрыто. (77,1) Через эту любовь будущее для него уже присутствует сейчас. Через пророчества и пришествие поверив в Бога, который не лжет, он уверовал в то, чем обладает и держит обещание (ведь тот, кто дал это обещание, есть истина) и достоверно постиг предельный смысл обещанного через верность тому, кто дал обещание и свое знание. (2) Пребывая еще здесь, он уже способен явственно видеть образ грядущего, устремляясь в будущее посредством своей любви. (3) Поэтому, будучи убежденным в том, что он достигнет подлинного блага, он не будет просить того, что пребывает здесь, но обратится к вере, которая всегда и наверняка достигает своей цели. (4) И более всего прочего он будет молить о том, чтобы ему как можно скорее уподобиться самому ему во славу Божию, которая совершенствуется через познание. (5) Ибо тот, кто подобен Спасителю, сам посвящает себя спасению постольку, поскольку человеческая природа, выправляя себя неизменными заповедями, достойна вместить в себя этот образ. В этом и заключается почитание Бога через истинное благочестие, делами и знанием. (78, 1) И Господь не замедлит ответить на его молитву: «Проси, – скажет он, – и Я сделаю, помысли, и Я дам».

Книга 7

(42, 1) Поскольку каждый случай обращения к Богу является молитвой, не следует пренебрегать ни одной из таких возможностей. (2) Несомненно, что святость гностика в единстве с благом Провидением проявляется в добровольном признании совершенной Божественной благотворительности. (3) Ибо Провидение согласует между собой святость гностика и взаимную доброжелательность друга Бога. (4) Бог не является неким невольным благом, как, например, огонь, который просто греет. Он дарует благо добровольно, даже если Его об этом предварительно не просят. Точно так же спасаемый спасается не помимо его воли, ибо он отнюдь не бездушен и в силу собственного желания и добровольно направляет к спасению. (5) Для этой цели человек получил заповеди, дабы он мог сознательно выбирать среди вещей то, к чему следует стремиться и чего надлежит избегать. (6) Итак, Бог не творит благо по необходимости, но в силу свободного выбора благоволит тем, кто самостоятельно обратился к нему. (7) Действие Провидения, влияние которого простирается к нам от Бога, не является чем-то служебным, как услуга, простирающаяся от низшего к высшему. Напротив, исполненное жалости к нашей слабости, Провидение заботится о нас подобно тому, как пастух заботится о своем стаде или царь о своих подданных. В свою очередь, и мы послушны тем, кто стоит над нами и заботится о нас, как им предписано и в соответствии с должностью, полученной от Бога. (8) Следовательно, те, кто служит добровольно и царственно, движимые чистыми помыслами и знанием, являются подлинными слугами и помощниками Бога.

(45, 1) Получив знание о Боге от самого мистического хора истины, он применяет для описания Его такие слова, которые достойны величия предмета, раскрывает их смысл посредством вдохновенной молитвы, пребывая в гностическом единении с умопостигаемыми и духовными сущностями настолько, насколько это возможно. (2) И хотя такой человек всегда мягок в обращении, покладист, доступен, приветлив, терпелив, всегда отвечает благодарностью на добро и имеет чистую совесть, он все же весьма тверд, поэтому не поддается не только соблазнам, но и любым иным

искушениям, ибо он никогда не позволяет своей душе поддаваться искушениям или подчиняться власти наслаждения или боли. (3) Никогда не отступаясь от справедливости, следуя призыву Логоса неуклонно и не поддаваясь давлению страсти, он всегда направляется туда, куда зов справедливости влечет его. Будучи убежденным в том, что все в этом мире находится под хорошим управлением, он уверен, что душа, избравшая благой путь, гарантированно направляется к лучшему до тех пор, пока не окажется перед лицом самого Блага, в приемном зале Бога, если можно так выразиться, рядом с великим первосвященником.

(4) Таков наш гностик, исполненный веры и убежденный в том, что все в этом мире управляется наилучшим из возможных способов, довольный всем, что бы ни случилось. (46, 1) В результате трезвого размышления он не просит ни о чем из того, что необходимо для жизни, будучи вполне уверенным в том, что Бог, который знает все, дарует блага тем, кому они нужны, даже если о них не просят специально. (2) Ибо, как мне кажется, ремесленник получает все необходимое для ремесла, язычник – все, что положено язычнику, а гностик имеет все ему необходимое. (3) И как обратившийся язычник просит о вере, так и тот, кто стремится к гносису, просит о даре «совершенной любви». (4) Достигший вершин совершенства гностик просит о росте и непрерывности созерцания, в то время как обычный человек молится о даровании доброго здравия. (5) Но более всего он просит о том, чтобы не отпасть от пути добродетели, всеми силами способствуя тому, чтобы достигнуть безупречности. (6) Ведь ему прекрасно известно, что некоторые ангелы из-за своей невнимательности упали на землю, так и не успев достигнуть этой стадии единения, из состояния причастности низвергнувшись в мир раздвоенности. (7) Тот же, кто благодаря упражнению достиг состояния возвышенного гносиса и превосходного состояния совершенного человека, научился обращать себе во благо даже место и время, выбрав в качестве своего удела непогрешимую жизнь и назначив себе в качестве задачи достижение во всех отношениях стабильного состояния ведения. (8) Те же, кто не вполне еще освободились от того, что тянет их вниз, даже воспарив благодаря вере, все равно впоследствии падают вниз. (9) Напро-

тив, для достигшего посредством гностического воспитания непоколебимой добродетели привычка становится частью природы. Как камень не может утратить свой вес, так и такой человек не может утратить то, что он знает, однако не безвольно, но именно через упражнение силы воли, силою разума и знания, а также с помощью Провидения. (47, 1) Он всячески оберегает и заботится об этой своей способности. Он проявляет известную осторожность для того, чтобы избежать греха, и предусмотрительность для того, чтобы предотвратить возможную утрату добродетели. (2) И именно знание позволяет развить предусмотрительность, научая различать то, что способствует укреплению добродетельного состояния. (3) Важнее всего знание Бога, и именно благодаря такому знанию сохраняется добродетель. Знающий Бога свят и благочестив. Таким образом, мы видим, что только гностик может в полной мере и по праву считаться благочестивым человеком. (4) Он с благодарностью принимает настоящее и радуется обещанному, как будто оно уже свершилось. Грядущие события не ускользают от него, как еще отсутствующие, поскольку он прекрасно осведомлен о том, что это такое. (5) В силу своего знания убежденный в том, что грядущее будет именно таким, он уже причастен ему. Ведь нехватка и недостаток измеряются каждый своей мерой. Так, например, если он обладает мудростью, и мудрость имеет Божественную природу, то причастный тому, кто не имеет недостатка ни в чем, сам не будет иметь ни в чем недостатка. (6) Ведь приобретение мудрости не осуществляется в силу некой энергии или причастности, которые движутся и утверждаются одно через другое, не происходит это и вследствие некоего изытия или недостатка. Следовательно, как мы видим, энергия нисколько не уменьшается в результате ее передачи. (7) Так наш гностик оказывается причастным всем благам, сколько бы их ни было и насколько это вообще возможно, однако не полному их числу, поскольку иначе бы он был не в силах продвигаться в своем развитии, благодаря собственным усилиям и при содействии извне. (48, 1) Бог оказывает ему помощь, удостоивая его личного попечительства. Ибо разве не ради лучших из людей были созданы все блага, не для удовлетворения ли их нужд и не им ли на пользу для их спасения? Следовательно, Он не может

лишить всего этого тех, ради кого все создано. (2) Очевидно, оказывая честь их совершенным природным склонностям и поощряя сделанный ими свободный выбор, Он вдохновляет избравших благую жизнь и дает им силу для того, чтобы они самостоятельно завершили путь к спасению. Для этого Он призывает одних и оказывает помощь другим, самостоятельно заслужившим это право. (3) Ибо гностик сам способен воспроизвести все наилучшее, поскольку целью его является полнота знания и сознательное поведение. (4) И как врач помогает обрести здоровье тому, кто стремится выздороветь, так и Бог помогает достигнуть вечного спасения тем, кто содействует Ему в этом, сам стремясь достигнуть знания и правильного поведения. И поскольку исполнение предписанного в заповедях находится в наших силах, вслед за исполнением их следует то, что было обещано. (5) Все, о чем я сейчас говорю, прекрасно понимали и эллины. Ведь и атлет, не последний по значению по мнению древних и приложивший немало усилий для того, чтобы тренировкой развить свою мужскую силу, перед тем, как отправиться на Олимпийские игры, все же останавливался перед статуей Писийского Зевса, так обращаясь к нему: «О Зевс! Если я прошел все необходимые подготовительные упражнения, снизойди и дай мне победить в поединке, как я того заслуживаю!»

(6) Так и в случае с гностиком, который безупречно и сознательно сделал все от него зависящее в образовании, упражнении, поведении и по отношению к Богу, спасение последует в качестве награды за уже достигнутое совершенство. (7) От нас, следовательно, требуется все то, что в наших силах, а также все то, что касается нас, как уже наличное, так и возможное, свободный выбор, стремление, обладание, умение использовать имеющееся и постоянство.

Вопросы для обсуждения

1. Как Климент понимает роль философии?
2. Что такое истина в учении Климента?
3. Каково соотношение веры и знания (по Клименту)?
4. Что такое гнозис в трактовке Климента?
5. Какими качествами, по мнению Климента Александрийского, обладает гностик?

Ориген (ок. 185 – ок. 254)

Родился в Александрии. Изучал священные тексты под руководством своего отца Леонида, а также учился в Александрийской богословской школе, которую возглавлял Климент Александрийский. С 203 г. преподавал в ней философию, теологию, диалектику, физику, математику, геометрию, астрономию и возглавил ее в 217 г. В 231 г. его осудили на Александрийском поместном соборе, после чего он перенес свою преподавательскую деятельность в Палестину. В 250–252 гг. во время антихристианских гонений был брошен в тюрьму и подвергнут пыткам, от которых вскоре умер.

В учении Оригена Бог понимается как бестелесное начало, Он непознаваем, Его природа не постигается даже самым совершенным человеческим умом. Важным свойством Бога, вытекающим из Его нематериальности, является бесконечность. Таким образом, Ориген приблизил понятие Бога к неоплатоновскому понятию Абсолюта, при этом сохранил христианское представление о Боге как о личности. Христос понимается как мудрость Бога, Он порожден Богом как вечная и непрерывная эманация, как свет. Бог творит мир из ничего, акт творения не является единичным. Сначала Бог творит один мир, а после окончания его существования – другой. Миры последовательно сменяют друг друга. Оригинальной является идея апокатастасиса – конечного восстановления и спасения каждой твари, включая падших ангелов. Ориген вслед за Климентом Александрийским отстаивает свободу воли человека, а также необходимость изучения философии.

О началах*

5. Опровергнув по возможности всякую мысль о телесности Бога, мы утверждаем сообразно с истиной, что Бог непостижим (*incomprehensibilem*) и неоценим (*inaestimabilem*). Даже и в том случае, если бы мы получили возможность знать или понимать что-либо о Боге, мы все равно по необходимости должны верить, что Он несравненно лучше того, что мы узнали о Нем. В самом деле, если бы мы увидели человека, который едва только может видеть искру

* Извлечения из кн.: *Ориген. О началах* / пер. Н. Петрова. Казань, 1899 [отд. оттиск из ПС за 1899 г.].

света или свет самой коротенькой свечи, и если бы этому самому человеку, острота зрения которого не может воспринимать света более, чем сказали мы выше, мы захотели бы дать понятие о ясности и блеске солнца, то, без сомнения, мы должны были бы сказать ему, что блеск солнца несказанно и несравненно лучше и прекраснее всякого света, видимого им. Так и наш ум. Хотя он и считается гораздо выше телесной природы, однако стремясь к бестелесному и углубляясь в созерцание его, он едва равняется какой-нибудь искре или свече, и это до тех пор, пока он заключен в узы плоти и крови и, вследствие участия в такой материи, остается относительно неподвижным и тупым. А между всеми духовными (*intellectualibus*), т. е. бестелесными существами какое же существо столь невыразимо и несравнимо превосходит все прочие, как не Бог? Действительно, природу Его не может постигать и созерцать сила человеческого ума, хотя бы это был чистейший и светлейший ум.

6. Для более очевидного выяснения дела не излишне, кажется, воспользоваться еще и другим сравнением. Наши глаза не могут созерцать самую природу света, т. е. субстанцию солнца, но, созерцая блеск его или лучи, льющиеся в окна или в какие-нибудь другие небольшие проводники света, мы можем сообразить, сколь велик самый жар и самый источник телесного света. Точно так же и дела Божественного промысления и искусство устройства вселенной суть как бы некоторые лучи Божественной природы в сравнении с самой субстанцией и природой. Наш ум своими силами (*perseipsam*) не может созерцать Самого Бога, как Он есть, но познает Отца всех тварей из красоты дел и великолепия вселенной. Итак, Бога не должно считать каким-либо телом или пребывающим в теле, но простою духовною природой (*intellectualis natura*), не допускающею в себе никакой сложности. Он не имеет в Себе ничего большего или низшего, но есть — с какой угодно стороны — *μὴν* и, так сказать, *ἐνάς*. Он есть ум и в то же время источник, от которого получает начало всякая разумная природа, или ум. Но ум, чтобы двигаться или действовать, не нуждается ни в вещественном месте, ни в чувственной величине, ни в телесной форме или цвете, ни в чем прочем, что свойственно телу или материи. Поэтому Бог как простая природа и всецелый (*tota*) ум в своем

движении и действии не может иметь никакой постепенности или замедления. Иначе сложностью этого рода до некоторой степени ограничивалась и нарушалась бы простота Божественной природы. Между тем, то, что служит началом всего, не должно быть сложным и различным: то, что, будучи чуждо всякой телесной сложности, должно состоять, так сказать, из одного только вида Божественности, не может быть многим, не единым. А что ум для движения сообразно со своей природой не нуждается в месте — это с несомненностью показывает наблюдение над нашим умом. В самом деле, если ум находится в нормальном состоянии и не испытывает какого-нибудь притупления по какой-либо причине, то различие мест нисколько не будет препятствовать ему в его деятельности, и, с другой стороны, от качества места он не приобретает какого-либо умножения или приращения своей деятельности. Правда, кто-нибудь возразит, что, например, у людей, которые плывут на корабле и подвергаются качке от морских волн, ум работает несколько хуже сравнительно с тем, как он обыкновенно работает на суше. Но в данном случае должно думать, что ум подвергается этому [изменению] не вследствие различия мест, но вследствие возмущения и смятения тела, с которым соединен ум. Человеческое тело на море действует, по-видимому, как бы против своей природы, и по этой причине, при некоторой как бы неуравновешенности своей, беспорядочно и соответственно своему состоянию воспринимает побуждения ума и плохо повинуется ударам его острия. То же самое бывает с людьми и на земле, например, с теми, которые больны лихорадкой. Если у них ум вследствие лихорадки не выполняет своего дела, то виною этого нужно считать не место, но болезнь тела: тело, потрясенное и возмущенное лихорадкой, совсем не выполняет обычных обязанностей по отношению к уму в известных и естественных явлениях, потому что мы, люди, суть животные, составленные из взаимодействия тела и души, и [только] таким образом мы имеем возможность обитать на земле. Бога же, Который служит началом всего, не должно считать сложным; иначе окажется, что элементы, из которых слагается все то, что называется сложным, существовали раньше самого начала. Но ум

для своего действия или движения не нуждается и в телесной величине подобно тому, как [нуждается в ней, например,] глаз, расширяющийся при рассматривании очень больших тел и суживающийся и сжимающийся при рассматривании тел маленьких и мелких. Ум нуждается в величине умственной, потому что он растет не телесно, но умственно. Правда, до двадцатого или тридцатого года ум увеличивается вместе с телом, однако не телесными приращениями, но так, что благодаря изучению и упражнению совершенствуется восприимчивость способностей и входит в область понимания все то, что вложено в них. Таким образом, ум делается способным к большему разумению, но не вследствие увеличения в зависимости от телесных приращений, а благодаря учебным упражнениям. Впрочем, ум не может воспринимать учения тотчас после рождения или в детстве, так как сложение [телесных] членов, которыми душа пользуется как органами для своего упражнения, у ребенка еще не достигло определенной твердости и силы, так что вследствие этого ум бывает не в состоянии выдерживать напряженную деятельность и не имеет достаточно способности к восприятию учения.

2. Но чтобы яснее было, существует ли телесная материя только в течение известных периодов времени и разрешится ли она снова в ничто подобно тому, как не существовала прежде, мы посмотрим сначала, может ли кто-нибудь жить без тела. Ведь если кто-нибудь может жить без тела, то и все могут существовать без тела, тем более, что и предшествующее рассуждение показало, что все направляется к одному концу. Если же все существа могут быть без тел, то, без сомнения, телесная субстанция не будет существовать, когда в ней не будет никакой нужды. – Но как нам понимать слова апостола в том месте, где он рассуждает о воскресении мертвых, говоря: «подобает тленному сему облещися в нетление, и мертвенному сему облещися в бессмертие. Егда же тленное сие облечется в нетление, и смертное сие облечется в бессмертие, тогда будет слово написанное: пожертабысть смерть победою. Где ти, смерте... победа твоя?» Пожертобысть, смерте, жало твое. «Жало же смерти – грех; сила же греха – закон» (1 Кор. 15 : 53–56).

По-видимому, апостол выражает здесь такую мысль. Слова «тленное сие и смертное сие», сказанные как бы с особенным ударением и выражением, приложимы, конечно, ни к чему иному, как к телесной материи. Итак, эта материя тела, теперь тленная, облечется в нетление, когда ею начнет пользоваться душа совершенная и наставленная в догматах нетления. И не удивляйся, если совершенную душу, ради Слова Божия и Премудрости Божией именуемую теперь нетлением, мы называем как бы одеждою тела, потому что и Сам Господь и Творец души, Иисус Христос, называется одеждою святых, как говорит апостол: «Облецытесь Господем Иисус Христом» (Рим. 13 : 14). Следовательно, как Христос есть одеяние души, так и душа в некотором духовном смысле называется одеждою тела, ибо она есть украшение ее, покрывающее и облекающее мертвую природу. Итак, вот каков смысл слов: «Подобает тленному сему облещися в нетление». Апостол как бы говорит, что эта тленная природа тела необходимо должна получить одежду нетления – душу, имеющую в себе нетление потому, конечно, что она облечена во Христа, Который есть Премудрость и Слово Божие. Но когда это тело, которое мы будем иметь некогда более славным, станет участвовать в жизни, тогда к бессмертию его прибавится еще и нетление. В самом деле, если что-либо смертно, то оно в то же время и тленно, но не наоборот: что-либо тленное не может быть названо в то же время и смертным. Например, камень или дерево мы называем тленными, но, однако, не назовем их смертными. Тело же ввиду того, что оно участвует в жизни, и жизнь может быть отделена и [действительно] отделяется от него, мы вследствие всего этого называем смертным, согласно же иному пониманию говорим еще, что оно тленно. Вот почему и святой апостол, имея в виду первоначальную телесную материю (*ad generalem primam causam*) вообще – ту материю, которою душа пользуется всегда, независимо от того, с каким качеством она соединяется, с плотским ли, как это есть теперь, или с тончайшим и чистейшим, так называемым духовным качеством, как это будет впоследствии, [апостол] с удивительным пониманием говорит: «Подобает тленному сему облещися в нетление», потом же, имея в виду в частности

тело (*ad specialem causam*), говорит: «подобает мертвенному сему облещися в безсмертие». Нетление же и бессмертие – что иное, как не премудрость, и Слово, и правда Божия, образующая, облакающая и украшающая душу. Итак, вот каков смысл изречения: «Тленное облещется в нетление, и смертное – в безсмертие». Впрочем, ныне, хотя бы мы достигли значительного преуспевания, тленное сие не облакается в нетление, и смертное не облакается бессмертием, потому что мы познаем только отчасти и отчасти пророчествуем, и даже то, что, по-видимому, знаем, мы видим еще только «зерцалом в гадании» (1 Кор. 13 : 12). И так как это наше научение в теле продолжается, без сомнения, очень долго, именно до тех пор, пока самые наши тела, которыми мы обложены, должны еще заслуживать нетление и бессмертие благодаря Слову Божию, Премудрости и совершенной правде, то поэтому и говорится: «подобает тленному сему облещися в нетление, и мертвенному сему облещися в безсмертие».

6. Жить праведно или менее праведно – наше дело, и нас не принуждают к этому ни внешние воздействия, ни судьба, как думают некоторые. Чтобы это умозаключение разума подтвердить авторитетом Писаний, [нам] представит свидетельство пророк Михей, говоря такими словами: «О человек! сказано тебе, что есть добро, и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия» (Мих. 6 : 8). И Моисей говорит так: «вот я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло, чтобы ты избрал добро и ходил в нем» (Втор. 30 : 15–16). Исайя же говорит так: «Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли. Если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят» (Ис. 1 : 19–20). И в Псалмах написано так: «О, если бы народ мой слушал Меня, и Израиль ходил Моими путями! Я скоро смирил бы врагов их и обратил бы руку Мою на притеснителей их» (Пс. 80 : 14–15). Этими словами [псалмопевец] показывает, что слушать и ходить путями Божьими было во власти народа. Также и Спаситель говорит: «А я говорю вам, не противься злему» (Мф. 5 : 39). И: «всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф. 5 : 22), и еще: «всякий, кто смотрит на жен-

щину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем» (Мф. 5 : 28). Давая эти и разные другие заповеди, Спаситель показывает не что иное, как именно то, что возможность исполнения этих заповедей находится в нашей власти. И поэтому мы справедливо делаемся повинными суду, если нарушаем то, что, конечно, могли исполнить. Посему-то Сам Спаситель говорит: «всякого, кто слушает слова Мои и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; а всякий, кто слушает сии слова мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке» (Мф. 7 : 24; 7 : 26) и т. д. Также слова Его стоящим по правую руку Его: «придите, благословенные Отца Моего» (Мф. 25 : 34) и пр., «ибо алкал Я, и выдали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня» (Мф. 25 : 35). Эти слова ясно показывают, что в самих людях заключается причина того, что одни стали достойны похвалы, исполняя заповеди и [за то] получая обетования, а другие стали достойны наказания, и услышали, и получили противоположное, потому что им говорится: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный» (Мф. 25 : 41). Посмотрим еще, как говорит с нами апостол Павел, как с [людьми], которые обладают властью самоопределения и в себе самих имеют причины или спасения, или погибели: «Или, говорит он, пренебрегаешь богатство благодати, кротости и долготерпения Божья, не разумея, что благодать Божья ведет тебя к покаянию? Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, который воздаст каждому по делам его: тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, жизнь вечную; а тем, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, ярость и гнев. Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, иудея, потом и эллина» (Рим. 2 : 4–9). В Священном Писании ты найдешь бесчисленное множество и других изречений, ясно показывающих, что мы обладаем властью свободной воли. Иначе, если в нас нет способности исполнять заповеди, было бы нелепо и давать их нам для того, чтобы мы могли или спастись чрез исполнение их, или же подвергнуться осуждению за их нарушение.

3. Мы скажем, что Бог впервые начал действовать не тогда, когда сотворил этот видимый мир; но мы верим, что как после разрушения этого мира будет иной мир, так и прежде существования этого мира были иные миры. То и другое мы подтвердим авторитетом Божественного Писания. Что будет иной мир после этого мира, об этом учит Исайя, говоря: «новое небо и новая земля, которые Я сотворю, всегда будут пред лицом Моим, говорит Господь» (Ис. 66 : 22). А что до этого мира были иные миры, это показывает Екклесиаст, говоря: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это новое; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1 : 9–10). Эти свидетельства доказывают то и другое вместе, т. е. что века были прежде [этого мира] и будут после [него]. Однако не должно думать, что многие миры существуют вместе, но другие миры получают начало после этого мира, о чем теперь нет нужды говорить подробно, так как мы уже сделали это выше.

3. Но, может быть, спросят: если именно ум духом молится и поет, то не этот ли самый ум получает совершенство и спасение, как говорит Петр: «Приемлюще кончину вере нашей, спасение душам нашим» (1 Пет. 1 : 9). Если душа не молится и не поет вместе с духом, то как она будет надеяться на спасение? Или, может быть, достигши блаженства, она уже не будет называться душою? Но посмотрим, нельзя ли будет ответить на этот вопрос таким образом. Как Спаситель пришел спасти погибшее, причем то, что прежде называлось погибшим, уже не есть погибшее, коль скоро оно спасается: так, может быть, спасаемое называется душою, когда же [душа] будет спасена, то будет называться [уже] по имени своей совершеннейшей части. Некоторым представляется возможным присоединить еще следующее [объяснение].

Погибшее существовало, без сомнения, и прежде, чем оно погибло, когда оно было чем-то иным, отличным от погибшего (чем именно, не знаю), равным образом оно будет существовать и тогда, когда не будет погибшим: точно так же и душа, именуемая погибшей, некогда, может быть, не была еще погибшей, и поэтому не называлась душою, и когда-либо снова избавится от гибели

и станет тем, чем была до гибели и наименования душою. Далее, из самого значения имени души, какое имеет [это имя] в греческом языке, можно извлечь немаловажную мысль, как это кажется, по крайней мере, некоторым более внимательным исследователям. Слово Божие называет Бога огнем, когда говорит: «Бог наш огонь потреблял есть» (Втор. 4 : 24). Также и о субстанции ангелов оно говорит: «Творяй ангелы Своя духи и слуги Своя огонь палящ» (Евр. 1 : 7), и в другом месте: «Явился ангел Господень в пламени огненне из купины» (Исх. 3 : 2). Кроме того, мы получили заповедь пламенеть духом (Рим. 12 : 11), что, без сомнения, указывает на пламенное и горячее Слово Божие. Иеремия пророк слышал от Того, Кто давал ему ответы: «Се дах словеса Моя во уста твоя, как огонь» (Иер. 1 : 9). Итак, как Бог есть огонь, и ангелы – пламень огненный, и как все святые пламенеют духом, так, наоборот, отпавшие от любви Божией, без сомнения, охладели в любви к Богу и сделались холодными. Господь действительно говорит, что «и за умножение беззакония изсякнет любви многих» (Мф. 24 : 12). И все, что в Священном Писании сравнивается с противною властью, всегда называется холодным, как и сам дьявол, холоднее которого, конечно, ничего нельзя и найти. В море же, говорит Писание, царствует дракон; в самом деле, пророк замечает, что в море находятся змеи и дракон, а это относится, конечно, к какому-нибудь злему духу (Иез. 32). И в другом месте пророк говорит: «Наведет [Господь] меч святой на драконта змиа бежаща, на драконта змиа лукаваго и убьет его» (Ис. 27 : 1). И еще говорит: «аще погрузятся от очию Моею и снидут во глубину морскую, то и тамо повелю змиеви, и угрызет я» (Ам. 9 : 3). В книге же Иова дракон называется царем всего того, что находится в воде (Иов. 41 : 25). От Борея, как возвещает пророк, исходят бедствия на всех, обитающих на земле (Иер. 1 : 14). Борею же в Священном Писании называется холодный ветер, как написано у Премудрого: «Студен ветр северный» (Сир. 43 : 22). То же самое, без сомнения, нужно думать и о дьяволе. Итак, если святое называется огнем, светом, пламенем, противоположное же называется холодным, и говорится, что во многих охлаждает любовь, то, спрашивается, почему же душа названа именем души,

которая по-гречески обозначается словом ψυχή. Не потому ли, что она охладела из Божественного и лучшего состояния? Не потому ли это название перенесено на нее, что она, по-видимому, охладилась от той естественной и Божественной теплоты и вследствие этого оказалась в своем настоящем состоянии и с этим названием? Наконец, едва ли ты найдешь, чтобы в Священном Писании название души употреблялось в похвальном смысле; в порицательном же смысле оно часто встречается здесь, например: «Душа лукава погубит стяжавшаго ю» (Сир. 6 : 4), «Душа, яже согрешит, та умрет» (Иез. 18 : 4). После слов: «Вся души Моя суть, якоже душа отча, тако и душа моя сыновня» (Иез. 18 : 4), по-видимому, нужно было бы сказать: «Душа, делающая правду, и сама спасется; душа же согрешающая – и сама умрет». Но мы видим, что Он соединил с душою то, что достойно наказания, а что достойно похвалы, о том умолчал. Итак, нужно рассмотреть, не названа ли душа ψυχή, т. е. душою, потому что она охладела к ревности праведных и к участию в Божественном огне, как это ясно, сказали мы, из самого имени, причем, однако, она не потеряла способности к восстановлению в то состояние горячности, в котором была в начале. Вот почему и пророк указывает, по-видимому, нечто подобное, когда говорит: «обратись, душе моя, в покой твой» (Пс. 114 : 7). Все это, кажется, показывает, что ум, уклонившийся от своего состояния и достоинства, сделался и назван – душою; и что душа в случае восстановления и исправления снова делается умом.

Вопросы для обсуждения

1. Как Ориген понимает Бога?
2. Раскройте идею множественности миров Оригена.
3. Существует ли свобода воли у человека, согласно Оригену?
4. Как, по Оригену, осуществляется апокатастасис?

Глава 5

ОТЦЫ КАППАДОКИЙЦЫ

(2-Я ПОЛ. IV В.)

Великие каппадокийцы – это группа христианских мыслителей IV в., которая включает Григория Назианзина (Богослова), Василия Кесарийского (Великого) и Григория Нисского, признанных отцами церкви. Они происходили из одного региона, Каппадокии, Василий и Григорий Назианзин вместе обучались в Афинах, Григорий Нисский был младшим братом Василия. Все они получили блестящее образование, заняли высокие посты в греческой церкви и принимали активное участие в богословской и философской полемике своего времени. Их сочинения охватывают все жанры литературы (догматический, экзегетический, литургический, эпистолярный) и стали классикой христианской мысли. Так, Григорий Богослов отмечал, что он стремится подчинить «науку неправильную», то есть языческую мудрость, «науке правильной», то есть богословию. Деятельность каппадокийцев пришлась на тот период, когда христианство уже утвердилось, но переживало сложное время формулирования официальной догматики. Имперские власти увидели в христианстве политический потенциал и стали вмешиваться в теологические дискуссии и церковные назначения. Сначала римский император Юлиан Отступник попытался вернуть язычество. Позже возникла ересь арианства, в которой утверждалась сотворенная природа Бога-Сына и которая была поддержана властями как официальное учение империи. Именно против язычества и особенно против арианства была направлена полемика каппадокийцев, увенчавшаяся в 381 г. его повторным осуждением на Вселенском соборе.

Григорий Богослов (Назианзин) (329/330 – ок. 390)

Один из наиболее известных и авторитетных отцов церкви, внес большой вклад в становление христианской догматики (Символ веры) и борьбу с ересью арианства. Родители – епископ Назианза Григорий и благочестивая Нонна, оказавшая большое духовное влияние на сына.

Учился риторике и другим наукам в школах Каппадокии, Палестины, Александрии Египетской. Основное образование получил в Афинах, где на протяжении десяти лет учился вместе с Василием Великим и будущим императором Юлианом Отступником.

Вместе со своими земляками из Каппадокии – Василием Великим и его братом Григорием Нисским принимал активное участие в утверждении традиции православия. Церковное предание называет этих трех учителей церкви великими каппадокийцами и почитает святыми. Решающее влияние каппадокийцы оказали на становление учения Церкви о Святой Троице.

Жизнь Григория Богослова пришлась на период активного утверждения и распространения христианства в Византийской империи. После смерти императора Константина сложилась ситуация, когда Юлиан Отступник пытался отказаться от православия как официальной религии империи и возродить язычество как религию предков. Полемике с Юлианом посвящены две проповеди Григория Богослова. Реформа Юлиана потерпела неудачу, в монотеистическом государстве фактически уже не было социальных слоев, заинтересованных в поклонении языческим богам. Поэтому после смерти Юлиана в бою права христианства были восстановлены. Начался новый этап полемики.

Пришедший к власти император Валент покровительствовал распространению более доступного для понимания масс арианства. Полемика разворачивалась вокруг природы Иисуса Христа. Согласно учению Ария, Христос в своей сущности был подобен сущности Бога-Отца, то есть фактически утверждалось, что Бог сотворил Христа так же, как и весь остальной мир. Отличная от ариан позиция православия заключалась в том, что Сын рожден Отцом, но не сотворен Им, так же как Святой Дух исходит от Отца, но не является сотворенной сущностью. Сторонники этой точки зрения поясняют, что отношения внутри лиц Троицы – тайна, что люди не могут до конца понять, что значит «рожден» и «исходит», но здесь важно принципиальное понимание, что быть рожденным не значит быть сотворенным. Таким образом, сущность

(природа) Христа не подобна Отцу, как утверждали ариане, но та же самая Божественная сущность, Сын «единосущен», но не «подобосущен» Отцу. Эти различия важны, поскольку спасение Христом человека в такой трактовке предстает в совершенно ином свете. Божественная природа Христа выше природы человеческой, и поэтому жертва Христа является искупительной. Если бы Христос был тварью, как остальные люди, его жертва не была бы принципиально значимой, так как смерть твари не может быть искупительной для других тварей.

Григорий Богослов не был склонен к публичной работе, предпочитая уединение статусу придворного или епископа. Однако в 379 г. он принял приглашение императора Феодосия руководить никейской общиной Константинополя. Назначение встретило яростное сопротивление столичных ариан. Феодосий инициировал в 381 г. 2-й Вселенский Собор в Константинополе, на котором был принят Символ веры, но св. Григорий не был утвержден другими епископами в статусе епископа Константинополя. Григорий возвратился в Назианз, где возглавил епископскую кафедру, а в глубокой старости удалился от дел.

Наследием святителя Григория Богослова являются духовные беседы (слова) на разные темы, письма и стихотворения, написанные в основном в поздний период творчества.

О мире*

Воспоем и творение великого Бога, опровергнув ложные мнения.

Един Бог; а что представляли эллинские мудрецы о материи и форме, будто они собезначальны, то это ни на чем не основанная басня. Как все сии почтенные формы, сделанные у них богами, не существовали от начала, но получили бытие по воле великого Бога, так видел ли кто когда-нибудь материю без формы? Или кто нашел форму без материи, хотя и очень много трудился в сокровенных изгибах ума? А я не находил ни тела бесцветного, ни бесцветного цвета. Кто отделял друг от друга то, чего не отделила

* Извлечения из кн.: Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. 1843–1848 : в 6 ч. Текст также доступен по на сайте: Православная библиотека. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Bogoslov/stihotvorenija-bogoslovskie/ (дата обращения: 28.06.2016).

природа, но свела воедино? Но отделим форму от материи. Рассуди же: если бы они были вовсе несоединимы, то как бы сошлись вместе, или как бы образовался мир, когда они совершенно отдельные? А если соединяемы, то как соединились? Кто, кроме Бога, слил их между собой? Но если Бог – соединитель, то Его же признай и Творцом всего. И горшечник на своем колесе дает форму глине, и плавильщик золота – золоту, и каменотесец – камням. Уступи же, любитель безначалия, уступи Богу нечто большее нашего смысла; и это большее пусть будет материя с движущимися формами. Помыслил многохудожный родитель всяческих – Божий Ум, и произошла материя, облеченная в формы; потому что Он не походит на живописца, в котором видимый перед очами образ возбудил нечто подобное сему образу, чего не мог бы начертать один ум.

И ты, злая тьма манихейская, не была от начала равнопрестойной высочайшему Свету! Если был Бог, то не было тьмы; потому что зло не могло спорить о равенстве с Богом. Если была тьма, то ты не даешь места Богу: Ему неприлично быть в согласии с тьмой. Если же представишь их в борьбе, преодолеет сильнейшее. А если скажешь, что они равносильны, кто третий приводит их в единство своей мудростью и прекращает борьбу? И то весьма удивительно, что, возбудив ужасную вражду, тотчас забываешь об этой борьбе и представляешь враждующих согласными [между собой]. Я состою из души и тела. И душа есть струя бесконечного света – Божества, а тело производишь ты от темного начала. И столь далеких между собой ты сводишь воедино. Если я составляю одну общую природу, то вражда мною прекращена. А если жестокая вражда во мне непримирима, то я не составляю одной природы, сопряженной из души и тела. Ибо не враждебные, но дружественные начала дают общее произведение. Такой мрак obleжит твое сердце!

А по моему учению, един есть Бог безначальный, ни с кем не борющийся, един благой Свет, сила высокошественных умов, простых и сопряженных, небесных и земных; а тьма привзошла впоследствии и есть не какая либо удобоописуемая самостоятельная природа, но наш, собственно, грех. Грех же есть нарушение

заповеди, подобно как ночь есть захождение солнца, немощная старость – минование юности, и ужасная зима – следствие удаления солнца вверх.

Первейший из небесных светов, по гордости своей утратив свет и славу, преследует всегдашней ненавистью человеческий род. От него и первый человек вкусил убийственного греха и смерти, которая по его ухищрению возжгла во мне пламень. Такова природа высоко родившегося зла, которому он отцом! Ржа – пагуба твердому железу; а я, самоубийца, насадил в себе пагубу – грех, по своему умыслению последовав коварным внушениям завистника.

Если же и тогда был ты, мир, близок к славе безначальной Троицы, то почему поставили тебя в такой дали христоносные Светы, сведущие в Божественном, и почему весьма небольшое число лет считается после того, как водрузило тебя великое Божие Слово? Но если водружен ты впоследствии, то спрашиваю: поелику Богу нельзя приписать недеятельности и несовершенства, то чем занята была Божия мысль прежде, нежели Всевышний, царствуя в пустоте веков, создал вселенную и украсил формами? Она созерцала вожделенную светлость Своей доброты, равную и равно совершенную светозарность трисианного Божества, как известно сие единому Божеству и кому открыл то Бог. Мирородный Ум рассматривал также в великих Своих умопредставлениях Им же составленные образы мира, который произведен впоследствии, но для Бога и тогда был настоящим. У Бога все пред очами: и что будет, и что было, и что есть теперь. Для меня такой раздел положен временем, что одно впереди, другое позади, а для Бога все сливается в одно и все держится в мышцах великого Божества. Посему внимлите, что избрел мой ум.

Все породил в себе Ум, а рождение вовне совершилось впоследствии благовременно, когда открыло великое Божие Слово. Он восхотел создать умные природы, небесную и земную – сии проницаемые светом зеркала первого Света, чтобы одна, сияя горé, пребывала великой светоносной служительницей Царя, другая же имела славу здесь. Он источает им Божество, чтобы царствовать в большем числе небесных умов и для большего числа быть блажен-

нотворным светом. Ибо таково свойство Царя моего – сообщать блаженство. Но чтобы тварь, приближаясь к Богу, не пожелала равной с Богом славы и не погналась за светом и славой, тогда как всего лучше соблюдать меру, а чрезмерность всего хуже, высокое Слово, благопромышляя о будущих тварях, отдалило как от Троицы все, окружающее престол Света, так и от ангельских ликов смертную природу. Впрочем, не очень много отдалило Оно служебную ангельскую природу, а гораздо более нашу природу, потому что мы произошли из персти, соединенной с Божеством, природа же простая совершеннее.

Из миров один сотворен прежде. Это иное небо, обитель богоносцев, созерцаемая единым умом, пресветлая; в нее вступит впоследствии человек Божий, когда, очистив ум и плоть, станет богом. А другой, тленный мир создан для смертных, когда надлежало устроиться и лепоте светил, проповедующих о Боге красотой и величием, и царственному чертогу для образа Божия. Но первый и последний мир созданы Словом великого Бога.

Об умных сущностях

Как солнечный луч из безоблачного неба, встретившись с видимыми еще отражающими его облаками, из которых идет дождь, распространяет многоцветную радугу, и весь окружающий эфир блещет непрерывными и постепенно слабеющими кругами, так и природа светов поддерживается в бытии тем, что высочайший Свет лучами Своими непрестанно осиявает умы низшие. И источник светов – Свет неименуем, непостижим, убегает от быстроты приближающегося к Нему ума, всегда упреждает всякую мысль, чтобы мы в желаниях своих простирались непрестанно к новой высоте. А светы вторичные после Троицы, имеющей царственную славу, суть светозарные невидимые ангелы. Они свободно ходят окрест великого престола, потому что суть умы быстродвижные, пламень и Божественные духи, скоро переносящиеся по воздуху. Они усердно служат высоким велениям. Они просты, духовны, проникнуты светом, не от плотей ведут начало (потому что всякая плоть

едва огустеет, как уже и разрушается) и не входят в плоти, но пребывают, какими созданы. Желал бы я сказать, что они вовсе неодолимы злом, но удержу слишком борзо несущегося коня, стянув браздами ума. Из них одни предстоят великому Богу, другие своим содействием поддерживают целый мир; и каждому дано особое начальство от Царя иметь под надзором людей, города и целые народы и даже распоряжать словесными жертвами земнородных.

Но на что решишься, дух мой? В трепет приходит ум, приступая к небесным красотам; стало передо мной темное облако, и недоумеваю, простирать ли вперед или остановить мне слово. Вот путник пришел к крутоберегой реке и хочет ее перейти; но вдруг поколебалась мысль; он медлит своей переправой, долго борется в сердце, стоя на берегу; то необходимостью вложена в него смелость, то страх связал решимость; не раз заносил он ногу свою в воду и не раз отступал назад; однако же после всей борьбы нужда победила страх. Так и я, приближаясь к невидимому Божеству, с одной стороны, о тех, которые предстоят чистому Всецарю и преисполнены светом, боюсь сказать, что и они доступны греху, дабы чрез сие и многим не проложить пути к пороку; а с другой стороны, опасаясь изобразить в песни моей неизменяемую доброту, так как вижу и совратившегося князя злобы. Ибо Благому не свойственно было насаждать в нас злое свойство и в тех, кого любит, возбуждать мятеж и ненависть. Нельзя также предположить, чтобы зло равномошно было добру и имело особенную природу, или впоследствии происшедшую, или безначальную, как Сам Царь. Но когда недоумевал я о сем, вложил мне Бог следующую мысль.

Первое чистое естество Божества всегда неизменно и никогда не бывает вместо единого многим. Ибо есть ли что-нибудь совершеннее Божества, во что могло бы Оно уклониться? А множественность есть уклонение существа от себя самого. Второе место занимают великие служители высочайшего Света, столько же близкие к первообразной Добrote, сколько эфир к солнцу. А в-третьих, следуем мы – воздух. И одно Божие естество совершенно неизменно; ангельское же естество неудобопреклонно ко греху; а мы, третий род, удобопреклонны и чем дальше от Бога, тем ближе ко греху.

Посему-то самый первый светоносец, превознесшись высоко, когда, отличенный преимущественной славой, возмечтал о царственной чести великого Бога, погубил свою светозарность, с бесчестием ниспал сюда и, захотев быть богом, весь стал тьмой. Хотя и легок он по природе, однако же низринулся до низкой земли. С тех пор преследует он ненавистью тех, которые водятся благородием, и, раздраженный своей утратой, преграждает всем небесный путь, не хочет, чтобы Божия тварь приближалась к Божеству, от Которого он отпал, но пожелал, чтобы и люди участвовали с ним в грехе и омрачении. И сей завистник изринул из рая вожделевших иметь равную Божией славой.

Так он за превозношение низринут со своего небесного круга; но ниспал не один. И поелику погубила его дерзость, то увлек в падение многих, именно всех, кого научил греху, как злоумышленник, склонивший к измене царское воинство, увлек – из зависти к богомудрому сонму Царствующего в горних и из желания царствовать над многими злыми. С тех пор явились во множестве надземные [духи] злобы, демоны, последователи злого царя – человекоубийцы, немощные, темные, зловещие призраки ночи, лжецы, дерзкие, наставники в грехах, бродяги, винопийцы, смехолюбцы, смехотворцы, прорицатели, двуречивые, любители ссор, кровопийцы, преисподние, скрывающиеся, бесстыдные, учителя волшебства. Они, приходя, манят к себе и ненавидят тех, кто им отдается. Они вместе и ночь, и свет, чтобы уловлять то явно, то обманом. Таково это воинство, таков и вождь!

Но Христос не истребил его единым движением воли, которым создал целый мир и которым мог бы погубить и его, если бы захотел, потому что трудно укрыться от разгневанного Бога. Однако же не оставил Он свободным врага моего, но попустил ему быть в одно время среди добрых и злых и воздвиг между ними жестокую взаимную брань, чтобы как враг подвергался и здесь ужасному позору, сражаясь с теми, которые немощнее его, так подвизающиеся в добродетели всегда имели славу свою, очищаясь в жизни, как золото в горниле. Впоследствии же, может быть, и скоро, когда вещество сгорит и наступит огненное воздаяние, понесет наказание

сей неукротимый, много наперед смиренный в мучимых служителях своих. Ибо такова казнь породившему зло!

Сему научил меня Дух о светозарности ангельской, как первой, так и последней. Но и здесь она нашла меру. И эта мера – Бог. Поскольку приближается кто к Царю, постольку делается он светом, а с просветлением приобретает и славу.

О душе

Душа есть Божие дыхание, и, будучи небесной, она терпит смешение с перстным. Это свет, заключенный в пещере, однако же Божественный и неугасимый. Ибо образу великого Бога неприлично разрушиться бесславно, как разрушаются пресмыкающиеся и неразумные животные, хотя грех и усиливался соделать его смертным.

Душа не естество истребительного огня, потому что пожирающему не свойственно одушевлять пожираемое. Она не естество воздуха, то выдыхаемого, то вдыхаемого и никогда не остающегося в покое. Она не кровавый ток, пробегающий в теле, даже не гармония составных частей тела, приводимых в единство, потому что не одно и то же естество плоти и бессмертной формы. Да и какое преимущество имели бы добродетельные перед самыми порочными, если растворение стихий сделало их или добрыми, или худыми? Почему и у бессловесных нет разумной природы (так, как и у бессловесных есть гармония формы и смертной плоти)? По сему учению тот и лучший, в ком есть благоустройство стихий. Но так рассуждали в том предположении, что одушевляющим должно признать то, с удалением чего и душа оставляет тело. Почему же не назовешь одушевляющей и пищу, без которой вовсе невозможно жить смертному, так как одно питание укрепляет?

Знаю и другое учение, которого никак не приму, потому что у меня не какая-нибудь общая, всем разделенная и по воздуху блуждающая душа. В противном случае все бы и вдыхали, и выдыхали одинаковую душу; и все те, которые живут на свете, испустив дух,

пребывали бы в других живущих, потому что и естество воздуха в разные времена бывает разлито в разных вещах. А если душа есть нечто пребывающее, что она имела сама в себе и что составляло мой зародыш, – также живое существо в утробе рождающей, если меня привлекла она извне? И если предположишь, что рождающая есть мать многих детей, то должен вменить ей в честь то, что она издержала большее число душ.

И то не умных людей учение, а пустая книжная забава, будто бы душа постоянно меняет разные тела, каждое сообразно прежней жизни, доброй или худой, в награждение за добродетели или в некоторое наказание за грехи. Они то облачают, то разоблачают неприлично душу, как человека в одежды; напрасно утруждая себя, вертя колесо злочестивого Иксиона, заставляют ее быть то зверем, то растением, то человеком, то птицей, то змеей, то псом, то рыбой, а иногда тем и другим по два раза, если так оборотится колесо. Где ж этому конец? А я никогда не видывал мудрого зверя, имеющего дар слова, или говорящего терна. Ворона всегда болтлива, безгласная рыба всегда плавает в соленой воде. Если же, как говорят и сами изобретатели сего пустого учения, будет душе еще последнее воздаяние, то она потерпит наказание или без плоти (и сие весьма удивительно), или с плотью (тогда которую из многих предашь огню?). Всего же непонятнее, каким образом после того, как ты соединял меня со многими телами, и эта связь сделала меня знающим многое, одно только избегло от моего ума, а именно какую кожу носил я сначала, какую потом и во скольких умирал, потому что мой налагатель уз не столько богат был душами, сколько мешками. Или и это было следствием долговременного скитания, что я впал в забвение прежней жизни?

Теперь выслушай наше превосходнейшее учение о душе. А мы постараемся уладить несколько песнь, начав ее так:

Было время, когда высокое Слово Ума, следуя великому Уму Отца, водрузило не существовавший дотоле мир. Оно рекло, и совершилось все, что было Ему угодно. Но когда все это – земля, небо и море – составило мир, нужен стал зритель Премудрости – матери всего и благоговейный царь земной. Тогда Слово рекло:

«Пространное небо населяют уже чистые и присноживущие служители, непорочные умы, добрые ангелы, песнословцы, неумолчно воспевающие Мою славу. Но земля украшается одними неразумными животными. Потому угодно Мне создать такой род тварей, в котором бы заключалось то и другое, род тварей, средних между смертными и бессмертными, разумного человека, который бы увеселялся Моими делами, был мудрым таинником небесного, великим владыкой земли, новым Ангелом из персти, песнопевцем Моего могущества и Моего ума». Так рекло Слово и, взяв часть новосозданной земли, бессмертными руками составило мой образ и уделило ему Своей жизни, потому что послало в него дух, который есть струя невидимого Божества. Так из персти и дыхания создан человек – образ Бессмертного, потому что в обоих царствует естество ума. Посему, как земля, привязан я к здешней жизни и, как частица Божественного, ношу в груди любовь к жизни будущей.

Так составлен был первородный человек; а впоследствии тело берется от плоти, душа же примешивается неведомым образом, приводя извне в перстный состав, как знает сие Соединивший, Который и в начале вдохнул ее и сопряг образ Свой с землей. А иной, пришедши на помощь моей песни смело и следуя многим, присовокупит и следующее рассуждение. Как тело, первоначально растворенное в нас из персти, соделалось впоследствии потоком человеческих тел и от первозданного корня не прекращается, в одном человеке заключая других, так и душа, вдохнутая Богом, с сего времени соприходит в образуемый состав человека, рождаясь вновь, из первоначального семени удеваемая многим и в смертных членах всегда сохраняющая постоянный образ. Посему-то душа получает в удел умное господство. Но как в тонких трубах и сильное дыхание даже весьма искусного человека производит звуки слабые и нестройные, и когда даны ему в руки трубы широкого размера, тогда изливают они совершеннейший звук, так и душа, оказывающаяся бессильной в немощном составе, проявляется в составе укрепившемся и обнаруживает тогда весь ум.

Но поелику нетленный Сын создал Своего человека с тем, чтобы он приобрел новую славу и, изменив в себе земное в последние

дни, как бог, шествовал отсюда к Богу, то и не предоставил его собственной свободе и не связал его совершенно, но, вложив закон в его природу и напечатлев в сердце добрые склонности, поставил среди вечно цветущего рая, хотя в таком равновесии между добром и злом, что он мог по собственному выбору склониться к тому или другому, однако же чистым от греха и чуждым всякой двуличности. А рай, по моему рассуждению, есть небесная жизнь. В нем-то поставил Бог человека, чтобы он был неослабным делателем Божиих словес. Запретил же ему употребление одного растения, которое было совершеннее других, заключая в себе силу к полному различению добра и зла. Ибо совершенное хорошо для преуспевших, а не для начинающих. Последним оно столько же обременительно, сколько совершенная пища младенцу. Но когда, по ухищрению завистливого человекоубийцы, вняв убедительности женского слова, человек вкусил преждевременно сладкого плода... и облекся в кожаные ризы – тяжелую плоть, и стал трупоносцем, потому что смертью Христос положил пределы греху, тогда исшел он из рая на землю, из которой был взят, и получил в удел многотрудную жизнь; а к драгоценному растению приставил Бог хранителем Свою пламенеющую ревность, чтобы какой Адам, подобно преждему, не взошел внутрь преждевременно и прежде, нежели бежал от пожирающей снеди сладкого древа, находясь еще во зле, не приблизился к древу жизни. Как увлеченный бурными волнами мореходец отнесен назад и потом или отдав парус на волю легчайшему веянию, или с трудом на веслах пускается снова в плавание, так и мы, далеко отплывшие от великого Бога, опять не без труда совершаем вожденное плавание. И этот новонасаженный грех к злосчастным людям перешел от прародителя; отсюда прозяб колос.

О добродетели

От многих слышу, и желал бы сказать, что слышу не напрасно, но дело должно служить оправданием слову, – слышу, что и те, которые тщательно наблюдают каждый шаг молодых людей, считают тебя юношею боголюбивым, подающим добрые признаки

благонравия, потому что, по пословице, лев виден и по когтям, — слышу, что они от удовольствия сообщают это друг другу как чудо. Хорошо, если Промысл, все устрояющий во благо и желающий твоего преуспевания, такой молвой пролагает тебе путь к делам, чтобы предупрежденный добрым о себе мнением в этой славе имел ты для себя как бы некоторый залог призвания к благочестию! Но пусть кто хочет, тот и делает об этом догадки, а я что слышу, с того и начну речь, именно же что ты употребляешь старание прозреть душой в горную высоту и, расторгнув мглу, которая покрывает нашу здешнюю совершенно земную жизнь, устремив взоры выше, оставив за собой персть, свергнув с себя узы этого сложного мучителя, восстающего на образ Божий, хочешь посвятить себя Богу.

Сие одно и надобно почитать предметом изучения, первым и величайшим благом для людей. Ибо найдешь ли что подобное в вещах, влачащихся долу, и в других игрушках, которыми надмеваются люди, в этих, как говорят, дарах времени и счастья, хотя бы собрались вместе все и всем принадлежащие блага, какие действительно есть или почитаются благами в скорбной жизни? Найдешь ли столько выгод, хотя, по-видимому, преступишь пределы? Положим, что имеешь ты у себя, чем обладал осыпанный золотом Гигес, и, безмолвно властвуя, одним оборотом перстня приводишь все в движение. Положим, что рекой потечет к тебе золото, что загордишься ты, как лидийский царь, и что сам персидский Кир, величающийся могуществом престолов, сядет ниже тебя. Положим, что пресловутыми ополчениями возьмешь ты Трою, что народы и города изваяют твой лик из меди, что одним мановением будешь приводить в движение народные собрания, что речи твои удостоятся венцов, что покажешь в судах Демосфенов дух, что Ликург и Солон уступят тебе в законодательстве. Пусть в груди твоей живет Гомерова муза; пусть у тебя Платонов язык, который у людей почитается медоточивым, да и действительно таков! Положим, что ты опутываешь всех сильными возражениями, как неизбежными и хитро закинутыми сетями. Положим, что ты все поставишь вверх дном, с Аристотелем или с какими-нибудь новыми Пирронами

сплетая понятия в безвыходные лабиринты. Положим, что тебя, окрыленного, понесут вверх эти баснословные (что бы они ни значили) Пегас или стрела скифа Авариса. Все это, о чем я сказал, а также блистательное супружество, сибаритский стол и все прочее, чем превозносится наша мысль, доставит ли тебе столько выгоды, сколько полезно поставить все сие ниже себя, а иметь в виду достоинство души, знать, откуда она произошла, к кому и куда должна возвратиться и какое стремление сообразно в ней с разумом?

Поскольку, как гадаю сам и как слышу от мудрых, душа есть некая Божественная струя и приходит к нам свыше или вся, или властитель и правитель ее – ум, то у нее одно единственно естественное ей дело – парить горé, вступать в общение с Богом, непрестанно устремлять взор к сродному, как можно менее порабощаясь немощам тела, ибо тело и само стремится к земле, и душу влечет долу, вводит в это приятное скитание по предметам видимым, в это омрачение чувств, в котором душа, не управляемая разумом, постепенно погружаясь, падает ниже и ниже. Но если владеет ею ум и часто, как уздой, сдерживает словом, то, возвышаемая им, может быть, вскоре достигнет она священного горнего града, а наконец получит и желаемое ею издавна, то есть, прошедши все завесы, все нынешние тени, все здешние гадания, все отражения красоты в зеркалах, непокрытым умом узрит непокрытое благо, каково оно само в себе, и прекратит свое скитание, насыщенная светом, которого желала сподобиться, и возобладав там высочайшей красотой. Ибо Сотворивший все премудрым Словом, чрез срастворение противоположностей составивший неизреченную гармонию вселенной и приведший мир сей из неустройства в устройство, еще большее чудо показал в природе живого существа.

Но я полюбоумдрствую с тобой, начав слово несколько выше.

Бог есть или ум, или другая совершеннейшая сущность, постигаемая напряжениями одного ума. Богу известно, совершенно ли постижим Он для горних умов; но не ясно постигается нами, над которыми распростерто облако грубой плоти – этот неприятный покров. Столько знаем мы о Боге, но больше узнаем впоследствии.

Поскольку же начатки слова воздали мы Богу, то посмотрим теперь, каково и то, что от Бога.

Две здесь крайности и две противоположные природы. Одна близка к Богу и досточестна: ее именуют словесной и исполненной ума; наименование же это производится от Слова; и таков, сколько известно, чин существ, предстоящих Богу, верховных и второстепенных ангелов, который выше всего чувственного и телесного и первый озаряется начальственной Троицей. Другая природа весьма далека от Бога и Слова; ее называют бессловесной; потому что она лишена слова, и скрывающегося в звуке, и изрекаемого. Но Бог Слово, как совершеннейший Художник, разлучив сии природы и премудро сопрягая тварь, созидает и меня – живое существо, сложенное из обеих природ, сочетав воедино и слово, и бессловесие, то есть невидимую душу, в которой ношу я образ всевышнего Бога, и неразумное тело. Таково смешение этой досточестной твари, которую можно назвать новым миром, в мире малом – миром великим! И как Сам Он преисполнен света и добра, то и мне даровал несколько добра; восхотел же, чтобы оно было моим делом. А для сего показал мне тогда же границы той и другой жизни и определил их словом, придал в помощь твари закон, поставил меня самопроизвольным делателем добра, чтобы борьбой и подвигом приобрел я венец, потому что для меня это лучше, чем жить свободным от ограничений.

Таков закон в устройстве моего состава. Но он непрестанно возмущается многочисленными переворотами здешней жизни, порываемый туда и сюда, окруженный предметами то зловредными, то благотворными, которыми он, бедный, разжигается и искушается, как золото на очистительных углях. А плоды посеянного нами будут собраны впоследствии на праведном суде Божиим; там готовы точила – принять в себя плодоношение жизни.

И посему-то кто соблюдает закон, чтит частицу Божества, какую имеет в себе, во всяком деле, слове и движении ума сколько можно более чист от всего попираемого, и не оскверняется ничем преходящим, а напротив того, самую персть влечет с собой к небу, тот в награду за труды (подлинно, самое великое и премудрое таинство!) станет богом, и хотя богом по усыновлению, однако же

исполненным высшего света, начатки которого пожинал он в некоторой мере еще здесь.

А кто, преклонившись к худшему в своем союзе и сочетании, оказавшись сообщником дольного, рабом плоти и другом скоротечного, оскорбляет жизнью своей Божественное благородство, для того, сколько бы ни был он безуспешен в непостоянном, гордясь ничтожными сновидениями и тенями, обогащаясь, роскошествуя, превозносясь чинами – увы! – для того тяжки тамошние бичи, где первое из бедствий – быть отринутым от Бога.

И ты, слыша это и уверившись в сказанном, шествуй правым путем, оставь же путь недобрый, если только послушаешься искреннего советника (а я знаю, что лучше тебе послушаться) и примешь мое слово. Доброму советнику, как говорят древние, должно вооружиться тремя доспехами: опытностью, дружбой и смелостью; а у меня, как найдешь, нет недостатка ни в чем этом. Опытность простер я до такой степени, какая прилична человеку, который долго трудился, немало времени беседовал с писаниями мудрых и с писаниями Богодухновенных учений – этим сладким источником, доступным только для целомудренных, в котором иное исчерпал я едва не до глубины. А что касается до сказанного мною во-вторых, то есть до благорасположения, в этом есть самое сильное удостоверение, ибо тебе, любезнейший, желаю того же, что прежде посоветовал себе, когда стеклись вместе и размышления, и опасности бурного моря, соединившего меня с Богом, так как страх нередко бывает началом спасения. Опытов же смелости лучше не видеть тебе ни от меня, ни от людей, для тебя посторонних. Да ты и не увидишь их, если послушаешься моих слов, потому что будешь достоин похвал, а не укоризн. А по всему этому предай себя мне, предай, говорю, а я передам тебя Богу, предавшийся Которому сам будет в приобретении, потому что Сам Бог делается достоянием предающегося Ему. Достигнешь же истины, рассуждая так.

И у эллинов есть мудрецы, впрочем, немудрые. Ибо можно ли назвать мудрыми тех, которые не познали высочайшего естества – Бога, первой причины всех благ, тогда как разумных приводят к Богу и природа, и порядок всего видимого и умосозерцаемого?

Можно ли назвать мудрыми тех, которые или вовсе изгнали из мысли Божество, или отринули Промысл, или положили Ему меру, чтобы Бог, спасая, не утрудился? Одни из них, взяв в наставники зрение, вручили державу звездам, которые нам сослужебны, и такими вождями всего сами были водимы весьма худо. Другие, ниспав еще глубже, стали поклоняться гнусным животным. Иные же в тенях демонов и в баснях нашли защитников своим страстям, воздвигли памятники, достойные своего безумия, и капища – произведения вещества и рук человеческих. Кто же будет столь немудр, чтобы признать их мудрыми?

Впрочем, если угодно, они были и мудры. Найдешь, что они были несогласны и далеки один от другого в иных учениях, а именно в понятиях об умосозерцаемом и видимом, о Божием промысле, об идеях, о судьбе, о бесконечном веществе, об устройстве тел, о душе, об уме, об обманчивости чувств. От сего произошли стоики – эти надутые лица, академии, хитросплетения пирронистов, недоумения и остановки над словами пустыми и произвольно составленными. Но, не согласные в этом, все они равно и единодушно хвалят доброе и ничего не ставят выше добродетели, хотя приобретается она множеством усилий, бесчисленными трудами и продолжительным временем. Упомяну для примера о некоторых, чтобы ты и отсюда мог научиться добродетели, и с терний, как говорят, собирая розы, и у неверных учась совершенству.

Кто не слышал о синопском псе? Он (не говорю о других его делах) вел такую дешевую и умеренную жизнь (и в этом сам себе был законодателем, а не Божий хранил закон и не какими-нибудь водился надеждами), что имел у себя одну собственность – палку, и домом служила ему под открытым небом катающаяся среди города бочка, укрывавшая его от нападения ветров, и ее предпочитал он златоверхим чертогам. Пищу же составляло для него то, что без труда можно было взять, и не готовя. Подобно и Кратес, преодолев в себе привязанность к деньгам и все свои владения как способствующие пороку и плотоугодию оставив в запустении, взошел на ступени жертвенника и, поелику служение любостыжательности признавал рабством, как бы среди Олимпии, громогласно

произнес сии удивительные и всеми повторяемые слова: «Кратес дает свободу фивянину Кратесу». О нем же (впрочем, некоторые приписывают сие другому философу подобного образа мыслей) рассказывают, что во время плавания, когда свирепела буря, а корабль обременен был грузом, охотно побросал он в глубину свое имущество, сказав притом сии достопамятные слова: «Благодарю тебя, случай, наставник мой в совершенстве: как удобно сокращаюсь я до плаща!» Один уступил имение свое родным, а другой, превзойдя и это как нечто человеческое и в один кусок золота обратив все, что у него было, пускается в море и там отдает глубине это оболщение тщеславия, рассуждая, что других не должно одолаживать тем, что не хорошо для себя. Я хвалю и за сие. Один из старинных псов, пришедши к царю, просил у него пищи, или действительно имея в ней нужду, или желая испытать царя; и когда царь, или в знак чести, или тоже для испытания, охотно велел дать ему талант золота, он не отрекся взять, но, получив, тут же в глазах давшего на весь талант купил один хлеб и сказал: «Вот в чем имел я нужду, а не в гордости, которой не укусишь!» Это почти сходно и с моими законами, которые окрыляют меня подражать жизни и природе птиц, довольствуясь однодневной и несеяной пищей, и вместе с лилиями, пышно облеченными красотой, обещают мне покров из безыскусных тканей, если буду устремлять взор к единому великому Богу.

Но если мне должно точнее испытать дела сих мудрецов, чтобы рассказы мои не оказались напрасными, то скажу, что эти почитатели нестяжательности и жизни свободной, отрешенной от всех уз, во-первых, неверными путями стремились к совершенству. В них больше было хвастовства, нежели любви к добру, а иначе для чего были бы нужны алтари и провозглашения? Во-вторых, они отказывались от чревоугодия, потому что избегали не пресыщения богатством, а забот и трудов приобретать его, между тем иногда и скудость обращали в повод к сластолюбию. Это доказывают ячменные хлебы, брошенные ради пирога с кунжутом, и стихи из трагедии, особенно один, сказанный при сем весьма кстати: «Чужестранец, уступи место господам». То же доказывает и цикорий – пища

бедных, обильный дар земли, скрывающийся из среды сладостей. Но у нас сделанное напоказ – даже и не в числе добродетелей; у нас первое правило, чтобы левая рука не знала ясно движений правой (Мф. 6 : 3).

Если воздержание свидетельствует о божественной жизни, прекрасен Клеанфов колодец, прекрасна Кратова скудная жизнь. Но как и гнусно многое! Например, эти Хармиды и покров из плащей, под которым сей доблестный муж (подлинно это божественно!) беседовал с юношами, потому что одни красивые даровиты! Никто не уловляй добродетели чрез плотскую любовь – да погибнут такие рассуждения! Не сходятся пределы мидян и лидян. Похвалит ли кто поступок Алкмеона? Один из первых между знаменитыми афинянами, отличный и родом, и могуществом, настолько предался он жадности к деньгам, насколько надлежало бы ему быть выше этой страсти. Крез много раз принимал его у себя радушно; и однажды, показывая ему все свои золотые сокровища и как владетель их гордясь своим счастьем, велел взять себе золотой пыли, сколько может захватить. Тогда Алкмеон (подивись его неумеренности!) наполнил золотом и пазуху, и рот, даже волосы покрыв золотой пылью, вышел к лидянам достойным смеха богачом. А что такое Платон, этот мудрейший из людей! Что такое Аристипп, разумею этого пресладкого Аристиппа. Что этот, как думаю, обворожительный Спевсипп? Один вел жизнь неудачного торговца и для прибыли переносил морские труды, возя масло. Может быть, за это не назовешь еще его ненасытным, но припишешь иное и бедности. Но Платону пресмыкаться у царских столов – где тут ученость и честные труды? Не стану говорить о том, как продавали его с торга и не сбыли бы с рук, если бы не нашелся один ливиец, который оказался лучше Платоновой Эллады и за малую цену купил себе славу и ученость Платонову. А у этого киринейца много было открытости, однако же к свободе примешивал он сластолюбие и вредил добродетели горьким своим учением. Умашенный благовониями, окроплял ими своих сопиршествеников, а любезностью нрава и говорливостью пользовался он как средством к получению подарков. Так, мудрый Архелай, не знаю для чего и за что, подарил

ему однажды женскую одежду. Платон не принял такого подарка, сказав на этот случай стих из Еврипида: «Мне не надеть на себя женской одежды». Но Аристипп, как скоро подарок принесен был к нему и достался в его руки, с охотой берет его и сказанный Платоном стих остроумно отражает другим стихом, произнеся: «Целомудренная и на вакханалиях не утратит своего целомудрия». Этот же самый Архелай, как рассказывают, когда Софоклу хотелось получить от него какую-то вещь, отдал ее мудрейшему Еврипиду и при этом сказал: «Ты мне кажешься достойным того, чтобы у меня просить, а Еврипид достоин получить», — чем и дал разуметь, насколько превосходит благородный нрав.

Но Лисимахов сын, который дал эллинам законы о податях и притом был первым как в народных собраниях, так и в военных делах, до того оказался нестяжательным, что город, на свои деньги выдав замуж его дочерей, почтил тем прекрасную нищету и самого похоронил также на общественные деньги, потому что у него не нашлось, чем похорониться; не говорю уже о том, что по делам своим имел он и имя, один из всех и был, и наименован правдивым.

А чтобы утвердиться не на древних только примерах, не умолчу и о добродетелях римлян. Фабриций, одержав над Пирром победу в битве (а это был один из вождей весьма знаменитых), еще более восторжествовал над ним в следующем. Поскольку надежда Пирра рушилась, то он пытался подкупить римского военачальника несколькими талантами золота. Фабриций не принял золота, однако же заключил перемирие. Когда же Пирр, как сказывают, во время дружеского с ним разговора показал ему во всем вооружении одного самого огромного великорослого слона, Фабриций, который дотоле не знал даже слонов и по виду, не испугался явившегося нечаянно слоновьего хобота, но спокойно сказал: «Меня не пленило золото, не возьмет и зверь». Сего довольно; и то превзошло бы меру, что мог бы еще сказать иной презритель любостяжания.

Поэтому не одобряй недобрых правил в старых книгах, которыми ты, добрый мой, вскормлен. Например: «Пусть называют меня худым за то, что получаю прибыль; это лучше, нежели, чтя законы богов, жить нищим, домогаясь тем славы», «Не трудись

отыскивать род: мое благородство – кусок», «Деньги у людей всего почтеннее. Никто так не жалок, как нищий», «Без меди и Феб не прорицает», «Ни один человек не бывает во всех отношениях счастлив; но или хорошего рода, да есть ему нечего; или и низкого рода, да возделывает богатое поле». Но ты назовешь ли несчастным того, кто хотя и беден, однако же добрыми нравами богаче многих? Подлинно, несчастен человек, который рассуждает так худо. Поэтому бегай этих правил и тех, которые изрекли их; а равно бегай и всего, что найдешь подобного в книгах.

Но одобряй следующие мудрые изречения: «Если от худого дела получаешь прибыль, считай это залогом несчастья», «Не во всем ищи выгод», «Не стыди сам себя», «Неправедными мерами добиваться успеха – дело не без страха», «Не говори мне о Плутоне: не уважаю такого бога, которого и самый порочный легко привлекал на свою сторону», «Этот человек беден, но богат добрыми нравами», «Для меня лучше мудрец нищий, нежели Мидас порочный». По моему мнению, Феогнид говорит совершенный вздор, когда стремнины и пропасти предпочитает скудной жизни и предписывает Кирну худые правила о приобретении имущества. Как и ты, Гомер, столько приписываешь непостоянной вещи, что в одном месте своих стихотворений говоришь: «Добродетель идет следом за богатством». Разве скажешь: я не то выразил, что думаю сам, но сказал сие в насмешку имеющим такую жалкую мысль. Ибо в этом Одиссее, который, претерпев многочисленные бедствия, спасся из моря, нагим скитальцем предстал царице и словом своим внушил к себе уважение деде, самым феакиянам показался достойным внимания, – в этом, говорю, Одиссее не видим ли явной похвалы добродетели? Хвалю и фригийскую басню; как она прекрасна! Мидасу, который просил, чтобы все у него было полно золотом, Бог в наказание за неумеренность дает исполнение желаемого. Но золота есть нельзя; и для кого стало все золотом, тот умер с голода.

Но что мне до чужих басен и нравоучений? Посмотри теперь и на мои законы. От первого блага веду я свой род. От него произошел и к нему окрыляю жизнь, стараясь разрешиться от уз. А так называемое у дольних людей благородство, которое ведет начало

от тела и тления, от блистательных и давно сгнивших мертвецов, ничем не благороднее текучей грязи. И отечество телесное несвободно: оно обременено податями, беспорядочно пересечено морскими заливами, окружено лесами, непрестанно меняет жалких своих обитателей, попеременно бывает и матерью, и гробом своих порождений, сокрушает тех, которые раздирали его недра, – какое наказание, подлинно наказание за вкушение и обольщение прародителя! Но в том отечестве, которого вместо земного ищут себе мудрые, в этом отечестве обширны пределы, величественны обители; оно составляет вечное достояние своих обитателей, оно мать живых, оно свободно от трудов, – это лик немолчно песнословящих великого Христа, торжество первородных, написанных на небесах и в вечных книгах (см.: Евр. 12 : 23). Превозношу также и славу, отложенную мне в горних, сии праведные весы, это нелживейшее благо! А здешняя слава – ветер, ничтожная милость ничтожных. Если она и справедлива, то ничего не прибавляет. А если не истинна, обращается даже во вред, ибо то самое, что стал я видимым, многое отняло у того, чем я был сам в себе. А богатство здешнее скоротечно и упоительно; оно слепо, переходит от одного к другому, многих надмевает и напрасно старается черпать счастье; это то же, что раздутие чрева в водяной болезни: оно другим сообщает болезнетворный яд – времени и зависти дорогостоящее заблуждение. Но у меня есть богатство, которое неистощимо и постоянно, твердо и неколебимо, выше всех утрат; и это богатство – ничем не обладать, кроме Бога и горнего. Никто не приобретет и не приобретал еще доселе всего, хотя бы и желал, но можно все вдруг презреть и таким образом стать выше всего. Пусть иные строят полки вооруженных и больше терпят, нежели причиняют зол, то низлагая других, то оплакивая неизвестность решительных минут, то сражаясь без потерь и успеха, то кровью покупая какое-нибудь бремя богатства или могущество самовластья; пусть иные несчастные искатели прибытка измеряют недра земли и неукротимого моря, пусть иные за малые дары намеренно извращают суд и дают обоюдные законы! А я обменял все на единого Христа и бедный крест несу богато, отринув, что служит добычей моли и зависит от игры счастья.

Хотя первым законом Христовым для человека было первоначальное наслаждение, однако же Эдем и рай, цветущий древами, и источник, разделенный на четыре начала (Быт. 2 : 10), не золото, не илектр, не серебро, не приятность доброцветных и прозрачных камней, какие дает земля преклонившимся долу; напротив того, Эдем одними плодами питал обильно того, кто был делателем Бога и Божественного наслаждения. И здесь положен был предел удовольствию, приведенному в меру. Закон удалял от древа познания противоположностей и, не соблюденный, лишил меня всего, предал бедствиям матери моей земли. Одно же из сих бедствий – иметь у себя более необходимого, не знать никакой меры в приобретении, врачевством от худого избирая худшее и, разгорячая себя питьем, тем больше чувствовать жажды. А от сего смотри, какая бывает несообразность! Всегда считаем себя бедными, стараясь приобрести, чего еще недостает у нас; а в приобретенном не можем найти для себя утешения, потому что сердце мучится о том, чего нет.

Посему первый закон – жить умеренно; но есть и второй. Авраама патриарха, боговидца, великого мужа, Домостроитель высочайших таинств, отвлекши от дома, от рода, от отечества, легко перевел в землю чуждую странником, пресельником, бездомным, скитающимся; его влекла вера в исполнение больших надежд. А Иаков, когда идет в Месопотамию, просит себе, как говорит Писание, только хлеба и покрова (Быт. 28 : 20), хотя впоследствии возвращается с многочисленными стадами, приобретя их в справедливую награду за труды. К сказанному мной хорошо будет присовокупить и сие. Моисей, который наедине беседовал с Богом внутри облака, принял на скрижалях двоякий закон и по нему правил великим народом, при разделе данной уже Богом земли иным коленам отмерил тот или другой участок в земле еще чуждой, одним только сынам Левиным не уделил жребия, потому что их наследием был Сам державный Бог (Чис. 18 : 20). А Ионадав, который умел, точно умел любомудрствовать, хотя нищета и не считалась еще тогда в числе чудес, преподавая однажды детям урок нестяжательности и высокой жизни, произнес следующее слово, приличное самому доброму отцу: «Оставляю вам, дети, самое великое наследие, какого не давал

еще детям ни один отец, даже и самый богатый. Убегайте всякого наследия, ведите свободную жизнь, не связывая себя никакими узами, живите в кущах, то есть в подвижных домах. Пусть иной рас-секает недра земли, а иной, кого веселит вино, насаждает виноград; но вы не пейте вина, храните воздержную жизнь. Такую ведя жизнь, будете жить безопасно» (Иер. 35 : 6–7). Таков был Ионадав! Где же дадим место Илии, которого великий Кармил питал чрез ворона и из потока в земле жаждущей? Он был нищ и последний из нищих, но перед царями останавливает дожди и глубины потоков, низводит с неба огонь на врагов и на жертвы, капли скудной пищи обращает для вдовиц в неиссякаемый поток, будучи скуден, богато питает питающих, воскрешает мертвецов в награду за гостеприим-ный кров и взмелется на небо на огненной колеснице. А Елисеево наследие – Илиина благодать и с высоты ниспавшая милость! И освященный до чревоношения – какое чудо! Без сомнения, зна-ешь великого Самуила. Его материнская молитва привела к Богу, и (если не слишком смело будет сказать о нем так) он обладал уже Богом, будучи посвящен Ему с младенчества. Кто между Ветхим и Новым Божиим Заветом, как между тенью и действительным телом, составлял средю, замыкая собой один и отвержая вход другому? Кто сей великий светильник, предтекий горнему Свету? Кто первый между рожденными, чему свидетель – Бог? Кто жил в пус-тыне, имел необычайную пищу и одежду из верблюжьих волос под-поясывал кожаным ремнем? Мое слово изобразило Иоанна, кото-рый не позволял иметь у себя и двух рубищ. А что сказал бы иной о Павле, который ремеслом своим доставал себе пропитание, или о Петре, который питался одними лупинами? Что сказать о сих великих апостолах, которые вовлекли весь мир в Божии сети (см.: Мф. 4 : 19; Мк. 4 : 17), чьи руки изливали бедным обильное богатство щедрых даров? А другие апостолы, когда [также] призван-ны были Богом к лучшей ловле, оставили родным своим рыболов-ные корабли, потому что привлекло их совершеннейшее учение Христа, Который есть Высочайший Ум и первое естество ума, но обнищал до грубости плоти и, поставляя нищих провозвестниками слова, единую веру дал в спутники не имеющим у себя ни одежды,

ни меди, ни сумы, ни обуви, но во всем нуждающимся, поверяя им тайну целой новой вселенной, не позволил иметь даже жезла в руках, чтобы вера составляла могущество слова (Мк. 6:8; Лк. 9:3; 10:4). Но выслушай важнейшее. Юноше, который желал знать, как можно достигнуть совершенства, Христос поставляет верх совершенства не в чем ином, но в том, чтобы раздать все бедным, всегда нести на плечах великий крест и, умерши для дольного, следовать за Христом тому, кто хочет вознестись с Богом (Мф. 19:21). Так Своим пришествием усовершенствует Христос и мытарей, которые охотно приносят все в дар Богу, в чем да убедит тебя Закхей (Лк. 19:2–10), который, худо обогатившись, чрез милосердие к бедным и обиженным от него обогащается нищетой и очищается от скверны. Довольно сего об имуществе.

А примеров воздержания у древних мудрецов и эллинских, и варварских немного, хотя и у варваров добродетель была в уважении. Какие же примеры есть у них и в каком числе, нужно ли о сем писать, когда это всем открыто и известно? Выслушай следующие места из мудрой трагедии: «Учись держать чрево в крепкой узде: оно одно не воздает благодарности за оказанные ему благодеяния», «В пресыщении Киприда, а в голодных ее нет», «Одеблевшее чрево не родит тонкой мысли», «Наполни мешок твой соями или ячменной мукой – ничем не будет это различаться во внутренностях чрева», «Что за приятность черпать дырявой бочкой?», «Ненасытное чрево открыло пути для кораблей, оно научило людей с неистовством вооружаться друг против друга». А о том, что все дорогие снеди у сластолюбцев тонут, как в бездне, и делаются уже не снедями, но чем-то приготовленным в самом негодном поимойном сосуде, справедливо говорит в одном месте превосходный Керкид, который, сам питаясь солью, с презрением смотрит на кончину роскошных и на горечь самой роскоши. Кто же не похвалит сказавшего сластолюбивому юноше: «Перестань налагать на себя новые цепи и не раздражай хищного зверя». Каков и этот обычай почтенных стоиков, как бы к кому-то постороннему, обращаясь к своему телу с такими речами: «Чем я тебе должен, жалкий мешок? Дать ли тебе есть? Много с тебя, если дам и хлеба в скудость. Дать

ли пить? Дадим тебе воды и уксусу. Но ты не этого у меня просишь, а сладких и сытных снедей, дорогих напитков из кристалльных сосудов? Со всей охотой дадим тебе, но только удавку». И это не лучше ли известной у древних изнеженности Сарданапала, Нинова сына, который, обилуя богатством и расстроив себя сластолюбием, для продолжительности наслаждения желал себе горла длиннее журавлиного?

О, божественный Давид! Когда тебе хотелось утолить жажду из колодезя в земле иноплеменников, и питье было добыто, поскольку некоторые послужили твоему желанию, пожертвовав кровью и чрез ратоборство, ты, взяв воду в руки, вылил ее и не согласился насытить своего желания злостраданиями других (2 Цар. 23 : 15–17). А если словесная пища есть хлеб ангельский, потому что не тело питает бестелесную природу, то сколько у нас таких, которые живут ангельской жизнью, соблюдая в себе (и то неохотно, ради Божия только повеления) едва малые искры жизни земной? Ибо должно оставаться в узах, пока не разрешит Бог. Не стану представлять примеров из книг, и притом ветхозаветных, как иные, чрез телесные очищения обожившись и как бы освободившись от тел, целые, и даже многие дни не вкушали пищи, не боялись огненного крещения и львиных челюстей, только бы в земле чуждой не прикасаться к пище, оскверненной по повелению варваров (Дан. 1 : 8).

Но после того как враг, приразившись ко Христу, отступил от мужественной плоти, побежденный сорокадневным невкушением пищи (Мф. 4 : 2–4), к большему посрамлению преткнувшегося в сем опыте дан закон о вожделенном истощании в подвигах. Какое мудрое противоборство! Какие бескровные божественные жертвы! Целый мир священнодействует Владыке; не тельцов и овнов закалывают, как предписывалось Ветхим Законом, не какое-либо внешнее совершают приношение несовершенного (потому что все бессловесное недостаточно), но каждый изнуряет сам себя воздержным вкушением пищи, наслаждаясь — подлинно новый способ наслаждения! — наслаждаясь тем, что не знает наслаждений. Всякий старается очистить самого себя в храме Бога всенощными бдениями и псалмопениями, преселениями ума к великому Уму. В той только

мере живут в тенях и призраках, в какой и в видимом могут уловлять сокровенное. От сего одни, наложив железные узы на грубую плоть, смирили ее продерзость; другие, заключившись во мрак, в тесные жилища или в расселины диких утесов, остановили вредоносность блуждающих чувств; иные, чтобы избежать зверского греха, отдали себя пустыням и дебрям, жилищам зверей, отказавшись от общения с людьми и зная тот один мир, который у них перед глазами. А иной привлекает к себе Божие милосердие вращением, пеплом, слезами, возлежанием на голой земле, стоянием в продолжение многих дней и ночей, даже целых месяцев, а сказал бы я, и лет, но сие покажется невероятным; впрочем, весьма вероятно это для меня и для тех, которые бывали самовидцами чуда, ибо вера и страх Божий, заранее восхитив ум из тела, соделывали их неколебимыми столпами. Ты услышишь и о необыкновенной приправе пищи и питья – о пепле, смешанном со слезами. А иных ревность привела к путям, никем еще дотоле не проложенным: они живут вовсе без хлеба и воды, что, кажется мне, препобеждает и законы естества.

Каково это? Неужели станешь еще дивиться девам, дочерям Льва, которые с радостью отдали себя на погибель за Афины? Или усердному пожертвованию Менекея, умирающего для спасения города Фив? Или славному скачку с высоты мудреца Клеомврата для разлучения с телом, ибо, убедившись учением Платона о душе, воспламенился он желанием разрешиться от тела? Или укажешь на Эпиктетову голень, которую скорее могли у него переломить, нежели исторгнуть насилием рабское слово? Ибо этот муж имел, точно имел, как говорят, рабское тело, но свободный нрав. Или представишь, как у Анаксарха толкли руки в ступе, а он, будто не находясь при этом, приказывал сильнее выколачивать его мешок, потому что сам он, то есть невидимый Анаксарх, был несокрушим? Или упомянешь о Сократовой чаше с цикутой – этом необыкновенном напитке, выпитом с такой приятностью? Ты хвалишь все сие, хвалю также и я. Но в какой мере? В неизбежных бедствиях были они мужественны, ибо не вижу, каким бы образом спаслись от них, хотя бы и захотели.

Перейдя же отсюда к божественной борьбе моих подвижников, и ты, услышав или припомнив о них, придешь в ужас. С какими бесчисленными опасностями возрастали досточтимое и новое таинство Христово мы, удостоившиеся именоваться от Христова имени! Зависть многократно воспламеняла против нас многих врагов и гонителей слова – этих дышащих яростью свирепых зверей. Но мы никогда не уступали господствующей силе времени. Напротив того, если и оказывалось сколько-нибудь беспечности во время мира, если и оказывался кто худым в чем другом, то в этом все были укреплены Богом, горя пламенной ревностью, выдерживали дерзость врагов, побеждаемые со славой. Никто не ищет спасения с таким удовольствием, с каким шли мы на эти прекрасные опасности. Иной, как забаву, встречал огонь, меч, земные пропасти, голод, удушение, кровожадных зверей, растягивание и вывертывание суставов, лишение глаз, жжение, расторжение, терзание членов, холод, погружение в глубину или во мрак, свержение с высоты, продолжительное зрение разнообразных мучений; а последнее (говорю это знающим) хуже всех злостраданий, потому что когда страдание доведено до крайней его степени, тогда прекращается уже страх, непрестанно же ожидать значит непрестанно страдать и вместо одной смерти умирать многими мучительными смертями. Не стану говорить об изгнаниях, об отнятии имуществ, о том, что надобно терпеть сие в глазах мужей, жен, товарищей, детей, друзей, что самого мужественного делает малодушным. И за что терпеть? Может быть, за один слог. Что говорю: за слог? За одно мановение, которое, послужив знаком отречения, могло бы спасти, хотя ко вреду. Короче сказать: мы стояли за Бога, а предавший Бога не может уже найти другого. Но к чему распространяться? Возведи очи свои окрест, обозри целую вселенную, которую объяло теперь спасительное Слово, привязавшее нас к Богу и соединившееся с нами чрез страдания, – соединение дивное и превысшее в Божиих законах! Сию-то вселенную, всю почти, освещают, как звезды, открытыми алтарями, высоковерхими престолами, учениями, собораниями, стечениями целых семейств, песнопениями, достойными подвигов, – освещают сии достославные победоносцы Заклан-

ного. И так велико благоговение к истине, что малая часть праха, какой-либо останок давних костей, небольшая часть волос, отрывки одежды, один признак капель крови иногда достаточны к чествованию целого мученика; даже месту мощей дается наименование «святые мощи», и оно получает равную силу, как бы находился в нем целый мученик. Чудное дело! Думаю, что одно воспоминание спасает. Что еще сказать о невероятном избавлении от болезней и от демонов при гробницах, которые удостоились некогда вмещать в себе драгоценные мощи? И они отражают нападения духов. Таковы чудеса моих подвижников!

Хвали же ты мне Пису и дельфийский прах, Немею и истмийскую сосну, у которых несчастные юноши находили свою славу, полагая малые награды и за подвиги малые, за кулачный бой, за борьбу, за скорость бега и скачки, в чем неважно и победить, и остаться побежденным, потому что наградой не Бог и не спасение, как по моим законам и за мою борьбу приобретаются горящая слава и горные венцы.

Ты видел примеры мужества, которым всего лучше и спасительнее подражать в ежедневной борьбе с гонителем, который из глубины и тайно низлагает нас посредством обольщенных чувств; теперь посмотри и на примеры особенно похвального у нас целомудрия.

Есть, действительно есть и у эллинов любители целомудрия; они бывали в древности, а найдутся и ныне; не отказываюсь верить тому, что разглашают о них; у меня нет зависти, что и чуждые нам целомудренны. О Ксенократе рассказывают, что однажды, искушая его, подсунули ночью к сонному блудницу; почувствовав это, не был он поражен необычайностью оскорбления, но также не встал и не подумал бежать; то и другое было низко для Ксенократа. Напротив того, он остался недвижим и неуязвим, так что женщина, бросившись бежать, закричала: «Для чего насмеялись надо мной, положив рядом с мертвецом?» Эпикур хотя усиливался доказать, что удовольствие есть награда за подвиги добродетели и что наслаждение есть конец всех благ для человека, однако же, чтобы не подать мысли, будто для какого-то удовольствия хвалит удоволь-

ствие, вел себя благопристойно и целомудренно, чтобы подкрепить учение свое добрыми нравами. Не умолчу и о Полевоне, так как очень много говорят об этом чуде. Прежде был он не из целомудренных, а даже из гнусных слугителей сластолюбия; но когда объят стал любовью к добродетели, найдя доброго советника (не знаю, кто это был, мудрец ли какой или сам он), вдруг оказался великим победителем страстей. И я представлю одно только доказательство чудной его жизни. Один невозддержанный юноша приглашал к себе свою приятельницу. Она, как рассказывают, подошла уже к дверям, но на дверях изображен был Полевон; и его образ имел такой почтенный вид, что развратница, увидев его, тотчас ушла назад, пораженная сим видением и устыдившись написанного, как будто живого. И это происшествие, сколько знаю, пересказывают многие. У Диона (разумею того Диона, который был в большой славе) не очень приятно, говорят, пахло изо рта, и один из городских жителей посмеялся этому. Дион, как скоро свиделся с женой своей, говорит ей: «Что же не сказала ты мне о болезни моей?» Но жена с клятвой отвечала: «Я думала, что это недостаток всякого мужчины, а не твой только». Так далеко держала она себя от всех мужчин и приятельниц; потому что ответ сей – ясное доказательство честных нравов. Кто не хвалит и Александра [Македонского] за то, что, имея у себя во власти дочерей побежденного им Дария и слыша, что они прекрасны, не захотел их видеть из опасения, потому что стыдно было бы победителю мужей уступить над собой победу девам. Хотя это не близко еще к моим образцам, однако же хвалю. А почему? Потому что весьма приятно видеть белое лицо между эфиопами или сладкую струю среди моря, а в равной мере весьма удивительно при худых и зловредных правилах найти нечто целомудренное.

Где сами божества преданы страстям, там покорствовать страсти, без сомнения, почитается делом честным. Ибо кто поставляет своим богом страсть, пользуясь худым помощником в худом деле? У кого, скажи мне, видим примеры неестественной любви? Надобно же было, чтобы ваши боги имели какое нибудь преимущество. У кого фригийские юноши и участвуют в пиршестве, и в раз-

вратном виде подают сладкий нектар? Но стыжусь обнаруживать Диевы (Зевесовы) тайны. Чьи любоддеяния, чьи нарушения супружеской верности составляют для созданных срамное зрелище, возбуждающее смех? Как женщины делают из Зевса все – и быка, и молнию, и лебедя, и человека, и зверя, и золото, и змия? Таковы любовные превращения Зевса – этого зачинщика и советника всех худых дел! Кто царицу сластолюбия почитает богиней? Кто воздвигает жертвенники и храмы страстям? У кого ночи, подлинно достойные ночи, набожно чествуются символами бесчестных дел? У кого Ифифалы и Фалы со смехом присовокупляют к кумирам нового бога, о котором стыдно и говорить? У кого Гермафродиты, Паны – это срамное поколение, эти боги с козлиными ногами, а по нравам козлы? У них и девы на свадьбах пляшут; им надобно, чтобы к браку присоединялось нечто противное браку. У них пригожие выдают замуж непригожих, принося в приданое за ними приобретенное блудно; и сии неблагопристойности совершаются в честь одного из демонов, чтобы человеколюбивое дело не оставалось вовсе бесстыдным делом. Оттого позорные дела пользуются свободой; блудилища, цена блуда, поругание чести у них законны. А мудрецы их изображают Афродиту в виде своих любовниц, чтобы такой выдумкой доставить последним божеские почести. И Фидий на персте богини девы в память своего бесстыдства пишет: у прекрасного всего достаточно. От сего наравне с мужественными и воинскими подвигами удостоивается у них блистательных живописных изображений, рукоплесканий и описаний и эта студодейная красота. Смотри, сколько блудниц почтены у них храмами и признаны богинями. Евфро, Фрина, Лезна в образе зверя, потому что и ее имя было чтимо среди храмов. А эту пресловутую повелительницу Эллады, родившуюся в Иккарах, срамную развратницу Лаису и многих других не удостою и слова.

Посему ты, добрый мой, как умеющий узнавать доброту серебра, заимствуй у них, что хорошо, и отбрасывай, что не сделает тебя лучшим, но следуй всем нашим наставлениям, следуй примерам мужей и жен целомудренных, у которых учитель – упование и Бог, которые своей жизнью пишат лучшие законы, нежели какие

пишет рука. Когда другие именуют прелюбодеяние пороком и наказывают по законам, мы требуем еще большего, запрещая и смотреть бесстыдно и похотливо (см.: Мф. 5 : 39), почитая за одно и содеянный грех, и причину греха, как, например, и убийство, и гнев (Там же : 28), от которого бывает убийство, клятвопреступление и готовность к клятве (Там же : 36). Не дозволяя всего того, без чего не может быть грех, мы избегаем и самого худшего.

Так у меня безопасно целомудрие. Оттого у меня многочислен лик дев, подражающих жизни бесплотных ангелов и Самому Богу, Который один сожительствует с ними. К чему же это ведет? К тому, что всякий стремится к будущей жизни, желает переселиться отсюда, освободившись от уз и законов супружеских. С тех пор, как пришел ко мне Христос – Сын Матери Девы, творит Он меня девственником по новым законам. Поскольку вступил я в жизнь и, связанный скоротечностью и тлением, вынужден знать скоротечное и подлежащее тлению, чтобы из видимого и блуждающего научиться лучшему, то с радостью возвожу образ к Богу посредством свободной и несвязанной жизни, не оставив здесь и следа своей кожи, но презрев ее, как иные презирают какой-нибудь другой надутый мех, всецело стремлюсь к всецелому Богу, имея искренними спутниками многих других, которые, взирая на единую чаемую жизнь, принесли в дар подателю всяческих Богу не власы и не имение, но первое из всего принадлежащего нам – чистоту и бесплотность. Это сонмы новых назореев, исполненные и сияющие теми внутренними красотами, какие чтут девственники по крови. Что мог бы я сказать тебе о какой-нибудь Фекле или о всех тех, которые, чтобы соблюсти красоту свою запечатленной для Бога, смело шли на опасности? Не то ли одно, что всегда и всякому было очень известно? Видишь неусыпные псалмопения Богу мужей и жен, забывших свою природу, столь многочисленных, столь высоких по жизни и обожившихся? Видишь два лика ангелов, то согласно, то противогласно, и горе, и долу песнословящие Божие величие и естество? Так должен ты чтить чистоту, имея столько побуждений и образцов; взирая на них, очисти себя самого, чтобы принять тебе законы от Бога.

Хотя все изображенное в слове требует твоего благоразумия (ибо без благоразумия возможно ли что похвальное?), однако же первое и важнейшее для тебя – познать Бога и искренно чтить Его словом и делом, потому что для всех один и тот же источник, одно спасение. Бог умосозерцаем для иных, хотя несколько; однако же никто не изречет и ни от кого нельзя услышать, что Он такое, хотя иной и слишком был уверенным, что знает сие. Ибо к каждой мысли о Боге всегда, как мгла, примешивается нечто мое и видимое. Каким же образом проникну эту мглу и вступлю в общение с Богом, чтобы, не трудясь уже более, обладать и быть уверенным, что обладаю тем, что давно желал приобрести? Самое пагубное дело – не чтить Бога и не знать, что Он – первая причина всяческих, от которой все произошло и пребывает соблюдаемое по неизреченному чину и закону; но представлять себя знающим, что такое Бог, есть повреждение ума; это то же, что, увидев в воде солнечную тень, думать, будто бы видишь само солнце, или, поразившись красотой преддверия, воображать, будто бы видел самого владыку внутренних чертогов. Хотя один и премудрее несколько другого, поскольку привлек к себе более лучей света, потому что больше всматривался, однако же все мы ниже Божия величия, потому что Бога закрывает свет, и покров Его – тьма. Кто рассечет мрак, тот освещается второй преградой высшего света. Но проникнуть [через] двойной покров весьма нелегко. Того, Кто все наполняет и Сам выше всего, Кто умудряет ум и избегает порывов ума, увлекая меня на новую высоту тем самым, что непрестанно от меня ускользает, – сего Бога особенно содержи в уме и чествуй, доказывая любовь свою ревностью к заповедям. Но не везде и не всегда должно изыскивать, что Он такое, и не перед всяким удобно изрекать об этом слово. Иное скажи о Боге, впрочем, со страхом; а иное пусть остается внутри и, безмолвно чтимое, чествуется втайне одним умом; для иного же отверзай только слух, если преподается слово, ибо лучше подвергать опасности слух, нежели язык. О прочем же будем молить, чтобы узнать сие ясно, отрешившись от дебелости плоти; а теперь, сколько можно, будем очищать себя и обновляться светлой жизнью. Так примешь в себя умосозерцаемого Бога, ибо несомненно

то, что Бог Сам приходит к чистому, потому что обителю чистого бывает только чистый. Умозаключения же мало ведут к ведению Бога, ибо всякому понятию есть другое противоположное, а мое учение не терпит на все удобопреклонной веры. Весьма важно держаться сказанного: кто возлюбил, тот будет возлюблен; а кто возлюблен, в том обитает Бог (Ин. 14 : 21–23). А в ком Бог, тому невозможно не сподобиться света; первое же преимущество света – познавать сам свет. Так любовь доставляет ведение. Такой путь к истине лучше уважаемого многими пути ума и его тонкостей.

А что может быть изречено, откроем сие. Безначальный, Начало, Дух – досточтимая Троица. Не имеющий причины, Рожденный, Исходящий, и первый – Отец, второй – Сын и Слово, третий не Сын, но Дух единой сущности – Единый в Трех Бог и общее поклонение. Ими разрешаюсь от смертного состава. И ты будь поклонником Их, соблюдай Их в себе, отринув всякую нечистоту жизни дольней честной жизнью, истинным учением и ненавистью к вымыслам, и устремляйся в горняя. И я желал бы, чтобы ты стал богаче меня и сподобился большего дерзновения.

О человеческой природе

Вчера, сокрушенный своими скорбями, сидел я один, вдали от людей, в тенистой роще и снедался сердцем. В страданиях люблю я такое врачевство и охотно беседую наедине со своим сердцем. Ветерки жужжали и вместе с поющими птицами с древесных ветвей ниспосылали добрый сон даже и слишком изнемогшему духом. А на деревьях, любимцы солнца, сладкозвучные кузнечики из музыкальных гортаней оглашали весь лес своим щебетанием. Неподалеку была прохладная вода и, тихо струясь по увлажненной ею роще, омывала мои ноги. Но мною так же сильно, как и прежде, владела скорбь. Ничто окружающее не развлекало меня, потому что мысль, когда обременена горестями, нигде не хочет встретить утешения. И я, увлекаемый кружением парящего ума, видел в себе такую борьбу противоположных помыслов.

Кто я был? Кто я теперь? И чем буду? Ни я не знаю сего, ни тот, кто обильнее меня мудростью. Как покрытый облаком, блуждаю туда и сюда; даже и во сне не вижу, чего бы желал, потому что и низок, и погряз в заблуждениях всякий, на ком лежит темное облако дебелий плоти. Разве тот премудрее меня, кто больше других обольщен лживостью собственного сердца, готового дать ответ на все?

Я существую. Скажи: что это значит? Иная часть меня самого уже прошла, иное я теперь, а иным буду, если только буду. Я не что-либо непременно, но поток мутной реки, который непрестанно притекает и ни минуты не стоит на месте. Чем же из этого назовешь меня? Что наиболее, по-твоему, составляет мое «я»? Объясни мне сие; и смотри, чтобы теперь этот самый я, который стою перед тобой, не ушел от тебя. Никогда не перейдешь в другой раз по тому же потоку реки, по которому переходил ты прежде. Никогда не увидишь человека таким же, каким видел ты его прежде.

Сперва заключался я в теле отца, потом приняла меня мать, но как нечто общее обоим; а потом стал я какая-то сомнительная плоть, что-то не похожее на человека, срамное, не имеющее вида, не обладающее ни словом, ни разумом; и материнская утроба служила мне гробом. И вот мы от гроба до гроба живем для тления! Ибо в этой самой жизни, которую прохожу, вижу одну трату лет, которая мне приносит гибельную старость. А если там, как говорит Писание, примет меня вечная и нетленная жизнь, то скажи: настоящая жизнь, вопреки обыкновенному твоему мнению, не есть ли смерть, а смерть не будет ли для тебя жизнью?

Еще не родился я в жизнь. Для чего же сокрушаюсь при виде бедствий, как нечто приведенное в свой состав? Это одно и непреложно для существ однодневных; это одно для меня сродно, непоколебимо, не стареется, после того как, выйдя из недр матери, пролил я первую слезу, прежде нежели коснулся жизни, оплакав все те бедствия, с которыми должен встретиться. Говорят, что есть страна, подобная древнему Криту, в которой нет диких зверей, и также есть страна, где неизвестны хладные снега. Но из смертных никто еще не хвалился тем, что он, не испытав тяжелых бедствий жизни, переселился отсюда. Бессилие, нищета, рождение, смерть, вражда,

злые люди – эти звери моря и суши, все скорби – вот жизнь! И как много я видел напастей, и напастей ничем не услажденных, так не видал ни одного блага, которое бы совершенно лишено было скорби, с тех пор как пагубное вкушение и зависть противника заклеили меня горькой опалой.

К тебе обращаюсь, плоть, к тебе, столько неисцельной, к тебе – льстивому моему врагу и противнику, никогда не прекращающему нападений. Ты злобно ласкающийся зверь, ты (что всего страннее) охлаждающий огонь. И великое было бы чудо, если бы напоследок и ты сделалась когда-нибудь ко мне благорасположенной!

И ты, душа моя (пусть и тебе сказано будет приличное слово), кто, откуда и что такое? Кто сделал тебя трупоносицей, кто твердыми узами привязал к жизни, кто заставил непрестанно тяготеть к земле? Как ты – дух – смесилась с дебелостью, ты – ум – сопрягалась с плотью, ты – легкая – сложилась с тяготой? Ибо все это противоположно и противоборствует одно другому. Если ты вступила в жизнь, будучи посеяна вместе с плотью, то насколько пагубно для меня такое сопряжение! Я образ Божий – и родился сыном срама, со стыдом должен матерью своего достоинства наименовать похотение, потому что началом моего прозябания было истекшее семя, и оно истлело, потом стало человеком и вскоре будет не человеком, но прахом – таковы последние мои надежды! А если ты, душа моя, что-нибудь небесное, то желательно знать, откуда ведешь начало? И если ты Божие дыхание и Божий жребий, как сама думаешь, то отложи неправду, и тогда поверю тебе, потому что в чистом несвойственно быть и малой скверне. Тьма не доля солнца, и светлый дух никогда не был порождением духа лукавого. Как же ты возмущаешься столько от приращений губительного велиара, хотя и сопряжена с небесным духом? Если и при такой помощи клонишься ты к земле, то, увы! увы! Сколь многомогущен твой губительный грех! А если ты во мне не от Бога, то какая твоя природа? Как страшно, не надмеваюсь ли напрасной славой!

Божие создание, рай, Эдем, слава, надежда, заповедь, дождь – истребитель мира, дождь – огонь с неба, а потом закон – писаное врачество, а потом Христос, соединивший Свой образ с нашим,

чтобы и моим страданиям подал помощь страждущий Бог и соделал меня богом чрез Свое человечество... Но мое сердце ничем не приводится в чувство. В самоубийственном иступлении, подобно вепрям, напираем мы на меч. Какое же благо жизни? Божий свет. Но и его преграждает мне завистливая и ужасная тьма. Ни в чем не имею преимущества, если только не преимуществуют предо мной злые. О, если бы при больших трудах иметь мне равную с ними долю! Я повержен в изнеможение, поражен Божиим страхом, сокрушен дневными и ночными заботами. Этот высокоуныный и поползновенный гонит меня сзади, наступил на меня пятой. Говори ты мне о всех страхованиях, о мрачном тартаре, о пламенеющих бичах, о демонах — истязателях наших душ: для злых все это басня! Для них всего лучше то, что под ногами. Их нимало не приводит в разум угрожающее мучение. Лучше было бы беззаконникам остаться впоследствии ненаказанными, нежели мне ныне сокрушаться о бедствиях греха.

Но что говорить о людях? К чему так подробно описывать скорби нашего рода? Все имеет свои горести. И земля не непоколебима, и ее приводит в содрогание ветер. Времена года стремительно уступают место одно другому. Ночь гонит день, буря помрачает воздух, солнце затмевает красоту звезд, а облако — красоту солнца. Луна возрождается вновь. Звездное небо видимо только вполонину. И ты, денница, был некогда в ангельских ликах, а теперь, ненавидный, со стыдом спал с неба! Умилосердись надо мной, царственная досточтимая Троица! И Ты не вовсе избегла от языка безрассудных однодневных тварей! Сперва Отец, потом великий Сын, а потом Дух великого Бога были предметом хулы!

К чему приведешь ты меня, зломудренный язык? Где прекратятся мои заботы? Остановись. Все ниже Бога. Покорствуй Слову. Не напрасно (возобновлю опять песнь) сотворил меня Бог. От нашего малодушия такая мысль. Теперь мрак, а потом дастся разум, и все уразумеешь, когда будешь или созерцать Бога, или гореть в огне.

Как скоро воспел мне сие любезный ум, утолилась моя скорбь. Поздно пришел я домой из тенистой рощи; и иногда смеюсь над рассуждающими иначе, а иногда, если ум в борьбе с самим собой, то млю скорбью сердце.

Вопросы для обсуждения

1. Каким рисует устройство мира Григорий Богослов?
2. Каковы, по мнению автора, отношения мира и Бога? Как он определяет Божество?
3. Каковы, по Григорию Богослову, положение души в мире и ее цель? Какому философскому направлению ближе всего учение Григория Богослова о душе?
4. Каково этическое учение Григория Богослова?

Василий Великий (329–379)

Греческий церковный деятель, писатель и богослов. Родился в благочестивой христианской семье, пережившей кампанию преследований в начале IV в. и подарившей, помимо него, еще двух епископов. Получил хорошее образование в Кесарии, затем Константинополе и Афинах, где познакомился с Григорием Назианзином. По возвращении становится преподавателем и попадает в окружение епископа Диания. Пример сестры Макрины, которая организует общину в семейном имении, побуждает Василия к большему рвению, и он отправляется в путешествие по монастырям Египта, Палестины, Сирии, а затем создает общежитийный монастырь в Понте и пишет для него устав. С 360 г. начинает принимать активное участие в теологической полемике, в 363 г. в епископство Евсевия Кесарийского принимает священнический сан, а в 370 г. занимает епископскую кафедру Кесарии. В борьбе против арианства и аполлинаризма Василий содействует формированию христианского богословия, которое легло в основу официальной догматики на многие века.

Беседы на Шестоднев*

Беседа 1

В начале сотворил Бог небо и землю

(Быт. 1 : 1)

Кто хочет повествовать о составе мира, для того приличное начало – сказать предварительно о начале устройства видимых вещей. Ибо он должен передать историю о творении неба и земли, которое не само собою произошло, как представляли себе некоторые, но имело причину в Боге.

Какой слух будет достоин великости повествуемого? С каким приуготовлением надобно приступать душе к слышанию таких предметов? Ей должно быть чистою от плотских страстей, не омраченною житейскими заботами, трудолюбивою, изыскательною, вникающею во все, из чего только можно занять понятие о Боге, достойное Бога.

Но прежде нежели исследуем точность речений и рассмотрим многозначительность сих немногих слов, представим себе, кто беседует с нами. Чрез это хотя бы, по немощи нашего разума, и не проникли мы в глубину сердца повествователя, однако же, обратив внимание на достоверность говорящего, сами собою дойдем до необходимости согласиться на сказанное.

Итак, составивший сие повествование есть Моисей – тот Моисей, о котором засвидетельствовано, что *был прекрасен перед Богом* (Деян. 7 : 20), будучи еще грудным младенцем; которого усыновила дочь фараонова и воспитала по-царски, приставив к нему для обучения мудрых египетских наставников; который, возненавидев гордость преобладания и обратившись к униженному состоянию единоплеменников, *лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение* (Евр. 11 : 25); который, получив от самой природы любовь к правде,

* Извлечения из кн.: Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, Архиепископа Кесарии Каппадокийской : в 2 ч. М. : Паломник, 1991 (репринт 1900 г.). Ч. 1. С. 5–55; 137–151.

еще прежде, нежели вверено ему начальствование над народом, по естественному отвращению от зла оказывается даже до смерти готовым преследовать злых; который, будучи изгнан облагодетельствованными и с радостью оставив египетские мятежи, удалившись же в Эфиопию, там, на совершенной свободе от других занятий, в продолжение целых сорока лет упражнялся в умозрении о существующем; который, будучи уже осьмидесяти лет, видел Бога, как можно видеть человеку, лучше же сказать, как не видел ни один человек, по собственному Божию свидетельству: *если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним; но не так с рабом Моим Моисеем, — он верен во всем дому Моему: устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях* (Числ. 12 : 6–8). Сей-то, наравне с ангелами удостоившийся лицезрения Божия, повествует нам нечто из того, что слышал от Бога. Послушаем же вещаний истины, которые изречены *не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы* (1 Кор. 2 : 4) и имеют целью не похвалу слушающих, но спасение поучаемых.

В начале сотворил Бог небо и землю. Изумительность мысли связывает у меня слово. О чем говорить прежде? С чего начать толкование? Обличать ли суетность язычников? Или возвеличить истину нашего учения?

Эллинские мудрецы много рассуждали о природе — и ни одно их учение не осталось твердым и непоколебимым, потому что последующим учением всегда ниспровергалось предшествовавшее. Посему нам нет и нужды обличать их учения; их самих достаточно друг для друга к собственному низложению. Ибо не знавшие Бога не допускали, что происхождение всех вещей зависит от разумной причины; а сообразно с сим коренным своим неведением заключали и о прочем. Потому одни прибегали к вещественным началам и причину всех вещей приписывали стихиям мира; другие же представляли себе, что природу видимых вещей составляют атомы и неделимые тела, тяжесть и скважинность; потому что рождение и разрушение происходят, когда неделимые тела то взаимно сходятся, то разлучаются, а в телах, существующих долее

других, причина продолжительного пребывания заключается в крепчайшем сцеплении атомов.

Подлинно ткнут паутинную ткань те, которые пишут это и предполагают столь мелкие и слабые начала неба, земли и моря. Они не умели сказать: *в начале сотворил Бог небо и землю*. Потому вселившееся в них безбожие внушило им ложную мысль, будто бы все пребывает без управления и устройства и приводится в движение как бы случайно. Чтобы и мы не подверглись тому же, описывающий мироздание прямо в первых словах просветил наше разумение именем Божиим, сказав: *в начале сотворил Бог*.

Какой прекрасный порядок! Сперва упомянул *о начале*, чтобы иные не почли мир безначальным; а потом присовокупил: *сотворил* – в показание, что сотворенное есть самая малая часть Зиждителя могущества. Как горшечник, с одинаковым искусством сделавший тысячи сосудов, не истощил тем ни искусства, ни силы, так и Создатель этой вселенной, имея творческую силу и не для одного только мира достаточную, но в бесконечное число крат превосходящую, все величие видимого привел в бытие одним мановением воли.

А если мир имеет начало и сотворен, то спросим себя: кто дал ему начало и кто его Творец? Лучше же сказать: чтобы тебе, доискиваясь сего посредством человеческих умствований, не уклониться как-нибудь от истины, Моисей предварил своим учением, вместо печати и ограждения нашим душам наложив досточтимое имя Божие, когда сказал: *в начале сотворил Бог*. Сие блаженное Естество, сия неоскудевающая Благодать, сия Доброта любезная и многовожденная для всякого одаренного разумом существа, сие Начало существ, сей Источник жизни, сей духовный Свет, сия неприступная Мудрость – вот Кто *сотворил в начале небо и землю!*

Посему, человек, не представляй себе видимого безначальным, и из того, что движущиеся на небе тела описывают круги – а в круге чувство наше с первого взгляда не может приметить начала – не заключай, что природа круговращаемых тел безначальна. Да и этого круга, то есть начертания, на плоскости описанного одною чертою, не должны мы предполагать уже безначальным потому, что

убегает от нашего чувства, и не можем мы найти, где он начался и где окончился. Напротив того, хотя сие и убегает от нашего чувства, однако же в действительности, кто описывал круг из средоточия и известным расстоянием, тот, без сомнения, начал его откуда-нибудь. Так и ты, видя, что тела, описывающие круги, возвращаются в прежнее свое положение, равномерностью и непрерывностью их движения не удерживай себя в той ложной мысли, будто бы мир безначален и нескончаем. ...*Проходит образ мира сего* (1 Кор. 7 : 31), и: *небо и земля прейдут* (Мф. 24 : 35).

Предвозвещением же догматов о скончании и изменении мира служит и то, что предано нам ныне кратко в самых начатках Богодухновенного учения: *в начале сотворил Бог*. Начавшееся со временем по всей необходимости и окончится во времени. Если имеет начало временное, то не сомневайся о конце.

Но к какому концу приводят геометрия, арифметические способы исследования о толщах и пресловутая астрономия – эта многопопечительная суета, если обучившиеся сим наукам дошли до заключения, что видимый сей мир совечен Творцу всяческих Богу, и если то, что ограничено и имеет вещественное тело, возвели они в одну славу с Естеством непостижимым и невидимым, не в состоянии будучи уразуметь и того, что где подлежат повреждениям и переименованиям части, там и целое необходимо потерпит некогда одинаковые видоизменения с собственными своими частями? Но они до того *осутились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце: называя себя мудрыми, обезумели* (Рим. 1 : 21–22), что одни утверждали, будто бы небо от вечности существует вместе с Богом, а другие говорили, что оно есть Бог безначальный и нескончаемый, причина благоустройства в частях вселенной. И без сомнения, излишество мирской мудрости принесет для них некогда приращение тяжкого осуждения за то, что, с такою осмотрительностью вникая в пустые предметы, произвольно слепотствовали в разумении истины. Но они, вымерившие расстояние звезд, описавшие звезды, всегда видимые и северные, а также звезды, находившиеся около южного полюса и живущим там видимые, а нам неизвестные, разделившие на тысячи частей и северную

широту, и зодиакальный круг, с точностью наблюдавшие возвращение звезд, их стояния, склонения и общее движение к прежним местам, а также время, в какое каждая из планет совершает свой период, — они не нашли одного из всех способа, как уразуметь Бога, Творца вселенной и праведного Судию, воздающего каждому достойно по делам, и как вместить в уме вытекающую из понятия о суде мысль о скончании, потому что миру необходимо измениться, если и состояние душ перейдет в другой род жизни. Ибо как настоящая жизнь имеет качества, сродные сему миру, так и будущее существование наших душ получит жребий, свойственный своему состоянию. Но они до того не расположены внимать сим истинам, что даже громким смехом встречают нас, которые возвещаем кончину сего мира и вечное пакибытие.

Поелику начало естественным образом предшествовало тому, что от начала, то повествующий о вещах, получивших бытие во времени, по необходимости всему предпоставил это выражение: *в начале сотворил*. Было нечто, как, вероятно, и прежде сего мира; но сие, хотя и постижимо для нашего разумения, однако же не введено в повествование как не соответствующее силам новообучаемых и младенцев разумом. Еще ранее бытия мира было некоторое состояние, приличное премирным силам, превысшее времени, вечное, присно продолжающееся. В нем-то Творец и Зиждитель всяческих совершил создания — мысленный свет, приличный блаженству любящих Господа, разумные и невидимые природы и все украшение умосозерцаемых тварей, превосходящих наше разумение, так что нельзя изобрести для них и наименований. Они-то наполняют собою сущность невидимого мира, как научает нас Павел, говоря: *ибо им создано все... видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли* (Кол. 1 : 16), и ангельские воинства, и архангельские чинопачения.

А когда уже стало нужно присоединить к существующему и сей мир — главным образом училище и место образования душ человеческих, а потом и вообще местопребывание для всего подлежащего рождению и разрушению, тогда произведено сродное миру и находящимся в нем животным и растениям преемство времени,

всегда поспешающее и протекающее и нигде не прерывающее свое-го течения. Не таково ли время, что в нем прошедшее миновало, будущее еще не наступило, настоящее же ускользает от чувства прежде, нежели познано? А такова природа и бывающего в сем мире: оно то непременно возрастает, то умаляется и явным образом не имеет ничего твердого и постоянного. Посему и телам животных и растений, которые необходимо соединены как бы с некоторым потоком и увлекаются движением, ведущим к рождению или разрушению, прилично было заключиться в природе времени, которое получило свойства, сродные вещам изменяемым. По сей-то причине премудро изъясняющий нам бытие мира, рассуждая о мире, весьма кстати присовокупил: *в начале сотворил*, то есть в сем начале, в начале временном. Ибо, конечно, не во свидетельство того, что мир по своей первобытности предшествует всему сотворенному, именует его происшедшим в начале; но говорит о начале происхождения сих видимых и чувством постигаемых вещей после невидимого и умосозерцаемого.

Началом называется и первое движение, например: *начало пути блага, еже творити праведная* (Притч. 16:6), потому что прежде всего праведные дела движут нас к блаженной жизни. Но началом называется и то, с чего начинается какая-нибудь вещь, между тем как в ней есть и другое, например, в доме – основание, и в корабле – подводная часть. В таком смысле сказано: *начало мудрости – страх Господень* (Притч. 1:7), потому что богобоязненность есть как бы основа и опора совершенства. Началом же искусственных произведений именуется искусство, например: мудрость Веселеила была началом украшения Скинии. А началом нравственных поступков бывает часто и полезный конец сделанного, например: началом милостыни – приобретение благоволения Божия, и началом всякого добродетельного действия – ожидающий нас по обетованиям конец.

Поелику же начало берется в стольких значениях, то смотри, нельзя ли к слову сему и в настоящем случае приложить всех знаменований. Ибо тебе можно узнать, с какого времени началось строение сего мира, если, от настоящего поступая назад, потрудишься

найти первый день бытия мира. В таком случае найдешь, с чего во времени началось первое движение. Потом найдешь и то, что как бы некоторыми основаниями и опорами, предварительно прочему, положены небо и земля; а потом, что есть какой-то художественный Ум, который распоряжался украшением видимых вещей, как показывает тебе самое слово: начало. Найдешь также, что не напрасно и не без цели, но для полезного некоторого конца, представляющего существам обширное употребление, измышлен сей мир – если только действительно он есть училище разумных душ, в котором преподается им Боговедение и чрез видимое и чувственное руководствует ум к созерцанию невидимого, как говорит Апостол, что *невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы* (Рим. 1 : 20).

Или, может быть, поелику действие творения мгновенно и не подлежит времени, то и сказано: *в начале сотворил*; потому что начало есть нечто, не состоящее из частей и не протяженное. Как начало пути еще не путь и начало дома еще не дом, так и начало времени еще не время, а даже и не самонаименьшая часть времени. Если же какой-либо любитель споров скажет, что начало времени есть время, то пусть знает, что сим разделит начало на части, а части сии суть начало, середина и конец. Но придумывать начало для начала весьма смешно. И кто делит начало надвое, тот из одного сделает два начала, лучше же сказать, много и бесконечное число начал: потому что каждую отделенную часть должен будет непрестанно рассекать на новые части. Итак, чтобы мы уразумели вместе, что мир сотворен хотением Божиим не во времени, сказано: *в начале сотворил*. В означение сего древние толкователи, яснее выражая мысль, сказали: сразу сотвори Бог, то есть вдруг и мгновенно.

Доселе, чтобы из многого сказать немногое, рассуждали мы о начале. Но из искусств одни называются творящими, другие состоящими то в действовании, то в умозрении. Концом искусств, состоящих в умозрении, служит самое действие ума; а концом искусств, состоящих в действовании, самое движение тела, по прекращении которого ничего уже нет и не осталось для зрителей: так

пляска или игра на свирели не дают ничего в произведении, но действие сие ограничивается только само собою. А в искусствах творящих и по прекращении действия дело на виду; таковы искусства домостроительства, плотничества, кузнечества, ткачества и сим подобные. Хотя художника и нет налицо, однако же искусства сии сами собою достаточно показывают художнический ум, и ты можешь удивляться домостроителю, кузнецу, ткачу, смотря на его произведение.

Посему и премудрый Моисей, желая показать, что мир есть художественное произведение, подлежащее созерцанию всякого, так что через него познается премудрость его Творца, не другое какое слово употребил о мире, но сказал: *в начале сотворил*. Не сделал, не произвел, но *сотворил*. И поелику многие из представлявших, что мир от вечности существует с Богом, соглашались не на то, что он сотворен Богом, но что сам собою осуществился, будучи как бы оттенком Божия могущества; и потому хотя признавали Бога причиною мира, но причиною произвольною, как тело бывает причиною тени, и сияющее – сияния, то Пророк, поправляя сию ложную мысль, употребил слова с особенною точностью, сказав: *в начале сотворил Бог*. Бог был для мира не сим одним – не причиною только бытия, но сотворил как благий – полезное, как премудрый – прекраснейшее, как могущественный – величайшее. Пророк показал тебе в Боге едва не художника, который, приступив к сущности вселенной, приновляет ее части одну к другой и производит само себе соответственное, согласное и гармоническое целое.

В начале сотворил Бог небо и землю. Двумя крайностями обозначил сущность вселенной, приписав небу старейшинство в бытии, а о земле сказав, что она занимает второе место по сущности. Без сомнения, ежели есть что-нибудь среднее между небом и землею, то оно сотворено вместе с сими пределами. Почему, хотя не сказано о стихиях – огне, воде и воздухе, но ты собственным своим разумением постигни, во-первых, что все находится во всем. И в земле найдешь и воду, и воздух, и огонь. Огонь выскакивает из камней; и из железа, которое само ведет начало от земли, при ударах обыкновенно блещет неистощимый огонь. И достойно удивле-

ния, каким образом существующий в телах огонь скрывается в них безвредно, но, будучи вызван наружу, делается истребительным для тел, хранивших его в себе прежде. А что в земле есть и водное естество, доказывают копатели колодцев. И о находящемся в нем воздушном естестве свидетельствуют пары, какие выходят из земли влажной и согретой солнцем. Во-вторых, если по природе своей небо занимает верхнее место, а земля составляет самый низ, почему легкое стремится к небу, а тяжелое обыкновенно клонится к земле, верх же и низ противоположны между собою; то упомянувший о небе и земле, которые по самой природе наиболее удалены друг от друга, конечно, обозначил тем совместительно и все, что наполняет средину между ними. А потому и не ищи повествования о каждой стихии, но в сказанном подразумевай и умолченное.

В начале сотворил Бог небо и землю. Исследование о сущности каждого существа, или подпадающего нашему умозрению, или подлежащего нашим чувствам, введет в толкование самые длинные и многосложные рассуждения, и при рассмотрении этой задачи нужно будет потратить более слов, нежели сколько можно сказать о каждом из прочих вопросов. Сверх того, нимало не послужит к назиданию Церкви останавливаться на таком предмете.

Но касательно сущности неба довольно для нас сказанного у Исайи, который в простых словах дал нам достаточное понятие о природе его, сказав: *небеса исчезнут, как дым* (Ис. 51 : 6), то есть для сотворения неба осуществивший естество тонкое, не твердое, не грубое. И об очертании неба достаточно для нас сказано у того же Пророка в славословии Богу: *Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья* (Там же 40 : 22).

То же самое правило предпишем себе и касательно земли: не любопытствовать о ее сущности, *что* она такое, не тратить времени на умствования, исследуя самое подлежащее, не доискиваться какого-то естества, которое лишено качеств и само в себе взятое бескачественно, но твердо помнить, что все свойства, усматриваемые в земле, будучи восполнением сущности, входят в понятие бытия. Покусившись отвлечь разумом от земли каждое из находящихся в ней качеств, придешь ни к чему. Ибо если отнимешь черноту,

холодность, тяжесть, густоту, качества земли, действующие на вкус или и другие, какие в ней усматриваются, то подлежащим остается ничто.

Посему советуую тебе, оставив все это, не доискиваться и того, на чем земля основана. Ибо при таком изыскании мысль придет в кружение от того, что рассудок не найдет никакого несомненно-го предела. Если скажешь, что воздух подложен под широту земли, то придешь в затруднение, каким образом естество мягкое, заключающее в себе много пустоты, противоборствует такой тяжести, будучи ею сдавлено, а не расплывается во все стороны, убегая из-под гнета и непрестанно переливаясь на верх гнетущего. Опять, если предположишь себе, что вода под землею, то и в таком случае должен будешь спросить, отчего тяжелое и густое не погружается в воду, но слабейшим естеством поддерживается естество, столько превосходящее его тяжестью? Сверх того надобно будет найти опору и самой воде и опять с недоумением спрашивать: на чем твердом или упорном лежит нижний ее слой? Если же предположишь, что другое тело, которое тяжелее земли, препятствует ей идти книзу, то должен будешь рассудить, что и для него нужно какое-нибудь поддерживающее тело, не позволяющее ему падать вниз. Если же и для него можешь придумать какой-нибудь подкладень, то разум наш опять потребует подпоры и для сего подкладня. А таким образом пойдем в бесконечность, для находимых непрестанно оснований придумывая опять новые. И чем далее станем простираться разумом, тем большую принуждены будем вводить поддерживающую силу, которая бы могла противиться в совокупности всему на ней лежащему.

Посему положи пределы своей мысли, чтобы за любопытство, старающееся изведать непостижимое, и тебя не коснулось слово Иова, чтобы и к тебе не мог относиться его вопрос: *на чем утверждены основания ее* (Иов 38:6)? Но если слышишь иногда в псалмах: *Я утвержу столпы ее* (Пс. 74:4), то разумей, что столпами названа сила, поддерживающая землю. Ибо слова: *Он основал ее на морях* (Там же 23:2) что означают, как не то, что водное естество повсюду разлито вокруг земли? Как же вода, будучи текучею

и по скату обыкновенно падающая вниз, остается висящею и никуда не стекающею? А ты не рассуждаешь, что то же или еще большее затруднение представляет разуму земля, сама на себе повешенная, между тем как она по естеству тяжелее. Но согласимся ли, что земля висит сама на себе, или скажем, что она держится на воде, — в обоих случаях необходимо не отступать от благочестивого разума и признавать, что все в совокупности содержится силою Творца. А потому и себе самим, и спрашивающим нас, на что опирается этот огромный и несдержимый груз земли, надобно отвечать: *в руке Его все глубины земли* (Пс. 94 : 4). Эта мысль и для нас самая безопасная, и для слушающих полезная.

Некоторые естествоиспытатели остроумно доказывают, что земля пребывает неподвижно уже и по следующим причинам: поелику она заняла среднее место в мире и во все стороны имеет равное расстояние от краев, то, по недостатку причины уклониться куда-нибудь преимущественно, необходимо остается в своем положении, и окружающее ее отовсюду равенство делает совершенно невозможным движение ее к чему-нибудь. Среднее же место досталось земле не по жребию и не по случаю, но таково естественное и необходимое положение земли. Ибо, рассуждают они, как небесное тело удержало за собою крайнее место вверх, так все тяжести, какие предположим падающими сверху, должны отовсюду устремиться к середине. А куда стремятся части, туда, очевидно, соберется и целое. Если же камни, деревья и все земляные частицы стремятся книзу, то это самое положение будет свойственно и прилично целой земле. А если что легкое устремится прочь от середины, то, очевидно, движение его будет вверх. Посему стремление книзу есть стремление, свойственное веществам тяжелым; словом же «низ» означает середина. Итак, не дивись, что земля никуда не падает, занимая естественное для нее место — середину. Ибо, по всей необходимости, ей должно пребывать на своем месте или, приняв противоестественное движение, сойти со свойственного ей основания.

Но если в сказанном доселе кажется тебе что-нибудь правдоподобным, то обратись с удивлением к Божией премудрости, которая так сие устроила. Ибо изумление пред великими предметами

не уменьшается, когда открыт способ, каким произошло что-нибудь необычайное. А если и не открыт, то простота веры да будет крепче доказательств от ума.

То же самое можем сказать и о небе, то есть что мирские мудрецы предложили многословные рассуждения об естестве неба. Одни говорили, что оно сложено из четырех стихий как осязаемое, видимое и содержащее в себе землю, потому что упорно; огонь, потому что видимо; прочие же стихии, потому что есть смесь. А другие, отринув сие мнение как неправдоподобное, в состав неба ввели какое-то пятое телесное естество, выдумав его самовольно и сами от себя. У них есть какое-то эфирное тело, которое, как говорят они, ни огонь, ни воздух, ни земля, ни вода, ни вообще какое-либо из простых веществ; потому что простым веществам свойственно движение прямолинейное, так как легкие стремятся вверх, и тяжелые – вниз; а это тело ни вверх, ни вниз не движется, но вращается кругообразно; движение же прямолинейное вообще весьма отлично от кругообразного вращения. Но в телах, у которых естественные движения различны, по необходимости, как рассуждают они, и сущности должны быть различны. Невозможно предположить нам и того, что небо сложено из простых тел, или так называемых стихий, потому что сложенное из различных тел не может иметь равномерного и свободного движения, так как каждое простое тело, заключающееся в сложном, имеет по природе свое собственное стремление. По сей причине сложные тела, во-первых, с трудом удерживаются в непрерывном движении, потому что одно движение не может быть соразмерно и дружно со всеми противными движениями. Напротив того, движение, свойственное легкому телу, враждебно движению, которое свойственно самому тяжелому телу. Ибо когда движемся вверх, обременяют нас земляные части, а когда несемся вниз, терпят в нас насилие огненные части, вопреки их природе увлекаемые книзу. Стремление же стихий в противные стороны бывает причиною распада. Принужденное и противоестественное, будучи удержано ненадолго, и то насильственно и с трудом, вскоре разлагается на составные свои части, потому что каждая из частей, вошедших в состав, возвращается в собственное свое

место. По сей-то, говорят, необходимости выведенных умозаключений должны были отвергнуть прежние мнения и составить свое предположение те, которые для происхождения неба и звезд небесных предположили пятое телесное естество. А иной, изобретательный на тонкости, восстав против сих умозаключений, расстроит и опровергнет их, введет же собственное свое мнение. И если мы предпримем теперь говорить о таких предположениях, то сами впадем в такое же пустословие, как и их изобретатели.

Но мы, предоставив им низлагать друг друга, сами же, не касаясь рассуждений о сущности и поверив Моисею, что *сотворил Бог небо и землю*, прославим наилучшего Художника, премудро и искусно сотворившего мир, и из красоты видимого уразумеем Превосходящего всех красотою; из величия сих чувственных и ограниченных тел сделаем наведение о Бесконечном, превышем всякого величия, и по множеству Своей силы превосходящем всякое разумение. Хотя и не знаем природы сотворенного, но и то одно, что в совокупности подлежит нашим чувствам, столько удивительно, что самый деятельный ум оказывается недостаточным для того, чтобы изъяснить как следует самонаименьшую часть мира и что-бы воздать должную похвалу Творцу, Которому слава, честь и держава во веки веков.

Аминь.

Беседа 2

О том, что земля была невидима и не устроена

(Быт. 1 :2)

На немногих словах остановившись утром, нашли мы в них такую сокровенную глубину мыслей, что приходим в совершенную безнадежность касательно последующих. Ибо если вход во Святаго таков и преддверие храма так досточестно и величественно, таким преизбытком красоты осиявает наши очи и умы, то каково же Святаго Святых? И кто достоин смело взойти во святилище? Или кто простер взор на таинственное? И зрение сих тайн недоступно, и знаменование вмещаемого умом совершенно неизъяснимо.

Впрочем, поелику у Праведного Судии назначены немаловажные награды и за одно преднамерение исполнить должное, то не обделимся заняться исследованием. Ибо хотя не постигнем достоинства предметов, однако же если, при помощи Духа, не уклонимся от намерения Писания, то и сами, конечно, не будем признаны ни к чему негодными и, при содействии благодати, сделаем нечто к назиданию Церкви Божией.

Сказано: *земля же была невидима и не устроена*. Почему, когда то и другое, и небо, и земля, сотворены равночестно, небо доведено до совершенства, а земля еще несовершенна и не получила полного образования? Или вообще, что значит неустроенность земли? И по какой причине была она невидима?

Совершенное устройство земли означает обилие ее произведений, прозябание всякого рода растений, появление высоких деревьев, и плодовых, и неплодовых, доброцветность и благовоние цветов, и все то, что в скором времени должно было, по Божию повелению, произникнув на земле, украсить породившую все сие. А как ничего этого еще не было, то Писание справедливо наименовало землю неустроенною.

Но то же самое можем сказать и о небе. И оно не имело еще полного образования, не получило свойственного ему украшения, потому что не освещалось луною и солнцем, не венчалось сонмами звезд. Всего этого еще не было; а потому не погресишь против истины, если и небо назовешь неустроенным.

Невидимою же названа земля по двум причинам: или потому что не было еще зрителя земли – человека, или потому что она погружалась в глубине и от разливающейся на поверхности ее воды не могла быть видимою. Ибо воды не были еще совокуплены в свои *собрания*, которые совокупивший их Бог наименовал впоследствии *морями*. Да и что бывает невидимо? Как то, чего нельзя видеть плотскими глазами, какова наша мысль; так и то, что по природе видимо, но скрывается по причине заграждения наложенным на него телом, как железо в глубине. В сем значении, как думаю, и теперь названа невидимою земля, покрытая водою. Сверх того, поелику не был еще сотворен свет, то неудивительно, что земля,

по причине не освещенного над ней воздуха лежащая во тьме, и в этом отношении названа в Писании невидимою.

Но подделывающиеся под истину, не приучившие ума своего следовать Писанию, а напротив того, по собственному усмотрению превращающие смысл написанного, говорят, что сими словами означает материя. Ибо материя, рассуждают они, по природе своей невидима и не устроена; потому что сама в себе взятая – бескачественна, не имеет никакого вида и очертания. И ее-то взяв, Художник, по Своей премудрости, образовал и привел в порядок, а таким образом осуществил из нее видимое.

Итак, если материя не сотворена, то, во-первых, она равностна Богу как удостоенная тех же преимуществ. Но что может быть сего нечестивее? Бескачественное, не имеющее вида крайнее безобразие не получившую никакого образования гнусность (употребляю собственные выражения сих учителей) удостоить одинакового предпочтения с премудрым, всемогущим и прекраснейшим Создателем и Творцом всяческих! Во-вторых, если материя так вместительна, что может принять в себя все ведомое Богу, то чрез это сущность материи уравнивают они некоторым образом с неисследимым Божиим могуществом, как скоро материя достаточна к тому, чтобы измерить собою весь разум Божий. А если материя мала для Божия действия, то и в таком случае учение их обратится в нелепую хулу: потому что недостаточностью материи заставят они Бога остаться в бездействии и не довершить дел Своих.

Но их ввела в заблуждение скудость естества человеческого. Поелику у нас каждое искусство трудится над одним каким-нибудь веществом отдельно, например, кузнечное над железом, плотничное над деревьями; поелику в сих искусствах иное есть материя, иное форма, а иное – производимое по форме, и вещество берется совне, форма же прилаживается искусством, а произведением бывает нечто, сложенное из того и другого – из формы и из материи, то они рассуждают таким же образом и о Божием созидании, что форма дана миру премудростью Творца всяческих, а вещество имел Создатель совне, и произошел сложенный мир, который материю

и сущность имеет от иного начала, а очертание и образ получил от Бога. Вследствие сего они отрицают, чтобы великий Бог был полновластен при устройении всего сущего, представляют же Его как бы участвовавшим в складчине и малую только долю вложившим от Себя в бытие существ. Так они, по низости своих умствований, не могут досягать взором до высоты истины, потому что здесь искусства позднее веществ, будучи внесены в жизнь нашу по требованию необходимости. Прежде была шерсть, потом родилось ткацкое искусство, чтобы восполнить от себя недостаток природы. Было и дерево; строительное же искусство, взяв и обделывая сие вещество для каждой представлявшейся нужды, показало нам пользу дерев, доставляя мореходам весло, земледельцам – веяльную лопату, воинам – древко для копья.

Но Бог, прежде нежели существовало что-нибудь из видимого ныне, положив в уме и подвигшись привести в бытие не сущее, вместе и помыслил, каким должен быть мир, и произвел материю, соответственную форме мира. Для неба отделил Он естество, приличное небу, и в форму земли вложил сущность, свойственную земле и для нее потребную. Огню же, воде, воздуху и формы дал, какие хотел, и в сущность их привел, как требовало умопредставление каждой из творимых вещей. И целый мир, состоящий из разнородных частей, связал Он каким-то неразрывным союзом любви в единое общение и в одну гармонию; так что части, по положению своему весьма удаленные одна от другой, кажутся соединенными посредством симпатии. Посему да прекратят свои баснословные построения те, которые, при немощи собственных умствований, измеряют могущество, непостижимое для разумения и вовсе неизреченное на человеческом языке!

Сотворил Бог небо и землю: не вполовину каждое, но целое небо и целую землю, самую сущность, взятую вместе с формою, потому что Он не Изобретатель только образов, но Зиждитель самого естества существ. Иначе пусть отвечают нам, каким образом встретились между собою и деятельная сила Божия, и страдательная природа вещества; встретились между собою и вещество, доставляющее материю без образа, и Бог, имеющий знание образов

без вещества; встретились так, что недостающее у одного дается другим: дается Зиждителю то, над чем показать искусство, а веществу то, чтобы отложить свое безобразие и неимение формы? Но о сем довольно. Возвратимся к сказанному в начале.

Земля же была невидима и не устроена. Сказавший: *в начале сотворил Бог небо и землю* умолчал о многом – о воде, о воздухе, об огне и о видоизменениях, из них происшедших. Хотя все это как служащее к восполнению мира, очевидно, существовало в целом, однако же история не коснулась сего, чтобы приучить ум наш к самостоятельности и дать ему случай по немногим данным делать заключения и о прочем. Посему, когда не сказано о воде, что сотворил ее Бог, но сказано, что земля была невидима, рассуди сам в себе: какую же завесою она была покрыта и не являлась зрению? Огонь не мог ее закрывать, потому что огонь светоносен, и к чему присоединяется, тому сообщает скорее видимость, нежели темноту. Также и не воздух был тогда покровом земли, потому что естество воздуха тонко и прозрачно, принимает в себя все образы видимых вещей и передает их взорам видящих. Итак, остается нам представить, что вода возвышалась на земной поверхности, пока еще влажная сущность не была отделена в особое место. А отсего земля была не только невидима, но и не устроена, потому что излишество влаги даже и ныне бывает препятствием плодородию земли. Итак, одна причина и невидимости, и неустроенности, если только под устройством земли разумеать свойственное ей и естественное украшение – жатвы, волнующиеся в долинах, зеленеющие и испещренные различными цветами луга, цветущие холмы и осененные лесами вершины гор. Всего этого еще не было. Земля по силе, вложенной в нее Создателем, хотя готова была породить все сие, однако же ожидала приличного времени, чтобы по Божию повелению произвести на свет свои поколения.

Но сказано: *и тьма над бездною* (Быт. 1 : 2). Опять новый предлог к баснословию, новые основания к нечестивым построениям для тех, которые извращают слова по собственным догадкам! Ибо не объясняют по-обыкновенному, что тьма есть какой-нибудь неосвещенный воздух, или место, затененное от преграждения света

телом, или вообще место, лишенное света по какой ни есть причине, но толкуют, что тьма есть злая сила, лучше же сказать, самое зло, само от себя имеющее начало, противоположное и противодействующее Божией благодати. Если *Бог есть свет* (1 Ин. 1 : 5), то сила, Ему противоборствующая, говорят они в сообразность сей мысли, очевидно, будет тьма – тьма, не от другого кого имеющая бытие, но самобытное зло; тьма, нечто, враждебное душам, нечто, производящее смерть, противление добродетели. И в самых словах Пророка, по ложному их разумению, показывается, что тьма сия существовала, а не Богом сотворена. И на этом предположении каких ни построено лукавых и безбожных учений! Какие *лютые волки* (Деян. 20 : 29), расточающие Божие стадо, устремлялись на души, ведя начала от сего краткого слова! Не отсюда ли Маркионы? Не отсюда ли Валентины? Не отсюда ли мерзкая ересь манихеев, которую если назовет кто гниlostью в церквях, не погрешит в приличии наименования?

Для чего, человек, бежишь вдаль от истины, сам для себя вымышляя случаи к гибели? Просто и для всякого удобопонятно слово; сказано: *земля была невидима*. Какая же тому причина? Та, что земля имела над собою распростертую бездну. Что же за понятие: бездна? Это множество воды, в котором невозможно достать нижнего предела. Но знаем, что многие тела часто бывают видны сквозь тонкую и прозрачную воду. Почему же ни одна часть земли не показывалась в водах? Потому что разлитый над водою воздух был еще не светел, но темен. Ибо луч солнечный, проходящий чрез воды, показывает часто в глубине мелкие камни. Но в глубокую ночь никто никаким образом не увидит находящегося под водою. Посему словам *земля была невидима* пояснением служит присовокупленное, что лежала на ней бездна, и бездна была темная.

Итак, бездна – не множество сопротивных сил, как представляли себе некоторые, и тьма – не первоначальная какая-нибудь и лукавая сила, противопоставляемая добру. Ибо две силы, по противоположности одна другой уравнивающиеся, непременно будут одна для другой разрушительны и, состоя между собою в непрекращаемой брани, непрестанно будут иметь и доставлять друг другу

случаи ко вражде. И если одна из противоположных сил превосходит другую могуществом, то делается совершенно истребительною для преодолеваемой силы. Посему если говорят, что сопротивление зла добру равносильно, то вводят непрекращающуюся брань и непрестанное разрушение, поелику каждое отчасти одолевает и одолевается. А если добро превосходит силою, то по какой причине природа зла не истреблена совершенно? А если, чего и выговорить невозможно... дивлюсь, как не бегут они сами от себя, будучи увлекаемы в такие злочестивые хулы!

Но неблагочестиво сказать и то, будто бы зло имеет начало от Бога, потому что противное от противного не происходит. Жизнь не рождает смерти, тьма – не начало свету, болезнь – не содетельница здравия. Напротив того, хотя при перемене состояний бывают переходы из противоположного в противоположное, однако же в рождениях каждая рождающаяся вещь происходит не от противоположного, но от однородного. Итак, спрашивают: если зло и не есть нечто несотворенное и не Богом сотворено, то откуда же имеет свою природу? А что зло существует, сего не будет отрицать никто из причастных жизни.

Что же скажем на сие? То, что зло не живая и одушевленная сущность, но состояние души, противоположное добродетели и происходящее в беспечных чрез отпадение от добра. Посему не доискивайся зла вовне, не представляй себе, что есть какая-то первородная злая природа, но каждый да признает себя самого виновником собственного злонравия.

Все, что ни бывает, всегда приключается с нами частью по природе, например, старость и немощи; частью по случаю, например, неожиданные встречи чего-нибудь нередко скорбного или радостного, происходящие от посторонних причин, как то роющему колодезь обретение сокровища или идущему на рынок встреча бешеной собаки; частью же от нас зависит, например, взять верх над пожеланиями или не полагать меры удовольствиям, удержаться от гнева или наложить руки на раздражившего, сказать правду или солгать, иметь нрав кроткий и умеренный или гордый и заносчивый.

Посему не ищи вовне начала тому, над чем сам ты господин, но знай, что зло, в собственном смысле взятое, получило начало в произвольных падениях. И если бы оно было непроизвольно и не от нас зависело, то как законы не угрожали бы таким страхом обидчикам, так и наказания, налагаемые на преступников в судах по мере вины, были бы тогда неизбежны. Сие пусть будет сказано о зле, в собственном смысле взятом. А болезнь, бедность, бесславие, смерть и другие человеческие скорби не должно и включать в число зол; потому что противоположное им не причисляется нами к величайшим благам, и скорби сии частью бывают по природе, а частью оказываются для многих послужившими в пользу.

Итак, в настоящем случае, заставив умолкнуть всякое переносное и догадочное толкование, изложим понятие тьмы просто, без тонкостей, следуя намерению Писания. Разум спрашивает: сотворена ли тьма вместе с миром и первоначальнее ли она света, а поэтому точно ли худшее старше? Ответствуем, что и сия тьма не что-либо самостоятельное, но видоизменение в воздухе, произведенное лишением света. Какого же света лишенным вдруг нашлось место в мире, так что поверх воды стала тьма?

Полагаем, что если было что-нибудь до составления сего чувственного и тленного мира, то оно, очевидно, находилось во свете. Ибо ангельские чины, все небесные воинства вообще, какие только есть, именуемые и неименуемые умные природы и служебные духи, жили не во тьме, но во свете и во всяком духовном веселии имели приличное для себя помещение. И против сего никто не будет спорить, тем паче тот, кто в числе обетованных благ ожидает пренебесного света, о котором говорит Соломон: *свет праведных весело горит* (Притч. 13 : 9), и Апостол: *благодаря Бога и Отца, призвавшего нас к участию в наследии святых во свете* (Кол. 1 : 12). Ибо если осужденные посылаются во тьму крошечную, то совершившие дела, достойные благоволения, очевидно, имеют упокоевание в премирном свете.

Посему, когда по Божию повелению вдруг распростерто было небо вокруг того, что заключилось внутри собственной его поверхности, и стало оно непрерывным телом, достаточным к тому, чтобы

отделить внутреннее от внешнего, тогда по необходимости само небо сделало неосвещенным объемлемое им место, пресекши лучи, идущие совне. Ибо для тени нужно быть в одно время свету, телу и неосвещенному месту. Таким образом, тьма в мире произошла от тени небесного тела. Сказанное же мною поймешь из очевидного примера, если в ясный полдень поставишь над собою палатку из плотной непроницаемой ткани и сам себя заключишь в составившуюся мгновенно тьму. Такою же предположи и оную тьму, то есть не чем-нибудь предварительно осуществленным, но следствием других вещей. О сей, конечно, тьме говорится, что она возвышалась над бездною, потому что с поверхностями тел обыкновенно соприкосновенны крайние пределы воздуха; но тогда над всеми телами разлита была вода: почему по необходимости сказано, что тьма сверху бездны.

И Дух Божий, – говорит Моисей, – *носился над водою* (Быт. 1 : 2). Или дух сей означает разлитие воздуха, и ты разумей, что писатель перечисляет части мира, то есть что Бог сотворил небо, землю, воду, воздух, и притом воздух уже разлитый и текущий. Или, что ближе к истине и одобрено прежде нас, духом Божиим назван Дух Святой, потому что Он, по замеченному, преимущественно и исключительно достоин такого упоминания в Писании, и никакой другой дух не именуется Божиим, кроме Святого, восполняющего Собою Божественную и Блаженную Троицу. И ты, допустив такое разумение, извлечешь из него большую пользу.

Как же Он *носился над водою*? Скажу тебе не свое мнение, но мнение одного сириянина, который был столько же далек от мирской мудрости, сколько близок к ведению истинного. Итак, он говорил, что сирский язык выразительнее и, по сродству с еврейским, несколько ближе подходит к смыслу Писания. Разумение же сего речения таково: слово *носился*, как говорит он, в переводе употреблено вместо слова *согревал* и *оживотворял* водное естество, по подобию птицы, насиживающей яйца и сообщающей нагреваемому какую-то живительную силу. Подобная сей мысль, говорят, означает сим словом и в настоящем месте. Дух *носился*, то есть приуготавливал водное естество к рождению живых тварей. Таким

образом, из сего достаточно объясняется предлагаемый иными вопрос: без действия ли оставался Дух Святой в деле творения?

И сказал Бог: да будет свет (Быт. 1 : 3). Первое Божие слово создало природу света, разогнало тьму, рассеяло уныние, обвеселило мир, всему дало вдруг привлекательный и приятный вид. Явилось небо, покрытое дотоле тьмою, открылась красота его в такой мере, в какой еще и ныне свидетельствуют о ней взоры. Озарился воздух, лучше же сказать, в целом объеме растворил все количество света, повсюду, до самых своих пределов, распространяя быструю передачу лучей; ибо вверх простирался он до самого эфира и неба, а в широту все части мира – северные и южные, восточные и западные – освещал в быстрое мгновение времени. Такова природа воздуха: она тонка и прозрачна, и потому проходящий чрез него свет не имеет нужды ни в каком временном протяжении. Как не во времени переносит он зрение наше к видимым предметам, так и приливы света во все свои пределы приемлет мгновенно, в сравнении с чем нельзя и мысленно представить кратчайшего мига времени. И эфир стал приятнее при свете: воды сделались светлее, не только принимая в себя лучи, но и испуская их от себя чрез отражение света, потому что вода во все стороны отбрасывала отблески. Божиим словом все изменено в приятнейший и честнейший вид. Как пускающие в глубину масло производят на том месте блеск, так и Творец всяческих, изрекши слово Свое, мгновенно вложил в мир благодать света. *Да будет свет*. И повеление стало делом: произошло естество, приятнее которого к наслаждению невозможно ничего и представить человеческим разумом.

Когда же приписываем Богу глас, речь и повеление, тогда под Божиим словом не разумеем звука, издаваемого словесными органами, и воздуха, приводимого в сотрясение посредством языка, но, для большей ясности учащимся, хотим в виде повеления изобразить самое мановение в воле.

И увидел Бог свет, что он хорош (Быт. 1 : 4). Можем ли мы сказать что-нибудь достаточное в похвалу света, когда он предварительно имеет о себе свидетельство Сотворившего: *что он хорош*? И в наших делах разум предоставляет судить глазам, когда не может

ничего сказать с такою же силою, с какою предварительно свидетельствует чувство. Но если красота тела состоит во взаимной соразмерности частей и в наружной доброцветности, то как понятие красоты удерживает место в свете, который по природе прост и однороден? Не потому ли, что свету приписывается соразмерность не в отношении к собственным его частям, но в отношении к неболезненному и приятному действию на зрение? Так и золото прекрасно, хотя имеет привлекательность для взора и приятность не по соразмерности частей, но по одной доброцветности. И вечерняя звезда прекраснее всех звезд не потому, что соразмерны части, из которых она состоит, но потому, что лучи ее падают на глаза, не производя никакого болезненного ощущения и с приятностью. Сверх того Бог произносит теперь суд о красоте, без сомнения, не имея в виду приятности для зрения, но предусматривая пользу света впоследствии, потому что глаза не судили еще о красоте света.

И отделил Бог свет от тьмы, то есть Бог соделал природу их несоединимую и совершенно противоположную, потому что удалил их друг от друга и отделил великою средою.

И назвал Бог свет днем, а тьму ночью (Быт. 1 : 5). Ныне, по сотворении уже солнца, день есть освещение воздуха солнцем, которое сияет в полушарии, лежащем над землею, а ночь – покрытие земли тенью, когда сокрывается солнце. Но тогда, не по солнечному движению, но потому что первобытный оный свет в определенной Богом мере то разливался, то опять сжимался, происходил день и следовала ночь.

И был вечер, и было утро: день един. Вечер есть общий предел дня и ночи; подобным образом и утро есть смежность ночи со днем. Посему, чтобы старейшинство бытия приписать дню, Моисей сперва наименовал конец дня, а потом конец ночи, так как ночь следует за днем. Ибо состояние в мире, предшествовавшее сотворению света, было не ночь, но тьма, а что стало отлично от дня, то названо ночью; сему и наименование дано после дня.

Итак, *был вечер, и было утро*. Пророк понимает продолжение дня и ночи, но не наименовал дня и ночи, а дал наименование только превосходнейшему. Тот же обычай найдешь и во всем

Писании: при измерении времени исчисляются дни, а не вместе ночи со днями. *Дней лет наших*, говорит Псалмопевец (Пс. 89 : 10). И Иаков также говорит: *дней странствования моего сто тридцать лет; малы и несчастны дни жизни моей* (Быт. 47 : 9). И еще сказано: *все дни жизни моей* (Пс. 22 : 6). Таким образом, преданное ныне в виде истории служит законом и для последующего.

И был вечер, и было утро, день един. Почему назван не первым, но единым? Хотя намеревающемуся говорить о втором, и о третьем, и о четвертом днях было бы приличнее наименовать первым тот день, с которого начинаются последующие, однако же он назвал единым. Или определяет сим меру дня и ночи и совокупляет в одно суточное время, потому что двадцать четыре часа наполняют продолжение одного дня, если под днем подразумевать и ночь. Почему, хотя при поворотах солнца случается, что день и ночь друг друга превосходят, однако же продолжение дня и ночи всегда ограничивается одним определенным временем. И Моисей как бы так сказал: мера двадцати четырех часов есть продолжение одного дня, или возвращение неба от одного знака к тому же опять знаку совершается в один день. Почему всякий раз как от солнечного обращения наступают в мире вечер и утро, период сей совершается не в большое время, но в продолжение одного дня. Или главное сему основание скрывается в таинственном знаменовании, именно что Бог, устроив природу времени, мерою и знаменами оного положил продолжения дней и, измеряя время седмицею, повелевает, чтобы седмица, исчисляющая движение времени, всегда круговращалась сама на себя, а также и седмицу наполнял один день, семикратно сам на себя возвращающийся. А образ круга таков, что сам он с себя начинается и сам в себе оканчивается. Конечно же, и век имеет то отличительное свойство, что сам на себя возвращается и нигде не оканчивается. Потому Моисей главу времени назвал не первым, но единым днем, чтобы день сей по самому наименованию имел сродство с веком. И он как обнаруживающий в себе признак одинокости и несообщимости с чем-либо другим в собственном смысле и прилично наименован единым. Хотя Писание представляет нам многие веки, часто говоря: век века

и веки веков, однако в нем не перечисляются ни первый, ни второй, ни третий век, чтобы из этого были нам видны более различия состояний и разнообразных вещей, нежели ограничения, окончания и преемство веков. Ибо сказано: *велик день Господень и светел* (Иоил. 2 : 11). И еще: *для чего вам этот день Господень? он тьма, а не свет* (Ам. 5 : 18), тьма же, очевидно, для достойных тьмы. Ибо по нашему учению известен и тот невечерний, не имеющий преемства и нескончаемый день, который у Псалмопевца наименован *осьмым* (Пс. 6 : 1), потому что он находится вне сего седмичного времени. Посему назовешь ли его днем или веком, выразишь одно и то же понятие; скажешь ли, что это день или что это состояние, всегда он один, а не многие; назовешь ли веком, он будет единственный, а не многократный. Посему и Моисей, чтобы вознести мысль к будущей жизни, наименовал единым сей образ века, сей начаток дней, сей современный свету, святой Господень день, прославленный воскресением Господа. Потому и говорит: *был вечер, и было утро, день един*.

Но рассуждения об одном вечере, застигнутые настоящим вечером, здесь полагают конец нашему слову. Отец истинного света, украсивший светом небесным, просветливший ночь блеском огня, предуготовивший упокоение будущего века в духовном и непрекращающемся свете, да просветит сердца ваши в познании истины и да соблюдет жизнь вашу непреткновенною, даровав вам *как днем, будем вести себя благочинно* (Рим. 13 : 13), чтобы воссиять подобно солнцу во светлости святых, в мое похваление, в день Христа, Которому слава и держава во веки веков.

Беседа 9 *О животных земных*

Какою вам показалась утренняя словесная трапеза? А мне пришло на мысль уподобить свою беседу усердию какого-нибудь бедного гостеприимца, который желает прослыть богатым угодителем, но не имеет дорогих яств и досаждаст гостям, щедронося на стол свой бедный запас, так что его радушие обращается для него в уку-

ризну незнания приличий. Подобно несколько и мое слово, если только вы не скажете о нем иначе. Впрочем, каково бы оно ни было, вы не должны презирать его. Ибо Елисея не обвиняли за худое угощение современники его, несмотря даже на то, что он предложил друзьям похлебку с ядовитыми плодами (4 Цар. 4 : 39).

Известны мне правила иносказаний, хотя не сам я избобрел их, но нашел в сочинениях других. По сим правилам иные, принимая написанное не в общеупотребительном смысле, воду называют не водою, но каким-нибудь другим веществом, и растению и рыбе дают значение по своему усмотрению, даже бытие гадов и зверей объясняют сообразно со своими понятиями, подобно как и снотолкователи виденному в сонных мечтаниях дают толкования, согласные с собственным их намерением. А я, слыша о траве, траву и разумею: также растение, рыбу, зверя и скот, все, чем оно названо, за то и принимаю. *Не стыжусь благовествования* (Рим. 1 : 16). И поелику писавшие о мире много рассуждали о фигуре земли, что она такое, шар ли, или цилиндр, или походит на кружок, со всех сторон одинаково обточенный, или на лоток, имеющий в середине впадину (ибо ко всем сим предположениям прибегали писавшие о мире, и каждый из них опровергал предположение другого), то не соглашусь еще признать наше повествование о миротворении стоящим меньшего уважения потому единственно, что раб Божий Моисей не рассуждал о фигурах, не сказал, что окружность земли имеет сто восемьдесят тысяч стадий, не вымерил, на сколько простирается в воздухе земная тень, когда солнце идет под землю, и как тень сия, падая на луну, производит затмения. Если умолчал он о касающемся до нас как о бесполезном, то ужели за сие словеса Духа почту маловажнее объюродевшей мудрости? Не паче ли прославлю Того, Кто не затруднил ума нашего предметами пустыми, но устроил так, чтобы все было написано в назидание и усовершенствование душ наших? Сего, кажется мне, не уразумели те, которые по собственному своему уразумению вознамерились придать некоторую важность Писанию какими-то наведениями и приношениями. Но это значит ставить себя премудрее словес Духа и под видом толкования вводить собственные свои мысли. Посему так и будем разуметь, как написано.

Да произведет земля душу живую, и скотов, и зверей, и гадов. Представь глагол Божий, протекающий всю тварь, некогда начавшийся, донныне действенный и готовый действовать до конца, пока не скончается мир. Как шар, приведенный кем-нибудь в движение и встретивший покатость, и по своему устройству, и по удобству места стремится книзу и не прежде останавливается, разве когда примет его на себя и плоскость; так и природа существ, подвигнутая одним повелением, равномерно проходит и рождающуюся и разрушающуюся тварь, сохраняя последовательность родов посредством уподобления, пока не достигнет самого конца; ибо коня делает она преемником коню, льва – льву, орла – орлу, и каждое животное, сохраняемое в следующих одно за другим преемствах, продолжает до скончания вселенной. Никакое время не повреждает и не истребляет свойств в животных. Напротив того, природа их как недавно созданная протекает вместе со временем.

Да произведет земля душу живую. Повеление сие соблюлось в земле, и она не перестает служить Создателю. Одно производится чрез преемство существовавшего прежде, другое даже и ныне является живородящимся из самой земли. Ибо не только она производит кузнечиков в дождливое время и тысячи других пород пернатых, носящихся по воздуху, из которых большая часть, по малости своей, не имеют имени, но из себя же дает мышей и жаб. Около египетских Фив, когда в жары идет много дождя, вся страна наполняется вдруг полевыми мышами. Видим, что угри не иначе образуются, как из тины. Они размножаются не из яйца и не другим каким-либо способом, но из земли получают свое происхождение.

Да произведет земля душу. Скоты суть животные земные и приобщены к земле; но человек – насаждение небесное, отличен сколько видом телесного состава, столько и достоинством души. Какой вид у четвероногих? Голова их наклонена к земле, смотрит на чрево и всеми мерами ищет приятного чреву. Твоя голова поднята к небу, очи твои взирают горе. Потому, хотя ты иногда бесчестишь себя плотскими страстями, работая чреву и низшему чреву, *уподобляясь скотам несмысленным* (Пс. 48:13), однако же тебе прилично иное попечение – мыслью своею быть выше земного: *ищите горнего*,

где Христос сидит одесную Бога (Кол. 3 : 1). А какой дан тебе вид, так располагай и свою жизнь. *Жительство* свое имей на небесах (Флп. 3 : 20). Истинное отечество твоё – горный Иерусалим; граждане и соотечественники твои – *первенцы, написанные на небесах* (Евр. 12 : 23).

Да произведет земля душу живую. Итак, не из земли явилась сокрытая в ней душа бессловесных, но произошла вместе с поведением. А душа бессловесных одна, потому что один отличительный признак – бессловесие. Но каждое животное отличается различными свойствами. Вол стоек, осел ленив, конь горяч в вожделении другого пола, волк не делается ручным, лисица лукава, олень боязлив, муравей трудолюбив, собака благодарна и памятлива в дружбе. Ибо в одно время и создано каждое животное, и придано ему особенное естественное свойство. Льву прирождены ярость, склонность к одинокой жизни и необщительность с зверьми подобного рода. Он как царь бессловесных по природному своему презорству не терпит себе равных. Он не допускает до себя с вечера приготовленной пищи, не возвращается к остаткам своей добычи. Природа дала ему такие органы голоса, что многие животные, превосходя его быстротою, нередко бывают уловлены одним его рыканием. Барс стремителен и быстр в своих нападениях. Ему дано способное к тому тело, при гибкости и легкости успевающее следовать за душевными движениями. У медведя природа неповоротлива и нрав своеобразен, коварен, глубоко скрытен. Он облечен в такое же и тело: тяжелое, плотное, не имеющее суставов, действительно приличное зверю холодному, живущему в берлоге.

Если коснемся словом той заботливости, какую сии бессловесные имеют о своей жизни, не учившись и по природе, то или сами подвигнемся к хранению себя самих и к промыслению о спасении душ, или еще более осудим себя, когда найдем, что даже в подражании бессловесным остаемся мы позади. Медведица, когда ей нанесены самые глубокие раны, часто лечит сама себя, всеми способами затыкает язвы травой коровьяк, которая имеет свойство сушить. Можешь увидеть, что и лисица лечит себя сосновою смолою. Черепаха, наевшись ехидниной плоти, избегает вреда от яда,

употребив вместо противоядия душицу. И змея вылечивает больные глаза, наевшись волошского укропа.

А предугадывание воздушных перемен не помрачает ли собою даже разумного ведения? Овца пред наступлением зимы с жадностью нападает на корм, как бы наедаясь на время будущей скудости. Волы, долго запертые в продолжение зимы, с приближением весны, по естественному уже чувству узнав перемену, начинают смотреть туда, где выход из хлевов, и все, как бы по данному знаку, переменяют положение. Некоторые из трудолюбивых наблюдателей заметили, что живущий на суше еж в норе своей делает две отдушины, и если будет дуть северный ветер, закладывает отдушину с севера, и опять, когда начинает дуть южный ветер, переходит к северной отдушине.

Что же показывается чрез сие нам, человекам? Не одно то, что попечительность Создавшего нас простерлась на все, но также что и у бессловесных есть некоторое чувство будущего: почему и мы должны не к настоящей жизни прилепляться, но иметь всякое попечение о будущем веке. Не потрудишься ли сам о себе, человек? Еще в настоящем веке не заготовишь ли нужного к успокоению в будущем, взирая на пример муравья? Он летом собирает себе пищу на зиму и не проводит времени в праздности потому, что еще не наступили зимние скорби, а напротив того, с каким-то неумолимым тщанием напрягает себя к работе, пока не вложит в свои сокровищницы достаточного количества пищи. И делает сие не с небрежением, но прилагает мудрую заботливость, чтобы пищи достало сколько можно на большее время. Он рассекает своими клещами каждое зерно пополам, чтобы оно не проросло и не сделалось негодным для употребления ему в пищу. Также просушивает зерна, когда приметит, что они отсырели, и не во всякое время рассыпает их, но когда предчувствует, что воздух будет долго находиться в ведренном состоянии. Верно, не увидишь льющегося из облаков дождя во все то время, когда рассыпан запас у муравьев.

Какого слова достаточно будет на сие? Какой слух вместит это? Достанет ли времени описать и поведать все чудеса Художника? Скажем и мы с Пророком: *яко возвеличишися дела Твоя, Господи:*

вся премудростию сотворил еси (Пс. 103 : 24). Посему не доволь-но к нашему извинению того, что не учены мы полезному по кни-гам, когда и не по незаученному закону природы можем избирать, что служит к нашей пользе. Знаешь, какое добро должен ты сде-лать ближнему? То же, какого сам себе желаешь от другого. Зна-ешь, что такое зло? То, чего бы сам ты не согласился потерпеть от другого. Не какое-либо искусство резать корни, не опытное из-ведение трав открыло бессловесным познание полезного; напро-тив того, каждое животное естественным образом отыскивает спасительное для него и имеет какое-то непостижимое средство с тем, что сообразно его природе.

И в нас есть естественные добродетели, с которыми душа имеет средство не по человеческому научению, но по самой при-роде. Никакая наука не учит нас ненавидеть болезнь, но сами со-бою имеем отвращение ко всему, что причиняет нам скорбь: так и в душе есть какое-то не учением приобретенное уклонение от зла. Всякое же зло есть душевный недуг, а добродетель соответствует здравью. Хорошо некоторые определяли здоровье, что оно есть благоустройство естественных действий. Кто скажет то же и о благосостоянии души, тот не погрешит против приличия. По-сему душа, и не учась, желает свойственного ей и сообразного с ее природою. По сей-то причине для всякого похвально целомудрие, достойна одобрения справедливость, удивительно мужество, воз-деленно благоразумие. Сии добродетели душе более свойственны, нежели телу здоровье.

Чада, любите отцов; родители, *не раздражайте детей ва-ших* (Еф. 6 : 4). Не то же ли говорит и природа? Не новое что сове-тует Павел, но скрепляет узы естества. Если львица любит рож-денных ею, и волк вступает в бой за своих волчат, что скажет че-ловек и заповедь преступающий, и природу искажающий, когда или сын не уважает старости отца, или отец, вступив во второй брак, забывает прежних детей? У бессловесных неодолима взаим-ная любовь между детьми и родителями, потому что создавший их Бог вознаградил в них недостаток разума избытком чувств. По-чему ягненок, выскочив из хлева, среди тысячи овец знает самый

цвет и голос матери, спешит к ней, ищет своих собственных источников молока? И хотя он встретит тощие матерние сосцы, довольствуется ими, пройдя мимо многих сосцов, обремененных молоком. И мать в тысяче ягнят узнает своего. Один у всех голос, и цвет тоже, и запах подобен, сколько представляется нашему обонянию; но у них есть какое-то чувство, которое гораздо острее нашего представления и по которому для каждого легко распознать собственное свое.

У щенка нет еще зубов, однако же ртом защищается уже он от раздражившего. У тельца нет еще рогов, но он уже знает, где у него вырастает оружие. Все сие служит доказательством, что всяким животным природное ему не изучается и что в существах ничего нет беспорядочного и неопределенного, а напротив того, все носит на себе следы Творческой премудрости и каждое показывает в себе, что оно снабжено нужным к охранению собственного благосостояния.

Пес не одарен разумом, но имеет чувство, почти равносильное разуму. Что едва изобрели мирские мудрецы, просидев над сим большую часть жизни, — разумею хитросплетение умозаключений, — тому пес оказывается наученным от природы. Ибо, отыскивая звериный след, когда найдет, что он разделился на многие ветви, обегает уклонения, ведущие туда и сюда, и тем, что делает, почти выговаривает следующее умозаключение: или сюда поворотил зверь, или сюда, или в эту сторону. Но как не пошел он ни туда, ни сюда, то остается бежать ему в эту сторону. И таким образом, чрез отрицание ложного, находит истинное. Более ли сего делают те, которые, чинно сидя над доскою и делая записи на пыли, из трех предложений отрицают два и в остальном находят истину?

А памятование милости в этом животном не пристыдит ли всякого неблагодарного к благодеяниям? Рассказывают, что многие псы, когда господа их были убиты в безлюдном месте, умирали над ними. А некоторые, вскоре по совершении убийства, служили путеводителями сыщикам убийц и достигли того, что злодеев предавали казни. Что же скажут те, которые не только не любят сотворившего и питающего их Господа, но и в числе друзей имеют

глаголющих неправду на Бога, одной приобщаются с ними трапезы и при самом вкушении пищи терпят хулы на Питающего?

Но возвратимся к рассмотрению тварей. Животные, удобно уловляемые, бывают многоплоднее. Поэтому зайцы и дикие козы рожают детей помногу, а дикие овцы по двойне, чтобы не оскудел род, истребляемый плотоядными зверями. Напротив того, животные, пожирающие других, рожают детей понемногу. Посему львица едва бывает матерью и одного льва. Ибо левенок, как сказывают, сперва острыми когтей растерзывает матернюю утробу, а потом выходит на свет. И ехидны рождаются, прогрызая утробу рожающей и тем воздавая ей приличную награду. Таким образом, ни одно существо не оставлено без Промысла и ни одно не лишено надлежащего попечения.

Если станешь рассматривать и самые члены животных, найдешь, что Творец не прибавил ни одного лишнего и не отнял необходимого. Плотоядным животным придал острые зубы, ибо в таких имели они нужду по роду пищи. А которых вполонину вооружил зубами, тех снабдил многими и различными влагалищами для пищи. Поелику они с первого раза не могут достаточно разжевать пищу, дал им возможность отрыгать поглощенное, чтобы измельченное посредством жвачки усвоилось питаемому. Желудок, предутробие, сеточка и утроба не напрасно даны животным, у которых они есть, но каждое из сих орудий служит для необходимой потребности. У верблюда шея долга, чтобы она равнялась ногам и доставала до травы, которою кормится верблюд. Шея коротка и вдалась в плечи у медведя, у льва, у тигра и у прочих того же рода животных, потому что они питаются не травой, и им как плотоядным и довольствующимся ловлею животных нет нужды наклоняться к земле.

К чему хобот у слона? Великому этому животному и даже величайшему из всех живущих на суше как созданному на ужас всякому встречающемуся надлежало быть рослым и иметь громадное тело. Если бы ему дана была большая и соразмерная с ногами шея, трудно было бы носить ее, потому что она от чрезмерной тяжести клонилась бы всегда к земле. А теперь голова соединена у слона

с хребтом не многими шейными позвонками, но есть у него хобот, вознаграждающий недостаток шеи: им слон достает пищу и черпает питье. Да и ноги у него без суставов и, как соединенные столбы, подпирают тяжесть тела. А если бы заменить их нежными и слабыми мышцами, то у слона часто случались бы вывихи в суставах, которые были бы недостаточны к поддержанию тяжести, когда слон становится на колена или встает. Но теперь короткая надпяточная кость представлена под ногу слону, а ни в подколенье, ни в колене нет у него суставов, потому что шаткость суставов не выдержала бы чрезмерно громадного и зыблущегося тела, каким слон обложен. Посему нужен был этот нос, опускающийся до ног. Не видишь ли на сражениях, как слоны, подобно каким-то одушевленным башням, идут перед рядами или, подобно плотным холмам, в неудержимом стремлении прорывают сплоченные щиты неприятелей? А если бы нижние части у слонов не были соразмерны, недолго бы держалось это животное. Теперь же, как некоторые повествуют, слон живет триста и более лет. Посему-то ноги у него цельные и без суставов. А пищу, как сказали мы, с земли вверх поднимает хобот, который по природе гибок, сжимается и разжимается наподобие змеи. Так верно слово, что в сотворенном нельзя найти ничего ни излишнего, ни недостаточного. Однако и сие столь огромное по величине животное Бог сотворил покорным человеку: когда учим его, оно понимает, и когда бьем, терпит. А сим Бог ясно научает нас, что Он все подчинил нам, потому что мы сотворены по образу Создателя.

Но не в одних только великих животных можно усматривать неисследимую премудрость; напротив того, и в самых малых легко соберешь не меньшее число чудес. Как высоким вершинам гор, которые по близости к облакам чрез непрестанное дуновение ветров сохраняют постоянную стужу, удивляюсь не более, сколько и низменным долинам, которые не только спасаются от жестокости горных ветров, но и всегда удерживают в себе теплый воздух, так и в устройстве животных не более дивлюсь слону за его величину, чем мыши, потому что она страшна и для слона, или самому тонкому жалю скорпиона, которое Художник сделал пустым, как свирель, чтобы через него вливался яд в уязвленных.

И никто не ставь в вину Творцу, что Он произвел животных ядовитых, разрушительных и враждебных нашей жизни. Иначе станет кто-нибудь винить и пестуна, что он удобоподвижность юности приводит в порядок ударами и бичами уцеломудривает дерзость. Звери делаются и доказательством веры. Веришь ли Господу, сказавшему: *на аспида и василиска наступишь, и попрать будешь льва и дракона* (Пс. 90 : 13)? И по вере имеешь ты власть попрать змей и скорпионов. Разве не знаешь, что ехидна, прикоснувшаяся к Павлу, когда он собирал хворост, не сделала ему никакого вреда, потому что святой нашелся исполненным веры (Деян. 28 : 3–6)? А если не имеешь веры, то бойся не зверя, а своего паче неверия, чрез которое сделал ты себя от всего удоборазрушаемым.

Но давно чувствую, что спрашиваете меня о сотворении человека, и, кажется, почти слышу вопиющих слушателей: мы трудимся над изучением природы принадлежащего нам, а не знаем самих себя. Итак, необходимо сказать о сем, отразив от себя удерживавшую нас доселе медленность. Ибо, в самом деле, всего кажется труднее познать самого себя. Не только глаз, рассматривающий внешнее, не может быть употреблен к рассмотрению самого себя, но и самый ум наш, проницательно усматривающий чужую погрешность, медлителен в познании собственных своих недостатков. Посему и теперь слово наше, с такою проницательностью описывавшее чуждое, слабо и медлительно к наследованию собственного, хотя к познанию Бога не столько ведут небо и земля, сколько собственное наше устройство, если кто благоразумно испытает сам себя, как говорит Пророк: *дивно для меня ведение Твое* (Пс. 138 : 6), то есть, рассмотрев самого себя, познал я превосходство Твоей премудрости.

И сказал Бог: сотворим человека (Быт. 1 : 26). Где иудей, который, когда и выше, как бы чрез некоторые окна, просиял свет Божесловия, и Второе Лицо, хотя показывалось таинственно, но не являлось ясно, восставал против истины и утверждал, что Бог Сам с Собою беседует? Он говорит: Бог Сам сказал, Сам и сотворил. *Да будет свет, и стал свет*. И тогда в словах иудея легко было открыть несообразность. Ибо какой кузнец, или плотник, или сапож-

ник, сидя один с орудиями своего ремесла, когда никто не разделяет с ним труда, скажет сам себе: сделаем нож, или сколотим плуг, или сошьем башмак? Напротив того, не молча ли он окончит требуемую от него работу? Подлинно странное пустословие – утверждать, что кто-нибудь сидит и сам себе приказывает, сам над собою надзирает, сам себя понуждает властительски и настоятельно. Но не убоявшиеся клеветать на Самого Господа чего не могут сказать, имея язык, обученный во лжи? Однако же настоящее речение совершенно заграждает им уста. *И сказал Бог: сотворим человека.* Скажи мне: ужели и теперь одно Лицо? Не написано: да будет человек, но – сотворим человека. Пока не являлся еще ученик, проповедь Богословия скрыта была в глубине. Но когда уже ожидаемо стало сотворение человека, обнажается вера, и очевиднее открывается догмат истины. *Сотворим человека.* Слышишь, христородец, речь обращена к Участвующему в мироздании, к Тому, *чрез Которого и веки сотворил.* Сей... держит все словом силы Своей (Евр. 1 : 2–3)!

Но иудей не в безмолвии принимает слово благочестия. А как самые человеконенавидящие звери, когда заключены в клетку, грызут колки, и хотя вызывают тем лютость и неукротимость своей природы, однако же не могут привести в исполнение своей ярости; так и враждующий против истины род, иудеи, будучи стеснены, говорят: много лиц, к которым было Божие слово. Ибо ангелам, предстоящим Ему, говорит: *сотворим человека.* Иудейский вымысел, иудейскому только легкомыслию свойственное баснотворство! Чтобы не принять одного, вводят тысячи и, отвергая Сына, достоинство советодательства приписывают служителям: подобных нам рабов делают властелинами нашего сотворения. Усовершенствовавшийся человек возводится в достоинство ангельское. Но какое создание может быть равно Создателю?

Рассмотри и последующие слова: *по образу Нашему.* Что скажешь на сие? Не один ли образ у Бога и ангелов? У Сына и у Отца, по всей необходимости, тот же образ, если только разуместь образ боголепно, то есть состоящим не в телесном очертании, но в Божественном свойстве. Слушай и ты, который принадлежишь к но-

вому обрезанию и в христианстве берешься защищать иудейство. Кому говорит: *по образу Нашему*? Кому иному, как не *Сиянию славы и Образу ипостаси Его* (Евр. 1 : 3), *Который есть образ Бога невидимого* (Кол. 1 : 15)? Итак, говорит собственному Своему Образу, Образу живому, вещающему: *Я и Отец – одно* (Ин. 10 : 30); и: *видевший Меня видел Отца* (Там же 14 : 9). Ему говорит: *сотворим человека по образу Нашему*. А где образ один, там может ли быть неподобие?

И сотворил Бог человека (Быт. 1 : 27). Не – сотворили. Здесь Моисей избежал множественности лиц. Первым вразумляя иудея, а последним исключая язычество, он безопасно возвратился к единству, чтобы ты вместе с Отцом разумел и Сына и избег опасности многобожия.

По образу Божию сотворил его. Опять вводит лицо Содейственника. Ибо не сказал: по образу Своему, но по образу Божию. В чем же человек имеет образ Божий и как участвует в подобии, о сем, если даст Бог, будет сказано в следующих беседах. Теперь же скажем только: если образ один, откуда пришла тебе мысль так нестерпимо нечестовать и говорить, что Сын не подобен Отцу? Какая неблагодарность! Сам ты сделался причастником подобия, и сего-то подобия не приписываешь Благодетелю! Данное тебе по милости почитаешь собственно себе и навсегда принадлежащим, а Сыну не позволяешь иметь естественно Ему принадлежащего подобия с Родившим!

Однако вечер, давно уже приведший солнце на запад, предписывает нам молчание! Посему и мы упокоим здесь слово, удовольствовавшись сказанным. Ибо ныне коснулись мы слова, сколько сие нужно было к возбуждению вашей ревности, и совершеннейшее исследование сего предмета при содействии Духа предложим в следующих беседах.

Идите же с радостью вы, христолубивая церковь, и вместо дорогих припасов, вместо разнообразных приправ украсьте честные свои трапезы припоминанием сказанного! Да постыдится аномей, да посрамится иудей, да увеселяется догматами истины благочестивый; да славится Господь! Ему слава и держава во веки веков.

Аминь.

Вопросы для обсуждения

1. Каково отношение Василия Великого к философии?
2. Какой образ Моисея рисует Василий в своем Шестоднев?
3. С какой целью в Священном Писании излагается история творения мира?
4. Каков экзегетический подход Василия? Каким образом Василий интерпретирует сложные или «темные» места Св. Писания?
5. Каковы аргументы Василия в связи с проблемой теодицеи?

Григорий Нисский

(ок. 335 – ок. 394)

Третий из великих каппадокийцев, младший брат Василия Великого, сподвижник и друг Григория Богослова. В отличие от них, не получил систематического христианского образования, учился только в языческой школе. Позднее учился у старшего брата, всю жизнь продолжал совершенствовать знания самостоятельно.

На становление личности Григория Нисского оказали влияние также благочестивое женское окружение – сестра Макрина, памяти которой он посвятил послание, и супруга Фесевия, после смерти которой Григорий вступил на стезю монашества. По настоянию Василия Великого стал епископом города Ниссы. Позднее был активным участником Второго Вселенского Собора в Константинополе.

Григорий Нисский увлекался древней литературой и философией, также на него оказали большое влияние Ориген и Филон Александрийский. Это увлечение иногда входило в противоречие с общеправославной тенденцией мысли. Григорий горячо отстаивал разработанную Оригеном концепцию апокатастасиса, согласно которой все зло, которое есть в мире, будет в конечном итоге преодолено Богом и преобразуется в добро в Божественной благодати. Даже неисправимые нераскаявшиеся грешники в итоге будут прощены, и даже о спасении Сатаны можно молиться.

Еще одна тема, которой касается Григорий Нисский, – пребывание человека в мире. Его антропология строится на том, что люди как соборные существа наделены Богом разумом, благодаря которому они могут ставить общие цели. Являясь венцом творения, человек обладает властью над остальными живыми существами и становится изобретательным, используя Божий дар для своей пользы.

Об устройении человека*

Глава 1

В которой заключается некое частное естествослово мира и более привлекательное изображение предшествовавшего бытию человека

«Сия книга бытия небесе и земли», говорит Писание (Быт. 2 : 4), когда совершилось все видимое, и каждое из существ заняло отдельно свойственное ему положение, когда небесный свод кругом объят собою Вселенную, а в середине ее нашли себе место тела тяжелые и стремящиеся вниз земля и вода, взаимно друг другом поддерживаемые. Некоторой же связью и скрепой сотворенного в естество существ вложены Божественное искусство и Божественная сила, этой двойной действенностью правящие Вселенною. Ибо покоем и движением сообщили они бытие несуществующему и продолжение бытия существующему вокруг того, что в неподвижном естестве тяжелое и непреложное, как бы вокруг какой неподвижной оси, приводя в самое быстрое движение полюс, вращающийся подобно колесу, соблюдая неразрушимость взаимно в том и другом, потому что круговращаемая сущность скоростью движения плотность земли сжимает в нечто круговидное, а твердость и упорство непрременной неподвижностью непрерывно поддерживают движение вращающегося около нее. Действенностью же этих противоположностей неподвижным естеством и не знающим покоя круговращением производится в том и другом равный избыток, потому что и земля не прелагается с собственного своего основания, и небо не умаляет и не ослабляет стремительности движения. И что это прежде всего уготовано премудростью Сотворившего как некое

* Извлечения из кн.: Григорий Нисский. Творения : в 8 ч. / пер. Московской духовной академии. М., 1861–1871. Т. 1. С. 78–110. Текст также доступен на сайте: Азбука Классика. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/ob_ustroenii_cheloveka/ (дата обращения: 25.06.2016).

начало всего устройства существ, думаю, на это указуя, великий Моисей сказал: «В начале сотвори Бог небо и землю» (Быт. 1:1), то есть все явления и твари, порождаемые движением и покоем и приведенные в бытие по Божью изволению. Итак, поскольку небо и земля совершенно противоположны друг другу по противоположности их действий, то тварь, занимающая середину между противоположными, заимствуясь частью от прилежащего, посредствует собою между крайностями, так что явным делается через эту среду взаимное соприкосновение противоположностей. Хотя и воздух легкостью естества и способностью к движению уподобляется несколько приснодвижности и легкости огненной сущности, однако же и не такой, чтобы ему быть чуждым родства с веществами плотными, как не пребывающий всегда неподвижным и не текущий, не рассеивающийся непрестанно, а, напротив того, имея общие свойства с тем и другим, служит как бы взаимной какой границей противоположности действий, в себе самом смешивая вместе и разделяя то, что по естеству противоположно. По тому же закону и влажная сущность двоякими качествами связывается с каждым из противоположных естеств. Ибо тем, что тяжела и стремится вниз, она в великом родстве с естеством земным, а тем, что обладает какой-то орошающей и проникающей действенностью, не совсем отчуждена от естества движимого, но есть какое-то стечение и смешение противоположностей: тяжести, преложенной в движение, и движения, не связанного тяжестью, так что и противоположное естеством друг другу на самых крайних пределах одно с другим соединено посредствующим. Лучше же, говоря точнее, само естество вещей противоположных по свойствам совсем недалеко от смешения с естеством других качеств, поэтому, думаю, все, являющееся в мире, одно к другому склонно, и тварь, оказывающаяся с противоположными свойствами, сама с собою согласна. Поскольку движение понимается не как одна перемена места, то усматривается оно и в превращении, и в изменении; и опять естество непреложное не допускает движения в изменении, а потому премудрость Божия, заменив свойства одни другими, приснодвижное сделала

непреложным, а неподвижное превратным, устроив это, вероятно, по особой промыслительности, чтобы такие свойства естества, каковы непревратность и непреложность, оказавшись в одной из видимых тварей, не заставили и тварь эту признавать Богом. Ибо нельзя предполагать божества в том, что движимо или изменяемо. Поэтому-то земля, хотя стоит, но не чужда превратностей, а небо, напротив того, не являясь превратным, не имеет неподвижности, так как Божественная сила, соединив с неподвижным естеством превратность, а с превратным движимость, обменом свойств оба эти естества сроднила между собой; мысль же о божественности их сделала чуждой для них, потому что, как сказано, ничто подобное, то есть и движимое, и изменяемое, не признается за естество божественное.

Итак, все уже достигло своего конца. Ибо, как говорит Моисей, «совершишася небо и земля» (Быт. 2 : 1), и все, что между ними, и это, отдельно взятое, украсилось соответствующей красотой: небо – лучезарностью светил, море и воздух – плавающими и летающими тварями, земля – разнообразием всякого рода растений и четвероногих. Все это произвели из себя сразу в одно и то же время они по Божию изволению, получив на то силы; и земля наполнилась красот, произрастив вместе с цветом и плоды, наполнились луга всем, что видим на лугах, все утесы и горные вершины, всякий склон и всякая равнина, все, что во впадинах, увенчалось зазеленевшей травой и красивыми деревьями, едва только показавшимися из земли и сразу достигнувшими совершенной красоты. Возвеселилось же, вероятно, все, и разыграли созданные Божиим повелением животные, стадами и по родам бродящие по лесам; пением певчих птиц повсюду огласилось все, что было густо покрыто и осенено деревьями. Но вид моря, как следовало, был несколько иной: такой, что во множестве заливов море пребывало в тишине и покое, и по Божию изволению затишья и пристани, углубившись в берега сами собою, приучали море к суше и тихим движением волн спорили в красоте с лугами, между тем как легкие и безвредные ветерки на одной только поверхности произво-

дили приятную для взоров рябь. И все богатство твари готово было и на земле, и на море, но не было еще того, кому пользоваться этим.

Глава 3

О том, что человеческое естество досточестнее всякой видимой твари

Достойно же нашего обозрения и то, что, когда полагаемо было основание столь пространному миру и основным его частям, вошедшим в состав целого, творение совершалось как бы спешно, приводимое в бытие Божественным могуществом, вдруг совокупно изрекаемым повелением. Устроению же человека предшествует совет, и Художником по начертанию слова предызображается будущее создание, и каково должно быть оно, и какого Первообраза подобие носить на себе, и для чего оно будет, и что произведет по сотворении, и над чем ему господствовать – все это предусматривает Слово, чтобы человек принял достоинство, которое выше его бытия, приобрел власть над существами прежде, нежели сам пришел в бытие. Ибо сказано: «И рече Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию: и да обладает рыбами морскими, и зверьми земными, и птицами небесными, и скотами, и всею землею» (Быт. 1 : 26). Какое чудо! Устраивается солнце, и никакого не предшествует совета, так же и небо, хотя нет ничего ему равного в сотворенном, и такое чудо создается единым речением, о том же, из чего и как, и о чем-либо ином, этому подобном, не сказано ни слова. Так и все, взятое порознь, эфир, звезды, наполняющий середину воздух, море, земля, животные, растения – все приводится в бытие словом. К одному только устроению человека Творец Вселенной приступает как бы с рассматрительностью, чтобы и вещество приуготовить для его состава, и образ его уподобить первообразной некоей красоте, и предназначить цель, для которой будет он существовать, и создать естество, соответственное ему, приличное его деятельности, пригодное для предложенной цели.

Глава 5

О том, что человек есть подобие Божией царственной власти

Божественная же красота не во внешних чертах, не в приятном складе лица и не какою-либо доброцветностью сияет, но усматривается в невыразимом блаженстве добродетели. Поэтому, как живописцы представляют на картине человеческие лица красками, стирая для этого таких цветов краски, которые близко и соответственно выражают подобие, чтобы красота подлинника в точности изобразилась в списке, так представь себе, что и наш Зиждитель как бы наложением некоторых красок, то есть добродетелями, расцветил изображение до подобия с собственной Своей красотой, чтобы в нас показать собственное Свое начальство. Многovidны и различны эти как бы краски изображения, которыми живописуется истинный образ: это не румянец, не белизна, не какое-либо смешение этих цветов одного с другим; не черный какой-либо очерк, изображающий брови и глаза; не какое-либо сораставление красок, оттеняющее углубленные черты, и не что-либо подобное всему тому, что искусственно произведено руками живописцев, но вместо всего этого чистота, бесстрастие, блаженство, отчуждение от всего худого и все однородное с тем, чем изображается в человеке подобие Божеству. Такими цветами Творец собственного Своего образа живописал наше естество. Если же отыщешь и другие черты, которыми обозначается Божественная красота, то найдешь, что и подобие их в нашем образе сохраняется в точности.

Божество есть Ум и Слово, ибо «в начале бе Слово» (Ин. 1 : 1), и Пророки, по словам Павла, «ум Христов имеют» (1 Кор. 2 : 16), «глаголющий» в них (2 Кор. 13 : 3). Недалеко от этого и естество человеческое. Видишь в себе и слово, и разум, подобие подлинного Ума и Слова. Бог есть также любовь и источник любви; об этом говорит великий Иоанн: «Любы от Бога есть, и Бог любви есть» (1 Ин. 4 : 7–8). Это Зиждитель и нашего естества сделал отличительной чертой. Ибо говорит: «О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою» (Ин. 13 : 35). Следова-

тельно, где нет этой любви, там искажены все черты образа. Божество над всем надзирает, все слышит, все испытует, и ты приобретаешь понятие о существах посредством зрения и слуха и имеешь разум, способный делать разыскания и исследования о существах.

Глава 8

Почему у человека прямой стан и о том, что руки даны для слова, а вместе и учение любомудрия о различии душ

У человека стан прямой, лицо обращено к небу, и смотрит он горе, а этим означает его право начальствовать и царское достоинство. Ибо то самое, что из живых существ таков один только человек, у всех же прочих тела поникли долу, ясно доказывает различие в достоинстве преклонившихся пред владычеством возвысившейся над ними власти. У всех прочих передние члены суть ноги, потому что согбенное имеет нужду в опоре. А в устройстве человека члены эти стали руками. Ибо в потребность прямому стану достаточно было одного основания, так как и двумя ногами безопасно подпирается он во время стояния.

Сверх того, содействие рук помогает и потребности слова. И кто услугу рук назовет особенностью словесного естества, тот не совсем погрешит. Обращаясь умом не только к этой общей и с первого взгляда представляющейся мысли, что при даровитости рук означаем мы слово письменами (ибо не чуждо в нас словесного дара и это – говорить посредством письмен и некоторым образом беседовать рукою, сохраняя звуки в буквенных очертаниях), но имея в виду и другое, утверждаю, что руки содействуют произнесению слова.

Лучше же сказать прежде, нежели начнем исследование об этом – обратим внимание на сказанное выше, ибо едва не забыли мы того порядка в творении, по которому предшествует прозябение растений из земли, а за ними последуют бессловесные животные, и потом по устройении их – человек. Ибо дознаем из этого не только, может быть, представляющееся с первого взгляда, а именно что

Творцу казались полезными для животных трава, а для человека скот, поэтому созданы прежде животных травоядных их пища, а прежде человека годное к тому, чтобы служить человеческой жизни. Но мне кажется, что Моисей излагает в этом некое сокровенное учение и таинственно сообщает любомудрие о душе, о котором мечтала и внешняя ученость, но не уразумевала его в ясности. Ибо слово учит нас тому, что в трех различиях усматривается жизненная и душевная сила. Есть только некая сила растительная и питательная: приемля годное к приращению питаемого, называется она естественной и усматривается в растениях, потому что и в произрастающем можно примечать некую жизненную силу, лишенную чувства. Но, кроме этого, есть другой вид жизни, которому принадлежит и первый, и к нему присоединена способность управлять собою по чувству. Такова жизнь в естестве бессловесных. Они не только питаются и растут, но имеют чувственную деятельность и чувственное понимание.

Совершенная же жизнь в теле усматривается в естестве словесном: разумею естество человеческое, питаемое, чувствующее, имеющее дар слова и управляемое разумом.

Пусть же у нас принято будет в слове такое деление: из существ иное есть нечто умопредставляемое, а иное — телесное, но деление умопредставляемого на собственные ему части отложено в сторону, потому что не о нем у нас речь. А из телесного иное вовсе лишено жизни, иное же причастно жизненной деятельности. Опять из тел живых иное живет, имея чувства, а иное лишено чувства. Потом чувствительное разделяется опять на словесное и бессловесное. Поэтому законодатель говорит, что после неодушевленного вещества как бы в некое основание существ одушевленных прежде всего образована эта естественная жизнь, осуществившаяся в прозябении растений, потом вводит в бытие тварей, управляемых чувством. И поскольку по этой последовательности из принявших жизнь телесную иные могут быть чувствующими себя и без разумного естества, а естество словесное не иначе может быть в теле, как в растворении с чувственным, то по этой причине последним после растений и животных устроен человек, так что

природа каким-то путем последовательно восходила к совершенству. Ибо всякого вида души срастворены в этом словесном животном – человеке. По естественному виду души он питается; с растительной же силою соединена чувствительная, по природе своей занимающая середину между умопредставляемой и вещественной сущностью, в такой мере грубейшая первой, в какой она чище последней. Потом с тем, что есть тонкого и светоносного в естестве чувствующем, совершается некое освоение и срастворение умопредставляемой сущности, чтобы человек составлен был из этих трех естеств.

Так, подобное этому узнали мы от Апостола, когда говорил он ефессянам, желая им: да сохранится всесовершенная благодать и тела, и души, и духа в пришествие Господа (1 Фес. 5 : 23), питательную часть называя телом, чувствующее означая словом «душа», а умопредставляемое словом «дух». А также и Господь научает в Евангелии книжника предпочитать всякой заповеди любовь к Богу, свидетельствуемую от всего сердца, от всей души и всем помышлением (Лк. 10 : 27). Ибо и здесь, мне кажется, слово Писания объясняет уже разность, сердцем называя состояние телесное, душою – естество среднее, а помышлением – высшую умопредставляемую и творческую силу. Отсюда Апостол знает три различные произволения и именует плотским то, которое занимается чревом и его услаждениями; душевным – которое в середине между добродетелью и пороком, возвышается над пороком, но не вполне причастно добродетели; и духовным – которое имеет в виду совершенство жития по Богу. Почему коринфянам, порицая их преданность забавам и страстям, говорит: вы еще плотские (1 Кор. 3 : 3) и не можете вместить в себя совершеннейших учений. В другом же месте, делая некое сличение произволения среднего с совершенным, говорит: душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием. Духовный судит о всем, а о нем судить никто не может (1 Кор. 2 : 14–15). Поэтому, как душевный выше плотского, так в том же отношении духовный превышает душевного.

Итак, если Писание говорит, что человек создан был последним после всего одушевленного, не иное что означается этим, как

то, что Законодатель любомудрствует о душе нашей по необходимости некоторой последовательности в порядке, усматривая совершенное в окончательном. Ибо в словесном заключается и прочее, а в чувственном есть, без сомнения, и естественное, последнее же усматривается только вещественным. Поэтому природа естественным образом, как бы по степеням, разумею отличительные свойства жизни, делает восхождение от малого к совершенному.

И поскольку человек есть словесное некое живое существо, то нужно было устроить телесное орудие, соответствующее потребности слова. Как видим, что музыканты с родом орудий соображают и музыку, на лире не свиряют и свирели не употребляют вместо гуслей, так подобным этому образом и для слова нужно было соответствующее устройство орудий, чтобы, согласно с потребностью речений, изглашалось слово, образуемое голосовыми членами. Для этого-то приданы телу руки. Ибо, если можно насчитать тысячами жизненных потребностей, в которых эти досужие и на многое достаточные орудия рук полезны для всякого искусства и всякой деятельности, с успехом служа в мирное и военное время, то преимущественно перед прочими нуждами природа придала их телу ради слова.

Если бы человек лишен был рук, то у него, без сомнения, по подобию четвероногих соответственно потребности питаться устроенны были бы части лица, и оно было бы продолговато и утончалось к ноздрям. У рта выдавались бы вперед губы мозолистые, твердые и толстые, способные щипать траву. Между зубами вложен бы был язык, отличный от теперешнего — мясистый, упругий и жесткий, помогающий зубам, или влажный и по краям мягкий, как у собак и прочих сыроданных животных, вращающийся между острыми рядами зубов. Поэтому если бы у тела не было рук, то как образовался бы у него членораздельный звук, когда устройство рта не было бы приспособлено к потребности произношения? Без сомнения, необходимо было бы человеку или блеять, или мычать, или лаять, или ржать, или реветь подобно волам и ослам, или издавать какое-либо зверское рыкание. А теперь, когда телу дана рука, уста свободны для служения слову.

Следовательно, руки оказываются принадлежностью словесного естества; Творец и их примыслил для удобства слову.

Глава 9

О том, что орудное устройство человека приспособлено к потребности слова

Поскольку Творец созданию нашему даровал некую Божественную благодать, вложив в образ подобие Своих благ, то прочие блага дал естеству человеческому по Своей щедрости; об уме же и мудрости должно сказать, что в собственном смысле не столько их дал, сколько сообщил, снабдив образ собственными красотами Своего естества. А как ум есть некое умопредставляемое и бестелесное достояние, то дар был бы несообщим и неудалим, если бы движение его не обнаруживалось каким-либо примышлением. Для этого-то потребовалось это орудное устройство, чтобы ум, подобно смычку, касаясь голосовых членов, каким бы то ни было изображением звуков истолковывал внутреннее движение. И, как искусный какой музыкант, не имея по болезни собственного своего голоса, но желая выказать свое знание, пользуется в пении чужими головами, свирелями или лирой, обнаруживая перед всеми свое искусство, так ум человеческий, изобретатель всякого рода мыслей, по невозможности выказать стремлений мысли душе, понимающей при помощи телесных чувств, как сведущий какой художник, касаясь этих одушевленных орудий, извлекаемым из них звуком делает явными сокровенные мысли.

В человеческом же орудии смешана какая-то музыка свирели и лиры, как бы в одно время издающих стройный звук. Дыхание, через бьющуюся жилу из воздухоприемных сосудов вытесняемое вверх, когда усилие говорящего издать голос приводит в напряжение орган, сотрясаемый приращениями изнутри, которые кругом объемлют этот подобный свирели проход, издает звук, уподобляющийся несколько звуку свирели, несвободно кружась по перепончатым возвышениям в горле. А нёбо во рту идущий снизу звук принимает полостью, которая под ним, и в двойных свирелях,

простирающихся до ноздрей, как бы чешуйчатыми какими возвышениями, хрящами в верхней части носа раздробляя звук, делает его сильнейшим. Щеки же, язык, орган около гортани, по которому спускается подбородок, имеющий впадину и оканчивающийся острием, все это в различных видах и многими способами представляет движение смычка по струнам, в нужное время с большой скоростью соответственно потребности настраивающее тоны, а разжатие и сжатие губ производят то же, что и воздух в свирели у задерживающих его пальцами, то есть ту же стройность пения.

Глава 10

О том, что ум действует посредством чувств

Поскольку ум посредством этого орудного снаряда слагает в нас слово, то стали мы словесными. Но не имели бы, как думаю, дара слова, если бы на устах лежала вся тяжесть и трудность служения потребности тела в принятии пищи. Теперь же такое служение приняли на себя руки, а уста оставили свободными для служения слову.

Действование же этим орудием двояко: одно – в произведении звука, другое – в восприятии представлений, получаемых извне. И одно действие не смешивается с другим, а остается при том, к чему назначено природой, не беспокоя соседа: слух не говорит, и голос не слышит. Ибо голос всегда непременно что-либо издает, а слух, постоянно приемля в себя, «не насыщается», как говорит где-то Соломон (Притч. 27:20), что, по моему мнению, особенно заслуживает в нас удивления. Какова же обширность этого внутреннего вместилища, в которое стекается все, вливающееся посредством слуха? Кто составители памятных записей о всех входящих в него речах? Какие помещения для влагаемых слухом понятий и почему при множестве и разнообразии этих понятий, одно к другому прилагаемых, не бывает смешения и ошибок во взаимном положении всего сложенного? А равно этому же подивится иной и в деятельности зрения. Ибо посредством зрения ум подобным этому образом овладевает тем, что вне тела, к себе привлекает

облики видимых вещей, запечатлевая в себе начертания всего, подлежащего зрению. И как, если обширный какой город разными входами будет принимать в себя пришлых, и не все они станут входить в одно место в городе, но одни пойдут на рынки, другие – в дома, иные – в церкви, или расположатся кто на улице, кто в переулке, кто в зрелищном доме – каждый по собственному своему усмотрению, так подобным этому вижу населенный внутри нас и град ума, который посредством чувств наполняют разные входы, и ум, рассматривая и разбирая каждого входящего, размещает по соответственным местам знания.

И во взятом в пример городе нередко бывает, что иные, являясь соплеменниками и родственниками, не одними воротами вступают в город, но, по случаю одни войдя тем, другие – другим входом, тем не менее, как скоро придут внутрь стеной ограды, снова между собою сходятся, имея взаимные связи. А можно найти, что бывает наоборот: ничем не соединенные и не знакомые друг с другом пользуются часто одним входом в город, но общение при входе не связывает их между собою, потому что, войдя в город, могут отделиться к соплеменникам. Подобное нечто усматриваю и в обширной области ума. Нередко из разных органов чувств собирается в нас одно познание, так как один и тот же предмет многократно делится по чувствам, а бывает также и обратное: одним каким-либо чувством познаем многое и разнообразное, ни с чем по природе между собой не сходное. Например (ибо всего лучше уясняется понятие примерами): пусть предлагается сделать разыскание о свойстве соков – что сладко для чувства и отвратительно для вкушающих. По опыту найдены и горечь желчи, и сладость качества в меде. При разности этих вещей одно доставляет познание один и тот же предмет, многократно вселяемый в мысль или вкусом, или обонянием, или слухом, нередко же осязанием и зрением. Потому что видит ли кто мед, слышит ли имя его, пробует ли на вкус, обонянием ли познает запах, испытывает ли осязанием – каждым из органов чувств приобретает познание об одном и том же предмете. Но разнообразно также и многовидно то, чему научаемся с помощью одного какого-либо чувства, потому что слух

принимает всякие звуки и понимание, приобретаемое посредством глаз, безразлично действует при взгляде на различные предметы, потому что одинаково встречается и с белым, и с черным, и со всеми до противоположности различными цветами. А то же сказать подобает и о вкусе, то же – и об обонянии, то же – о понимании посредством осязания; каждое чувство свойственным ему пониманием дает познание о предметах всякого рода.

Глава 11

О том, что естество человеческое неуразумевается

Поэтому что же такое по природе своей ум, который уделяет себя чувственным силам и каждой приобретает сообразное ей познание о существах? Что он есть нечто иное от чувств, в этом, думаю, не сомневается никто из здравомыслящих. Если бы ум был одно и то же с чувством, то, конечно, имел бы сродство с одной из чувственных деятельностей, потому что он прост, и в простом не усматривается разнообразия. Но теперь в сложности всех чувств иное нечто есть осязание, и иное – обоняние, также и другие чувства между собой разобщены и не смешиваются, тогда как ум равно присущ каждому чувству; поэтому непременно надлежит предположить естество ума чем-то отличным от чувства, чтобы к умопредставляемому не примешалось какого-либо разнообразия. *Кто разуме ум Господень?* – говорит апостол (Рим. 11 : 34). А я присовокуплю к этому: кто уразумел собственный свой ум? Пусть скажут утверждающие, что разумением своим объяли естество Божие, уразумели ли они себя самих? Познали ли естество собственного своего ума? Есть ли он что-либо многочастное и многосложное и поэтому умопредставляемое в сложности? Или ум есть какой-то способ срастворять разнородное? Но ум прост; как же рассеивается в чувственной многочастности? Отчего в единстве разнообразное? Как в разнообразии единое?

Но нашел я решение этих недоумений, прибегнув к Божиию слову. Ибо сказано: *Сотворим человека по образу нашему и по подобию* (Быт. 1 : 26). Образ, пока не имеет недостатка ни в чем

представляемом в первообразе, в собственном смысле есть образ, но, как скоро лишается в чем-либо подобия с первообразом, в этом самом не есть уже образ. Поэтому так как одним из свойств, усматриваемых в Божием естестве, является непостижимость сущности, то по всей необходимости и образ в этом имеет сходство с Первообразом. Если бы естество образа оказалось постижимым, а Первообраз был выше постижения, то эта противоположность усматриваемых свойств обличила бы погрешительность образа. Но как не подлежит познанию естество нашего ума, созданного по образу Сотворившего, то имеет он точное сходство со Сверхсущностным, непознаваемостью своею отличая непостижимое свое естество.

Глава 15

О том, что душой в собственном смысле и является и называется «душа разумная», другие же именуются так по подобоименности, и о том, что сила ума простирается на все тело, касаясь его сообразно с каждым членом

Если иная тварь имеет питательную деятельность, а другая управляется силой чувствующей, и первая не имеет чувства, а последняя – естества умного и поэтому предполагает кто-либо множество душ, то такой не объяснит различия душ отличительными их чертами. Ибо все мыслимое в существах, если представляется в уме совершенно тем, что оно есть, в собственном смысле именуется придаваемым ему именем. А если что не во всех чертах есть то, чем наименовано, то напрасно носит это название. Например, если кто покажет настоящий хлеб, то скажем, что такой в собственном смысле это имя придает предмету, а если кто вместо естественного хлеба покажет сделанный искусственно из камня, у которого и вид такой же, и равная величина, и есть подобие в цвете, так что по многому кажется он одним и тем же с первообразом, недостает же ему одного – возможности служить пищей, то на это скажем, что камень получил название хлеба не в собственном смысле, но не по точному словоупотреблению. На том же основании и все, о чем сказывается что-либо, не во всех отношениях принадлежа-

щее этому, имеет название не по точному словоупотреблению. Так, поскольку и совершенство души в умной силе, и дар слова, то все, что не таково, может быть чем-то подобоименным душе, однако же есть не действительная душа, а некая жизненная деятельность, названием приравниваемая душе.

Поэтому естество бессловесных как недалеко отстоящее от этой естественной жизни Узаконивший о всем отдал также в употребление человеку, чтобы оно вместо зелий служило вкушающим. Ибо говорит: Едите всякое мясо, *как зелень травную* (Быт. 9:3). Так невелико кажется преимущество у чувствительной деятельности перед питательной и растительной без чувствительной!

Да научит это плотолюбцев не обращаться много мыслью к поразительному для чувств, но обращать внимание на преимущества душевные, так как в них усматривается истинная душа, а чувство есть в равной мере и у бессловесных.

Но последовательность слова привела нас к иному. Ибо обозрению нашему предстояло не то доказывать, что из представляемого мыслью о человеке важнее умственная деятельность, нежели вещественное в составе, но что ум у нас не заключается в каких-либо частях, а равно и во всех и во всем, и не объемля их извне, и не содержась внутри их, ибо это в собственном смысле говорится о сосудах или других телах, друг в друга вкладываемых. Общение же ума с телесным состоит в каком-то невыразимом и немыслимом соприкосновении; оно и не внутри происходит, потому что бестелесное не удерживается телом, и не объемлет извне, потому что бестелесное не окружает собою чего-либо. Напротив того, чудным и недомыслимым каким-то способом ум, приближаясь к естеству и соприкасаясь с ним, примечается и в нем, и около него, но не в нем восседая и не объемля его собою, а так, что того сказать или представить умом невозможно, кроме одного, а именно что когда естество по особой его связности в добром состоянии, тогда и ум бывает действителен, если же оно потерпит какую-то утрату, по мере ее и движение бывает погрешительно.

Какова жизнь в раю и что такое запрещенное древо

Поэтому что это такое, в чем срастворено ведение добра и зла вместе, и что украшено удовольствиями для чувства? Конечно, не-далеким от истины будет мое гадание, если в начале обозрения употреблю понятие того, что значит ведение. Думаю же, что здесь Писание под ведением понимает не познание, но нахожу, по словоупотреблению Писания, некую разность в словах: ведение и различение. Ибо Апостол говорит, что отличать добро от зла со знанием дела принадлежит совершеннейшей способности и чувствам обученным (Евр. 5 : 14). Поэтому дает и повеление *все* испытывать (1 Фес. 5 : 21) и говорит, что различать свойственно духовному (1 Кор. 2 : 15). Но ведение не везде по смыслу речи означает познание и уразумение, а иногда и расположение к приятному. Так, *познал Господь Своих* (2 Тим. 2 : 19). И Моисею говорит Бог: Я знаю тебя *лицом к лицу* (Втор. 34 : 10). Об осужденных же за порочность говорит Всеведущий: *Я никогда не знал вас* (Мф. 7 : 23).

Итак, древо, которым в плод приносится смешанное ведение, принадлежит к запрещенному. А плод этот, имевший защитником своим змия, смешан из противоположностей по той, может быть, причине, что предлагается не зло обыкновенное, каким представляется оно само в себе по собственной своей природе, потому что не имел бы и силы порок, не прикрашенный ничем хорошим, привлекающим обольщаемого к пожеланию. А ныне смешана несколько природа зла; внутри имеет пагубу, как скрытый некий обман, а по наружности показывает обольстительное некое представление добра. Сребролюбцам кажется прекрасною доброцветность вешества, но *корень всех зол* бывает *сребролюбие* (1 Тим. 6 : 10). Кто пополнился бы в зловонную тину непотребства, если бы удовольствия не почитал чем-то прекрасным и желательным для себя, увлекаемый этой приманкой в страсть? Так и прочие грехи, имея в себе скрытую гибель, желательными кажутся на первый взгляд, по какому-то обольщению для неосмотрительных столько же привлекательными, как и дело доброе. Поскольку многие признают прекрас-

ным то, что веселит чувства, и подобоименны как действительно прекрасное, так и кажущееся прекрасным; по этому самому и бывающее вожделение зла, как и добра, в Писании наименовано ведением добра и зла, и под ведением понимается какое-то сорасположение и примешение, то есть не отрешенное зло (так как цвел красотою), и не чистое добро (потому что скрывал в себе зло), но смесь того и другого — этот плод запрещенного дерева, вкушение которого, по сказанному, ведет к смерти прикасающихся. А этим почти открыто выражает то учение, что подлинно доброе по природе своей просто и однолично, чуждо всякой двойственности и сочетания с противоположным, а злое разнообразно и прикровенно, иным чем-то признается и иным оказывается на опыте; и ведение его, то есть познание на опыте, делается началом и причиной смерти и тления.

Поэтому-то змий указывает этот зловредный плод греха, не обнаружив явно того зла, которое заключал он в себе по природе своей (человек и не прельстился бы очевидным злом), но облистав видимость какой-то красотой и очаровав каким-то чувственным удовольствием при вкушении, достойным вероятия показался жене, как говорит Писание. Ибо сказано: *и увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела* (Быт. 3 : 6); и эта снедь для людей стала матерью смерти.

Поэтому вот что значит этот смешанный плод по ясному истолкованию смысла Писания, по которому это дерево наименовано ведением добра и зла, потому что подобно зловредности яда, вложенного в мед, поскольку услаждает чувство, кажется добром, а поскольку губит прикасающегося, делается самым крайним злом. Поэтому, когда зловредный яд подействовал на жизнь человеческую, тогда человек — это великое и дело, и имя, отображение Божественного естества, как говорит Пророк, *суете уподобился* (Пс. 143 : 4). Итак, образ Божий состоит в том, что усматривается в нас лучшего, а все то, что в жизни нашей скорбного и бедственного, далеко от подобия Божеству.

***О том, что воскресения подобает ожидать
не столько вследствие проповеди Писания,
сколько по самой необходимости вещей***

Но порок не столько могуществен, чтобы превозмогать ему добрую силу; и безрассудство естества нашего не выше и не тверже Божественной премудрости. Да и невозможно превратному и изменяемому быть сильнее и постоянное того, что всегда то же и водружено в добре. Совет же Божий всегда и непременно непреложен, а нашей природы превратность не тверда даже и во зле. И непременно всегда движимое, если оно на пути к добру, по беспредельности проходимого дела никогда не прекратит стремления вперед и не найдет никакого конца искомому, достигнув которого, могло бы со временем остановиться в движении, а если уклонилось оно в противоположное, то, когда совершит путь порока и достигнет самой крайней меры зла, тогда приснодвижность стремления, по природе своей не находя никакого покоя, как скоро пройдет поприще порока, по необходимости обращает движение к добру. Ибо, так как порок не простирается в беспредельность, но ограничен необходимыми пределами, то по этому самому за пределом зла следует преемство добра; а таким образом, по сказанному, всегдашняя подвижность нашей природы опять наконец возвращается на добрый путь, памятью прежних несчастий уцеломудриваемая не отдаваться снова в плен подобным бедствиям. Поэтому нам снова будет возможно течение на поприще добра, потому что порок по природе своей ограничен необходимыми пределами. Сведущие в небесных явлениях говорят, что весь мир исполнен светом, а тьма бывает в месте, отененном преградой земного тела, да и место это, по шаровидности земного тела, ограничивается конической поверхностью, какую описывает солнечный луч; солнце же, во много крат превосходящее величиной землю, отовсюду кругом объемля ее лучами, при вершине конуса сопрягает сходящиеся лучи света; и потому, если предположим, что будет кто-либо в силах перейти расстояние, на которое простирается тень, то непременно окажется

он во свете, не пресекаемом тьмой. Так, думаю, подобает разуметь и о нас, что, дойдя до предела порока, когда будем на краю греховной тьмы, снова начнем жить во свете, потому что естество доброты до неисчетности во много крат преизбыточествует перед мерой порока. Поэтому снова рай, снова это дерево, которое есть древо жизни; снова дар образа и достоинство начальства, впрочем, не над тем, кажется мне, что людям ныне по житейской потребности подчинено Богом; но предстоит нам упование иного некоего царства, о котором слово остается для нас несказанным.

Глава 22

Ответ возражающим: если воскресение есть нечто прекрасное и доброе, то почему его доныне не было, но подобает надеяться после нескольких оборотов времени

Но будем держаться последовательности в исследованиях. Иной, может быть, окрылив мысль сладостью надежды, почтет бременем и потерей для себя, если не скоро насладится тех благ, которые выше и чувства, и ведения человеческого, и несносным представляет это протяжение времени, отделяющее его от желаемого. Но пусть не тревожит себя, подобно какому-нибудь ребенку, которого огорчает малое замедление в доставлении ему удовольствия. Поскольку все устривается разумом и премудростью, то по всей необходимости подобает признать и все, что ни бывает, не чуждым этого разума и присущей в нем премудрости. Поэтому скажешь: какой же это закон, по которому не сразу совершается переход от жизни скорбной в вожденное состояние, но определенное некое время, продолжительная тяжкая и телесная эта жизнь ждет конца — исполнения всего, чтобы тогда уже, как бы от некоей узды освободившись, человеческая жизнь, опять независимая и свободная, возвратилась к житию блаженному и бесстрастному?

Но приближается ли слово наше к истине искомого, видит это ясно сама истина; а что пришло на мысль нам, таково: именно же то первое слово, к которому возвращаюсь снова. Бог говорит: *Сотворим человека по образу Нашему и по подобию; и сотвори Бог*

человека; по образу Божию сотвори его (Быт. 1 : 26–27). Поэтому образ Божий, усматриваемый во всем естестве человеческом, уже был, но не произошел еще Адам, потому что Адамом по словопроизводству означает земная тварь, как говорят сведущие в еврейском языке, почему и апостол, преимущественно обученный отечественному языку израильтян, называет человека *от земли перстным* (1 Кор. 15 : 47), как бы переводя на греческий язык название Адам. Итак, по образу сотворен человек – это всецелое естество, эта богоподобная тварь; и по образу сотворена всемогущей Премудростью не часть целого, но вся в совокупности полнота естества. Знал Объемлющий горстью все пределы, как говорит Писание, выражающееся: *в Его руке глубины земли* (Пс. 94 : 4); знал Ведущий все и прежде бытия вещей, объяв ведением, в каком числе род человеческий, происшедший от каждого. Но поскольку провидел в нас склонность к худшему и то, что, добровольно утратив равенство с ангелами, человек приблизится к общению с низшим, то примешал поэтому нечто к собственному Своему образу от бессловесной твари. Ибо в Божественном и блаженном естестве нет различия мужского и женского пола. Но перенеся на человека отличительное свойство бессловесного устройства не соответственно высоте твари, дарует нашему роду способ размножения. Не тогда, как сотворил человека по образу, сообщил ему и силу *плодиться и размножаться*, но когда уже произвел различие это, мужской и женский пол, тогда говорит: *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю* (Быт. 1 : 28). Ибо подобное этому свойственно естеству не Божественному, но словесному, как дает знать история, повествуя, что прежде сказано это Богом о бессловесных. Почему, если бы прежде, нежели придано естеству разделение на мужской и женский пол, Бог этим словом дал человеку способность *плодиться*, то не имели бы мы нужды в таком способе рождения, каким рождаются бессловесные. Поэтому, провидев Своим предвидением, что полнота человеческого рода войдет в жизнь рождением, какое свойственнее животным, в известном порядке и в связности правящий всем Бог, поскольку вообще для человечества такой способ рождения необходимым сделала склонность нашей природы

к униженному, которую прежде ее появления предвидел Тот, Кто будущее видит наравне с настоящим, по этому самому предусмотрел и соразмерное устройению людей время, чтобы появлению определенного числа душ соответствовало и продолжение времени, и тогда остановилось текучее движение времени, когда прекратится в нем распространение человеческого рода. А когда кончится этот способ рождения людей, с окончанием его кончится и время, и, таким образом, совершится обновление вселенной, и за изменением целого последует и переход человечества от тленного и земного к бесстрастному и вечному. Это, кажется мне, имеет в виду и божественный апостол, предрекая в Послании к коринфянам внезапную остановку времени и поступление движимого в обратный путь, когда говорит: *говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе* (1 Кор. 15 : 51–52). Ибо, как думаю, когда полнота человеческого естества в предуведанной мере достигнет конца, потому что не потребуется уже никакого приращения к числу душ, тогда, как словами: *вдруг во мгновение ока* наименовав этот неизмеряемый и неимеющий протяжения предел времени, учит апостол, в мгновение времени совершится изменение существ. Почему, кто достиг этой самой последней и крайней точки времени, тому, так как ничего не остается за этим краем, невозможно получить это временное посредством смерти изменение, разве когда прозвучит труба воскресения, пробуждающая умерших и оставшихся в жизни, подобно изменяемым через воскресение, мгновенно прелагающая в нетление, так что тягота плоти не повлечет уже ее долу и бремя не удержит под землею, но пойдет она по воздуху вверх, ибо апостол говорит: *восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем* (1 Фес. 4 : 17).

Поэтому да ожидают времени, которое необходимо продолжится соразмерно приращению человеческого рода. Ибо Авраам и другие патриархи имели желание видеть блага и не переставали искать Небесного Отечества, как говорит апостол (Евр. 11:16), однако же пребывают еще только в надежде благодати, по слову Павлову, *Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас, как*

говорит Павел, *достигли совершенства* (40). Поэтому если иные терпят это замедление издали только верою и надеждою, как свидетельствует апостол, *издали видели блага* (13), несомненность наслаждения уповаемым поставляя в том, чтобы обетованное признавать верным, что надлежит делать многим из нас, у которых, судя по жизни, нет, может быть, и надежды на лучшее? Изнемогла от вожделения душа у Пророка, и в песнопении исповедует он эту до страсти пламенеющую любовь, говоря, что *истомилась душа моя, желая во дворы Господни* (Пс. 83 : 3), хотя бы должно было *быть у порога* (11) там в числе последних, потому что выше и предпочтительнее быть там последним, нежели первенствовать в *шатрах нечестия* этой жизни. Однако же переносил он замедление и, ублажая пребывание там, кратковременное участие в тех благах предпочитая тысячам лет, *ибо один день во дворах Твоих*, говорит, *лучше тысячи* (11), не огорчался необходимым смирением о существующем и признавал достаточным для ублажения иметь людям блага в уповании. Почему в конце псалма говорит: *Господи сил! Блажен человек, уповающий на Тебя* (13). Поэтому надлежит и нам не скорбеть о кратковременном замедлении уповаемого, но прилагать старание о том, чтобы не сделаться недостойными уповаемых благ. Если кто предскажет какому-либо опытному человеку, что во время лета будет собрание плодов, наполнятся хранилища, и трапеза будет полна еды во время этого обилия, то суетен он будет, если поспешит желать наступления этого времени, когда подобает еще сеять и попечительностью заготавливать себе плоды. Время, хочет ли, не хочет ли кто, непременно наступит в определенный срок, но неодинаково увидят его, кто заготовил себе изобилие плодов и кто остался на этот час с пустыми руками и без всякого запаса. Так, думаю, поскольку из Божественной проповеди для всякого явно, что настанет время изменения, то подобает не о времени любопытствовать (*не ваше дело*, сказал Христос, *знать времена или сроки* (Деян. 1 : 7)) и не изыскивать каких-либо умозаключений, которыми иной ослабит в душе надежду воскресения, но, подкрепясь верою в ожидаемое, добрым житием закупать будущую благодать.

***О том, что, кто признает начало устройства мира,
тот необходимо согласится и о конце***

Если же кто, взирая на настоящее течение мира, совершающееся в некоторой связности, в какой усматривается временное продолжение, скажет, что невозможно произойти предвозвещенной остановке движимого, то такой, очевидно, не верит, что и в начале небо и земля сотворены Богом. Ибо кто придает движению начало, тот непременно не усомнится и о конце, а кто не принимает конца, тот не принимает начала. Но, как *Верою познаем, что веки устроены словом Божиим*, по слову Апостола, *так что из невидимого произошло видимое* (Евр. 11 : 3), так той же верой руководиться будем, и слыша глагол Божий, предвозвещающий необходимую остановку существ. А как она будет, это должно быть изъято из предметов нашего любопытства. Ибо и там, отложив в сторону исследование непостижимого, верой приняли мы, что видимому *произошла от невидимого*, хотя разум внушал нам недоумевать во многом, представляя немаловажные поводы к сомнению в том, чему поверили. Ибо и там любителям споров можно благовидными доводами поколебать веру так, чтобы не признавалось истинным учение о сотворении вещества, какое преподает нам Святое Писание, утверждая, что все существа имеют бытие от Бога.

А защитники противного учения усиливаются доказать, что вещество со-вечно Богу, пользуясь следующими доводами в подтверждение своего учения. Если Бог по естеству прост, не вещественен, не качественен, не количественен, не сложен и чужд очертания по наружному виду; всякое же вещество ограничивается в пространственном протяжении, не избегает постижения посредством чувств, будучи познаваемо по цвету, по наружному виду, по величине, по количеству, по твердости, по прочим усматриваемым в нем свойствам, из которых ни одного невозможно представлять себе в естестве Божественном, то какая возможность из невещественного произойти веществу, из не имеющего протяженности естеству протяженному? Ибо если верить, что произошло это от Бога, то очевидно, что сущее в Боге по неизреченному закону пришло

таким образом в бытие. А если в Нем было нечто вещественное, то как же не вещественен Тот, Кто имел в Себе вещество? То же сказать подобает и о всем ином, чем отличается вещественное естество. Если в Боге есть количество, то как же не количественен Бог? Если в Нем есть нечто сложное, то как же Сам Он прост, неделим на части и не сложен? Поэтому разум понуждает или по необходимости признать, что Бог вещественен, потому что от Него произошло вещество, или, если кто не согласится на это, необходимо предположить, что для устройства вселенной вещество пришло к Нему извне. Поэтому если оно было вне Бога, то, конечно, кроме Бога было нечто иное, относительно к вечности умопредставляемое нерожденным вместе с Сущим. Почему постигаются разумом одно с другим вместе два безначальных и нерожденных существа, из которых одно художественно действует, а другое приемлет на себя искусное это действовање? Если же кто по этой необходимости предположит, что Создателю предстояло вечное вещество, то какую защиту своим учениям найдет этот манихей, который естеству благому по нерожденности противопоставляет вещественное начало?

Но мы, слыша, что говорит Писание, уверовали, что все от Бога; о том же, как было оно в Боге, как о превышающем наш разум, не смеем любопытствовать, веруя, что все возможно Божию могуществу: возможно и несуществующее привести в бытие, и сущему по произволению придать качества. Вследствие же этого, как признаем силу Божией воли достаточной для создания существ из несуществовавшего, так преобразование созданного возводя к той же силе, верим не чему-либо невероятному. Но как, может быть, есть возможность какими-либо доводами убедить спорящих о веществе, то не минуем и этого, чтобы не показалось, будто бы умалчиваем по недостатку слова.

Вопросы для обсуждения

1. Каково понимание Божества Григорием Нисским?
2. Каковы особенности строения человека и какова выводимая из этих особенностей цель его?
3. Каков путь исправления природы, по Григорию Нисскому, и чем оно должно увенчаться?

1. Троица Ветхозаветная со сценами бытия.
Круг Богатыревых. 2-я четв. XIX в.

2. Рождество Христово. 1830-е гг.

3. Сошествие Святого Духа. 1894

4. Евангелист Матфей.
Мастерская Богатыревых.
Между 1814 и 1822 г.

5. Евангелист Лука.
Мастерская Богатыревых.
Между 1814 и 1822 г.

6. Воскресение – Сошествие во Ад.
Т. В. Филатов. 1850

7. Евангелист Иоанн Богослов.
Мастерская Богатыревых.
Между 1814 и 1822 г.

8. Евангелист Марк.
Мастерская Богатыревых.
Между 1814 и 1822 г.

9. Григорий Богослов, Василий Великий, Иоанн Златоуст.
Мастерская Богатыревых. 1826

Глава 6

ЛАТИНСКАЯ ПАТРИСТИКА

Латинская патристика предлагает богатое разнообразие авторов и текстов. Несмотря на важность Иринея, критика еретических учений и в особенности гностицизма, Илария, критика арианства Амвросия, выдающегося проповедника и толкователя Библии, Иеронима, переводчика Библии на латинский язык (Вульгаты) и комментатора библейских текстов, в этом разделе представлены тексты самого выдающегося мыслителя этого периода – Августина, поскольку именно у него мы обнаруживаем наиболее интересные для последующей философии идеи и аргументы о сущности божества и богопознании, о природе зла и динамике человеческой души, о возникновении мира и Божественном провидении.

Аврелий Августин (354–430)

Родился в Тагасте в 354 г., обучался риторике в Мадавре и Карфагене, с 372 г. увлекся философией благодаря диалогу Цицерона «Гортензий», преподавал риторику в Карфагене. Затем в 383 г. переезжает в Рим и Медиолан, где также преподает риторику, принимает крещение в 387 г., после чего возвращается в Тагасту, с 395 г. становится епископом Гиппона. Умер в 430 г.

В наследии Августина «Исповедь» занимает особое место, поскольку она не только является новаторской литературной формой, в которой раскрываются личные переживания и опыт обращения Августина в христианство, благодаря чему человеческая личность, ее внутренние конфликты и преобразования оказываются в центре философского исследования, но содержит в себе большинство философских и богословских воззрений Августина.

Исповедь*

«Исповедь»: ее цели и структура

І. І. 1. «Велик Ты, Господи, и всемерной достоин хвалы; велика сила Твоя и неизмерима премудрость Твоя». И славословить Тебя хочет человек, частица созданий Твоих; человек, который носит с собой повсюду смертность свою, носит с собой свидетельство греха своего и свидетельство, что Ты «противостоишь гордым». И все-таки славословить Тебя хочет человек, частица созданий Твоих. Ты услаждаешь нас этим славословием, ибо Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе. Дай же мне, Господи, узнать и постичь, начать ли с того, чтобы воззвать к Тебе, или с того, чтобы славословить Тебя; надо ли сначала познать Тебя или воззвать к Тебе. Но кто воззовет к Тебе, не зная Тебя? Воззвать не к Тебе, а к кому-то другому может незнающий. Или, чтобы познать Тебя, и надо «воззвать к Тебе?» «Как воззывают к Тому, в Кого не уверовали? и как поверят Тебе без проповедника? И восхвалят Господа те, кто ищет Его». Ищущие найдут Его, и нашедшие восхвалят Его. Я буду искать Тебя, Господи, взывая к Тебе, и воззову к Тебе, веруя в Тебя, ибо о Тебе проповедано нам. Взывает к Тебе, Господи, вера моя, которую дал Ты мне, которую вдохнул в меня через вочеловечившегося Сына Твоего, через служение Исповедника Твоего.

І. ІІ. 2. Но как воззову я к Богу моему, к Богу и Господу моему? Когда я воззову к Нему, я призову Его в самого себя. Где же есть во мне место, куда пришел бы Господь мой? Куда придет в меня Господь, Господь, Который создал небо и землю? Господи, Боже мой! ужели есть во мне нечто, что может вместить Тебя? Разве небо и земля, которые Ты создал и на которой создал и меня, вмещают Тебя? Но без Тебя не было бы ничего, что существует – значит, все, что существует, вмещает Тебя? Но ведь и я существую; зачем прошу я Тебя прийти ко мне: меня бы не было, если бы Ты не был во мне. Я ведь еще не в преисподней, хотя Ты и там. И «если я

* Извлечения из кн.: *Августин. Исповедь* / пер. М. Е. Сергеенко. М. : Канон, 1997.

сойду в ад, Ты там». Меня не было бы, Боже мой, вообще меня не было бы, если бы Ты не был во мне. Нет, вернее: меня не было бы, не будь я в Тебе, «от Которого все, чрез Которого все, в Котором все». Воистину так, Господи, воистину так. Куда звать мне Тебя, если я в Тебе? и откуда придешь Ты ко мне? Куда, за пределы земли и неба, уйти мне, чтобы оттуда пришел ко мне Господь мой, Который сказал: «Небо и земля полны Мною»?

I. III. 3. Итак, вмещают ли Тебя небо и земля, если Ты наполняешь их? Или Ты наполняешь их, и еще что-то в Тебе остается, ибо они не вмещают Тебя? И куда изливается этот остаток Твой, когда небо и земля наполнены? Или Тебе не нужно вместилища. Тебе, Который вмещаешь все, ибо то, что Ты наполняешь, Ты наполняешь, вмещая? Не сосуды, полные Тобой, сообщают Тебе устойчивость: пусть они разбиваются. Ты не выльешься. А когда Ты изливаешься в нас, то не Ты падаешь, но мы воздвигнуты Тобой; не Ты расточаешься, но мы собраны Тобой. И все, что Ты наполняешь, целиком Собой Ты все наполняешь. Но ведь все не в состоянии вместить Тебя, оно вмещает только часть Тебя, – и все сразу вмещают ту же самую часть? Или отдельные создания – отдельные части: большие – большую, меньшие – меньшую? Итак, одна часть в Тебе больше, а другая меньше? Или же повсюду Ты целый, и ничто не может вместить Тебя целого?

I. VI. 7. И все-таки позволь мне говорить перед Тобой, Милосердный, мне, «праху и пеплу». Позволь все-таки говорить: к милосердию Твоему, не к человеку, который осмеет меня, обращаюсь я. Может быть, и Ты посмеешься надо мной, но, обратившись ко мне, пожалеешь меня. Что хочу я сказать. Господи Боже мой? – только что я не знаю, откуда я пришел сюда, в эту – сказать ли – мертвую жизнь или живую смерть? Не знаю. Меня встретило утешениями милосердие Твое, как об этом слышал я от родителей моих по плоти, через которых Ты создал меня во времени; сам я об этом не помню. Первым утешением моим было молоко, которым не мать моя и не кормилицы мои наполняли свои груди; Ты через них давал мне пищу, необходимую младенцу по установлению Твоему и по богатствам Твоим, распределенным до глубин творения. Ты дал мне

не желать больше, чем Ты давал, а кормилицам моим желание давать мне то, что Ты давал им. По внушенной Тобою любви хотели они давать мне то, что в избытке имели от Тебя. Для них было благом мое благо, получаемое от них, но оно шло не от них, а через них, ибо от Тебя все блага, и от Господа моего все мое спасение. Я понял это впоследствии, хотя Ты взывал ко мне и тогда – дарами извне и в меня вложенными. Уже тогда я умел сосать, успокаивался от телесного удовольствия, плакал от телесных неудобств – пока это было все.

I. IX. 14. Боже мой, Боже, какие несчастья и издевательства испытал я тогда. Мне, мальчику, предлагалось вести себя как следует: слушаться тех, кто убеждал меня искать в этом мире успеха и совершенствоваться в краснбайстве, которым выслуживают людской почет и обманчивое богатство. Меня и отдали в школу учиться грамоте. На беду свою я не понимал, какая в ней польза, но если был ленив к учению, то меня били; старшие одобряли этот обычай. Много людей, живших до нас, проложили эти скорбные пути, по которым нас заставляли проходить; умножены были труд и печаль для сыновей Адама. Я встретил, Господи, людей, молившихся Тебе, и от них узнал, постигая Тебя в меру сил своих, что Ты Кто-то Большой и можешь, даже оставаясь скрытым для наших чувств, услышать нас и помочь нам. И я начал молиться Тебе, «Помощь моя и Прибежище мое»: и, взывая к Тебе, одолел косноязычие свое. Маленький, но с жаром немалым, молился я, чтобы меня не били в школе. И так как Ты не услышал меня – что было не во вред мне, – то взрослые, включая родителей моих, которые ни за что не хотели, чтобы со мной приключалось хоть что-нибудь плохое, продолжали смеяться над этими побоями, великим и тяжким тогдашним моим несчастьем.

I. XII. 19. В детстве моем, которое внушало меньше опасностей, чем юность, я не любил занятий и терпеть не мог, чтобы меня к ним принуждали; меня, тем не менее, принуждали, и это было хорошо для меня, но сам я делал нехорошо; если бы меня не заставляли, я бы не учился. Никто ничего не делает хорошо, если это против воли, даже если человек делает что-то хорошее. И те, кто

принуждали меня, поступали нехорошо, а хорошо это оказалось для меня по Твоей воле, Господи. Они ведь только и думали, чтобы я приложил то, чему меня заставляли учиться, к насыщению ненасытной жажды нищего богатства и позорной славы. Ты же, «у Которого сочтены волосы наши», пользовался, на пользу мою, заблуждением всех настаивавших, чтобы я учился, а моим собственным – неохотой к учению – Ты пользовался для наказания моего, которого я вполне заслуживал, я, маленький мальчик и великий грешник. Так через поступавших нехорошо Ты благодетельствовал мне и за мои собственные грехи справедливо воздавал мне. Ты повелел ведь – и так и есть – чтобы всякая неупорядоченная душа сама в себе несла свое наказание.

II. I. 1. Я хочу вспомнить прошлые мерзости свои и плотскую испорченность души моей не потому, что я люблю их, но чтобы возлюбить Тебя, Боже мой. Из любви к любви Твоей делаю я это, в горькой печали воспоминания перебираю преступные пути свои. Обрадуй меня, Господи, Радость неложная, Радость счастья и безмятежности, собери меня, в рассеянии и раздробленности своей отвратившегося от Тебя, Единого, и потерявшего во многом. Когда-то в юности горело сердце мое насытиться адом, не убоялась душа моя густо зарости бурьяном Темной любви, истаяла красота моя, и стал я гнилью пред очами Твоими, – нравясь себе и желая нравиться очам людским.

X. II. 2. Что могло бы укрыться во мне от Тебя, Господи, если бы я и не захотел исповедаться Тебе, «очам Которого обнажена бездна человеческой совести»? Ты скрылся бы от меня, не я от Тебя. А теперь, когда стенания мои свидетельствуют, что стал я сам себе неуютен, Ты, свет и услада моя, Ты позволяешь любить Тебя и тосковать о Тебе: да покраснею от стыда и отброшу себя, да изберу Тебя и только по Твоей благодати стану угоден Тебе и себе. Каков бы я ни был, я весь перед Тобою, Господи. И я сказал, какого плода ожидаю я от своей исповеди Тебе, принесенной не голосом плоти и ее словами, а словами души и воплем размышлений, который слышало ухо Твое. Когда я плох, то вот вся моя исповедь Тебе: я сам себе неуютен; когда я хорош, – то вот вся моя исповедь Тебе:

я не себе приписываю это, ибо Ты, Господи, «благословляешь праведного», но еще раньше его, грешника, Ты делаешь праведным. Исповедь моя свершается пред лицом Твоим, Боже мой, молчаливо и немолчно. Молчит язык мой и вопиет сердце. Нет ни одного верного слова, которое я бы сказал людям и которого Ты не услышал бы раньше от меня, и ничего верного не слышишь Ты от меня, чего раньше Ты не сказал бы мне.

Х. III. 4. Изъясни же мне, Врачеватель души моей, ради чего я это делаю. Исповедь моих прошедших грехов (Ты отпустил и покрыл их, чтобы я был счастлив в Тебе; Ты изменил душу мою верой и таинством), эта исповедь будит тех, кто ее читает и слушает; она не дает сердцу застыть в отчаянии и сказать: «я не могу»; заставляет бодрствовать, полагаясь на милосердие Твое и благодать Твою, которой силен всякий немощный, осознавший через нее немощь свою. Хорошие люди с удовольствием слушают о бедах, пережитых другими, и радуются не бедам, а тому, что они были, а теперь их нет. Какой же пользы ради, Господи, Кому ежедневно исповедуется совесть моя, в надежде больше на милосердие Твое, чем на свою невинность, какой пользы ради, спрашиваю я, исповедоваться мне в этих писаниях пред лицом Твоим еще и людям, рассказывая, каков я сейчас, а не каков был прежде. Пользу от исповеди в прежнем я увидел и о ней сказал. Многие, однако, кто меня знает и кто меня не знает, но слышал что-то от меня или обо мне, желают знать, каков я сейчас, вот в это самое время, когда я пишу исповедь свою. Ухом своим они не могут приникнуть к моему сердцу, где я таков, каков есть. Поэтому они и хотят услышать мою исповедь о внутреннем, недоступном ни глазу их, ни уху, ни уму; они хотят мне верить, иначе разве узнают они меня? Любовь, которая делает их хорошими людьми, говорит им, что я не солгу в своей исповеди, и в них она сама верит мне.

Теодицея и несубстанциальность зла

VII. X. 16. И вразумленный этими книгами, я вернулся к себе самому и, руководимый Тобой, вошел в самые глубины свои: я смог это сделать, потому что «стал Ты помощником моим». Я вошел и увидел оком души моей, как ни слабо оно было, над этим самым

оком души моей, над разумом моим. Свет немеркнущий, не этот обычный, видимый каждой плоти свет и не родственный ему, лишь более сильный, разгоревшийся гораздо-гораздо ярче и все кругом заливший. Нет, это был не тот свет, а нечто совсем-совсем отличное от такого света. И он не был над разумом моим так, как масло над водой, не так, как небо над землей: был высшим, ибо создал меня, а я стоял ниже, ибо был создан Им. Кто узнал истину, узнал и этот Свет, а кто узнал Его, узнал вечность. Любовь знает Его. О, Вечная Истина, Истинная Любовь, Любимая Вечность! Ты Бог мой, к Тебе воздыхаю днем и ночью. И как только я узнал Тебя, Ты взял меня к Себе: да увижу, что есть Тот, Кого я пытался увидеть, и что я еще не тот, чтобы видеть. Ты ослепил слабые глаза мои, ударяя в меня лучами Твоими, и я задрожал от любви и страха. Я увидел, что далек от Тебя в этой стране, где все от Тебя отпало, и будто с высот услышал я голос Твой: «Я пища для взрослых: расти, и ты вкусишь Меня. И не ты изменишь Меня в себе, как телесную пищу, но ты изменишься во Мне». И я понял, что «Тыставляешь человека за несправедливости его и заставляешь душу его исчезать как паутина», и сказал: «неужели же истина есть ничто, ибо не разлита она ни в конечном, ни в бесконечном пространстве?» И Ты возгласил издали: «Я есмь, Я Сущий». Я услышал, как слышат сердцем, и не с чего было больше мне сомневаться: я скорее усомнился бы в том, что живу, чем в том, что есть Истина, постигаемая умом через мир сотворенный.

VII. XI. 17. Я рассмотрел все стоящее ниже Тебя и увидел, что о нем нельзя сказать ни того, что оно существует, ни того, что его нет: оно существует, потому что все от Тебя, и его нет, потому что это не то, что Ты. Истинно существует только то, что пребывает неизменным. «Мне же благо прилипнуть к Богу», ибо если не пребуду в Нем, не смогу и в себе. Он же, «пребывая в Себе, все обновляет; Ты Господь мой, и блага мои Тебе не нужны».

VII. XII. 18. Мне стало ясно, что только доброе может стать хуже. Если бы это было абсолютное добро или вовсе бы не было добром, то оно не могло бы стать хуже. Абсолютное добро не может стать хуже, а в том, в чем вовсе нет добра, нечему стать хуже.

Ухудшение наносит вред; если бы оно не уменьшало доброго, оно бы вреда не наносило. Итак: или ухудшение не наносит вреда – чего быть не может, или – и это совершенно ясно – все ухудшающееся лишается доброго. Если оно совсем лишится доброго, оно вообще перестанет быть. Если же останется и не сможет более ухудшиться, то станет лучше, ибо пребудет не ухудшающимся. Не чудовишно ли, однако, утверждать, что при полной потере доброго оно станет лучше? Если, следовательно, оно вовсе лишится доброго, то его вообще и не будет; значит, пока оно существует, оно доброе, и, следовательно, все что есть – есть доброе, а то зло, о происхождении которого я спрашивал, не есть субстанция; будь оно субстанцией, оно было бы добром, или субстанцией, не подверженной ухудшению вовсе, то есть великой и доброй; или же субстанцией, подверженной ухудшению, что было бы невозможно, не будь в ней доброго.

Итак, я увидел, и стало мне ясно, что Ты сотворил все добрым и что, конечно, нет субстанций, не сотворенных Тобой. А так как Ты не все сделал равным, то все существующее – каждое в отдельности – хорошо, а все вместе очень хорошо, ибо все Бог наш «создал весьма хорошо».

VII. XIII. 19. И для Тебя вовсе нет зла, не только для Тебя, но и для всего творения Твоего, ибо нет ничего, что извне вломилось бы и сломало порядок, Тобой установленный. Злом считается то, что взятое в отдельности с чем-то не согласуется, но это же самое согласуется с другим, оказывается тут хорошим и хорошо и само по себе. И все то, что взаимно не согласуется, согласуется с низшим миром, который мы называем землей, с ее облачным и ветреным климатом, для нее подходящим. Да не скажу таких слов: «лучше бы этого мира не было!» Если бы я знал только его, то я пожелал бы лучшего, но и за него одного должен был бы восхвалять Тебя, ибо что Ты достоин хвалы, об этом возвещают «от земли великие змеи и все бездны, огонь, град, снег, лед, бурный ветер, исполняющие слово Его, горы и все холмы, деревья плодоносные и все кедры, звери и всякий скот, пресмыкающиеся и птицы крылатые, цари земные и все народы, князья и все судьи

земные, юноши и девицы, старцы и отроки да хвалят имя Господне». Да хвалят Тебя и с небес, да хвалят Тебя, Боже наш, «в вышних все ангелы Твои, все воинства Твои, солнце и луна, все звезды и свет, небо небес и воды, которые превыше небес, да хвалят Имя Твое»; охватив мыслью все, я уже не желал лучшего; высшее, конечно, лучше низшего, но, взвесив все по здравому суждению, я нашел, что весь мир в целом лучше высшего, взятого в отдельности.

VII. XIV. 20. Нет здоровья в тех, кому не нравится что-либо в творении Твоем, как не было его у меня, когда не нравилось мне многое из созданного Тобой. И так как не осмеливалась душа моя объявить, что Господь мой не нравится ей, то и не хотела она считать Твоим то, что ей не нравилось. И отсюда дошла она до мысли о двух субстанциях, но не находила покоя и говорила чужим языком. Отсюда же исходя, создала она себе бога, разлитого повсюду в бесконечном пространстве, решила, что это Ты, поместила его в сердце своем и стала храмом идолу своему, Тебе отвратительным. Когда же без ведома моего исцелил Ты голову мою и закрыл «глаза мои, да не видят суеты», я передохнул от себя, уснуло безумие мое; я проснулся в Тебе и увидел, что Ты бесконечен по-другому, но увидел это не плотским зрением.

VII. XV. 21. Я оглянулся на мир созданный и увидел, что Тебе обязан он существованием своим и в Тебе содержится, но по-иному, не так, словно в пространстве; Ты, Вседержитель, держишь его в руке, в истине Твоей, ибо все существующее истинно, поскольку оно существует. Ничто не призрачно, кроме того, что мы считаем существующим, тогда как оно не существует. И я увидел, что все соответствует не только своему месту, но и своему времени, и Ты, Единый Вечный, начал действовать не после неисчислимых веков: все века, которые прошли и которые пройдут, не ушли бы и не пришли, если бы Ты не действовал и не пребывал.

VII. XVI. 22. И я по опыту понял, что неудивительно, если хлеб, вкусный здоровому, мучительно есть, когда болит небо; свет, милый хорошим глазам, несносен больным. И Твоя справедливость не нравится грешникам, а тем паче змеи и черви, которых Ты создал хорошими, подходящими для низших ступеней Твоего творения;

для них подходят и сами грешники, поскольку утратили они подобие Твое; они приблизятся к более высоким ступеням, поскольку это подобие восстановят. Я спрашивал, что же такое греховность, и нашел не субстанцию: это извращенная воля, от высшей субстанции, от Тебя, Бога, обратившаяся к низшему, отбросившая прочь «внутреннее свое» и крепнущая во внешнем мире.

VII. XVII. 23. Я удивлялся, что я уже люблю Тебя, а не призрак вместо Тебя, но не мог устоять в Боге моем и радоваться: меня влекла к Тебе красота Твоя, и увлекал прочь груз мой, и со стоном скатывался я вниз; груз этот – привычки плоти. Но со мной была память о Тебе, и я уже несколько не сомневался, что есть Тот, к Кому мне надо прильнуть, только я еще не в силах к Нему прильнуть, потому что «это тленное тело отягощает душу, и земное жилище подавляет многозаботливый ум»; я был совершенно уверен, что «невидимое от создания мира постигается умом через сотворенное; вечны же сила и Божественность Твоя». И раздумывая, откуда у меня способность оценивать красоту тел небесных и земных, быстро и здраво судить о предметах изменяющихся и говорить: «это должно быть так, а то не так», – раздумывая, откуда у меня эта способность судить, когда я так сужу, я нашел, что над моей изменчивой мыслью есть неизменная, настоящая и вечная Истина.

И постепенно от тела к душе, чувствующей через тело, оттуда к внутренней ее силе, получающей известия о внешнем через телесные чувства (здесь предел возможного для животных), далее к способности рассуждать, которая составляет суждения о том, что воспринимается телесными чувствами. Поняв изменчивость свою, она поднимается до самопознания, уводит мысль от привычного, освобождается от сумятицы противоречивых призраков, стремясь понять, каким светом на нее брызнуло. И когда с полной уверенностью восклицает она, что неизменное следует предпочесть изменяемому, через которое постигла она и само неизменное – если бы она не постигала его каким-то образом, она никоим образом не могла бы поставить его впереди изменяемого, – тогда приходит она в робком и мгновенном озарении к Тому, Кто есть.

Тогда и увидел я «постигаемое через творение невидимое Твое», но не смог еще остановить на нем взора; отброшенный назад своей слабостью, я вернулся к своим привычкам и унес с собой только любовное воспоминание и, словно желание пищи, известной по запаху; вкусить ее я еще не мог.

VII. XVIII. 24. Я искал путь, на котором приобрел бы силу, необходимую, чтобы насладиться Тобой, и не находил его, пока не ухватился «за Посредника между Богом и людьми, за Человека Христа Иисуса», Который есть «сущий над всем Бог, благословенный вовеки». Он зовет и говорит: «Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь», и Пища, вкусить от которой у меня не хватало сил. Он смешал ее с плотью, ибо «Слово стало плотью», дабы мудрость Твоя, которой Ты создал все, для нас, младенцев, могла превратиться в молоко.

Я, сам не смиренный, не мог принять смиренного Иисуса, Господа моего, и не понимал, чему учит нас Его уничиженность. Он, Слово Твое, Вечная Истина, высшее всех высших Твоих созданий, поднимает до Себя покорных; на низшей ступени творения построил Он Себе смиренное жилище из нашей грязи, чтобы тех, кого должно покорить, оторвать от них самих и переправить к Себе, излечить их надменность, вскормить в них любовь; пусть не отходят дальше в своей самоуверенности, а почувствуют лучше свою немощь, видя у ног своих Божество, немощное от принятия кож-ной одежды нашей; пусть, устав, падут ниц перед Ним, Он же, восстав, поднимет их.

Обращение и мистический опыт

VIII. V. 10. Когда Симплициан, Твой человек, рассказал мне это о Викторине, я загорелся желанием ему подражать: для того, конечно, он и рассказывал. Потом он прибавил еще, что во времена императора Юлиана был издан закон, запрещавший христианам преподавание грамматики и риторики: подпав под этот закон, он предпочел покинуть школу болтовни, но не Твое Слово, «которое делает красноречивыми уста младенцев». И он показался мне скорее счастливым, чем мужественным человеком: нашел случай освободиться для Тебя. Я вздыхал об этом, никем не скованный,

но в оковах моей собственной воли. Мою волю держал враг, из нее сделал он для меня цепь и связал меня. От злой же воли возникает похоть; ты рабствуешь похоти – и она обращается в привычку; ты не противишься привычке – и она обращается в необходимость. В этих взаимно сцепленных кольцах (почему я и говорил о цепи) и держало меня жестокое рабство. А новая воля, которая зарождалась во мне и желала, чтобы я чтил Тебя ради Тебя и утешался Тобой, Господи, единственным верным утешением, была еще бессильна одолеть прежнюю, окрепшую и застарелую. И две мои воли, одна старая, другая новая, одна плотская, другая духовная, боролись во мне, и в этом раздоре разрывалась душа моя.

VIII. V. 11. Я понимал, что сам являюсь доказательством того, о чем читал, как «тело замышляет против духа, а дух против тела». Я жил и тем, и другим, но больше жил в том, что в себе одобрял, чем в том, чего в себе не одобрял. Тут меня скорее не было, ибо по большей части я терпел против воли, а не действовал по собственному желанию. И, однако, привычка, мною созданная, упрямо восставала на меня: по своей воле пришел я туда, куда не хотел. Кто по праву может противиться справедливой каре, настигающей грешника? И у меня уже не было того извинения, которым я обычно прикрывался: «Я еще не отвергаю мира и не служу Тебе, потому что не постиг еще ясно истины» – она уже была мне ясна. Меня связывало земное; я отказывался стать Твоим воином и так боялся разгрузки от всякой ноши, как следовало бы бояться нагрузки.

VIII. V. 12. Мирское бремя нежно давило на меня, словно во сне; размышления мои о Тебе походили на попытки тех, кто хочет проснуться, но, одолеваемые глубоким сном, вновь в него погружаются. И хотя нет ни одного человека, который пожелал бы всегда спать, – бодрствование, по здравому и всеобщему мнению, лучше, – но человек обычно медлит стряхнуть сон: члены его отяжелели, сон уже неприятен, и, однако, он спит и спит, хотя пришла уже пора вставать. Так и я уже твердо знал, что лучше мне себя любви Твоей отдать, чем злomu желанию уступать; она влекла и побеждала, но оно было мило и держало. Мне нечего было ответить на Твои слова:

«Проснись, спящий; восстань из мертвых, и озарит тебя Христос». Мне, убежденному истиной, вообще нечего было ответить Тебе, везде являющему истину Своих слов, разве только вяло и устало: «сейчас», «вот сейчас», «подожди немного», но это «сейчас и сейчас» не определяло часа, а «подожди немного» растягивалось надолго. Напрасно сочувствовал я «закону Твоему, согласному с внутренним человеком», когда «другой закон в членах моих противился закону ума моего и делал меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих». Греховный же закон – это власть и сила привычки, которая влечет и удерживает душу даже против ее воли, но заслуженно, ибо в эту привычку соскользнула она добровольно. Кто же может освободить меня, несчастного, от «этого тела смерти», как не благодать Твоя, дарованная через Господа нашего Иисуса Христа?

VIII. VII. 16. Так говорил Понтициан. Ты же, Господи, во время его рассказа повернул меня лицом ко мне самому: заставил сойти с того места за спиной, где я устроился, не желая всматриваться в себя. Ты поставил меня лицом к лицу со мной, чтобы видел я свой позор и грязь, свое убожество, свои лишаи и язвы. И я увидел и ужаснулся, и некуда было бежать от себя. Я пытался отвести от себя взор свой, а он рассказывал и рассказывал, и Ты вновь ставил меня передо мной и заставлял, не отрываясь, смотреть на себя: погляди на неправду свою и возненавидь ее. Я давно уже знал ее, но притворялся незнающим, скрывал это знание и старался забыть о нем.

VIII. VII. 18. И я давно думал, что, презрев мирские надежды, со дня на день откладываю следовать за Тобой Одним, потому что не являлось мне ничего определенного, куда направил бы я путь свой. И вот пришел день, когда я встал обнаженный перед самим собой, и совесть моя завопила: «Где твое слово? Ты ведь говорил, что не хочешь сбросить бремя суеты, так как истина тебе неведома. И вот она тебе ведома, а оно все еще давит тебя; у них же, освободивших плечи свои, выросли крылья: они не истомились в розысках и десятилетних (а то и больше) размышлениях». Так, вне себя от жгучего стыда, угрызался я во время Понтицианова

рассказа. Беседа окончилась, изложена была причина, приведшая его к нам, и он ушел к себе, а я – в себя. Чего только не наговорил я себе! Какими мыслями не бичевал душу свою, чтобы она согласилась на мои попытки идти за Тобой! Она сопротивлялась, отрекалась и не извиняла себя. Искерпаны были и опровергнуты все ее доказательства, но осталась немая тревога: как смерти боялась она, что ее вытянут из русла привычной жизни, в которой она зачухла до смерти.

VIII. VIII. 19. В этом великом споре во внутреннем доме моем, поднятом с душой своей в самом укротном углу его, – в сердце моем, – кидаюсь я к Алипию и с искаженным лицом в смятении ума кричу: «Что ж это с нами? ты слышал? поднимаются неучи и похищают Царство Небесное, а мы вот с нашей бездушной наукой и валяемся в плотской грязи! или потому, что они впереди, стыдно идти вслед, а вовсе не идти не стыдно?» Не знаю, что я еще говорил в том же роде; в своем волнении я бросился прочь от него, а он, потрясенный, молчал и только глядел на меня: речи мои звучали необычно. О моем душевном состоянии больше говорили лоб, щеки, глаза, цвет лица, звук голоса, чем слова, мною произносимые.

При нашем обиталище находился садик, которым мы пользовались, как и всем домом, потому что владелец дома, нас приютивший, тут не жил. В своей сердечной смуте кинулся я туда, где жаркой схватке, в которой я схватился с собой, никто не помешал бы до самого конца ее – Ты знал какого, а я нет: я безумствовал, чтобы войти в разум, и умирал, чтобы жить; я знал, в каком я зле, и не знал, какое благо уже вот-вот ждет меня. Итак, я отправился в сад, и за мной, след в след, Алипий. Его присутствие не нарушало моего уединения. И как бы он оставил меня в таком состоянии? Мы сели как можно дальше от построек. Душа моя глухо стонала, негодуя неистовым негодованием за то, что я не шел на союз с Тобой, Господи, а что надобно идти к Тебе, об этом кричали «все кости мои» и возносили хвалой до небес. И не нужно тут ни кораблей, ни колесниц четверкой, ни ходьбы: расстояния не больше, чем от дома до места, где мы сидели. Стоит лишь захотеть идти, и ты уже не только идешь, ты уже у цели, но захотеть надо сильно, от всего

сердца, а не метаться взад-вперед со своей полубольной волей, в которой одно желание борется с другим, и то одно берет верх, то другое.

VIII. VIII. 20. В мучениях этой нерешительности я делал много жестов, которые люди иногда хотят сделать и не могут, если у них нет соответствующих членов, если эти члены скованы, ослаблены усталостью или им что-то мешает. Если я рвал волосы, ударял себя по лбу; сцепив пальцы, обхватывал колено, то я делал это, потому что хотел. Я мог, однако, захотеть и не сделать, откажи мне члены мои в повиновении. Я делал, следовательно, многое в той области, где «хотеть» и «мочь» не равнозначны, и не делал того, что мне было несравненно желаннее, и что я мог сделать, стоило только пожелать, а я уж, во всяком случае, желал пожелать. Тут ведь возможность сделать и желание сделать равнозначны: пожелать – значит уже сделать. И, однако, ничего не делалось: тело мое легче повиновалось самым ничтожным желаниям души (двигаться членам, как я хотел), чем душа в исполнении главного желания своего – исполнения, зависящего от одной ее воли.

VIII. IX. 21. Откуда это чудовищное явление? Почему оно? Освети меня милосердием Твоим и позволь спросить об этом; может быть, ответ прозвучит из тайников наказания, назначенного людям, из мрака сокрушений сынов Адама. Откуда это чудовищное явление и почему оно? Душа приказывает телу, и оно тотчас же повинует; душа приказывает себе – и встречает отпор. Душа приказывает руке двигаться – она повинует с такой легкостью, что трудно уловить промежуток между приказом и его выполнением. Но душа есть душа, а рука – это тело. Душа приказывает душе пожелать: она ведь едина и, однако, она не делает по приказу. Откуда это чудовищное явление? И почему оно? Приказывает, говорю, пожелать та, которая не отдала бы приказа, не будь у нее желания – и не делает по приказу. Но она не вкладывает себя целиком в это желание, а следовательно, и в приказ. Приказ действителен в меру силы желания, и он не выполняется, если нет сильного желания. Воля ведь приказывает желать: она одна и себе тождественна. А значит, приказывает она не от всей полноты; поэтому приказ

и не исполняется. Если бы она была целостной, не надо было бы и приказывать: все уже было бы исполнено. А следовательно, одновременно желать и не желать — это не чудовищное явление, а болезнь души; душа не может совсем встать: ее поднимает истина, ее отягощает привычка. И потому в человеке два желания, но ни одно из них не обладает целостностью: в одном есть то, чего недостает другому.

VIII. X. 22. «Да погибнут от лица Твоего», Господи, как они и погибают, «суесловы и соблазнительи», которые, заметив в человеке наличие двух желаний, заявили, что есть в нас две души двух природ: одна добрая, другая злая. Злы же на самом деле они, ибо злы эти их мысли, но и эти люди могут стать добрыми, если постигнут истину и достигнут согласия с истиной, так что апостол Твой сможет сказать им: «Вы были некогда тьмой, а теперь вы свет в Господе».

Они, однако, желая быть светом не в Господе, а в самих себе, считая, что природа души одинакова с Богом, стали «густой тьмой», ибо в своей страшной дерзости далеко отошли от Тебя, истинного света, «просвещавшего всякого человека, приходящего в этот мир». Подумайте, что вы говорите, покраснейте и «ступайте к Нему», и «просветитесь, и лица ваши не будут краснеть».

Когда я раздумывал над тем, чтобы служить Господу Богу моему (как я давно уже положил себе), хотел этого я и не хотел этого я — и был тем же я. Не вполне хотел и не вполне не хотел. Поэтому я и боролся с собой и разделился в самом себе, но это разделение, происходившее против воли моей, свидетельствовало не о природе другой души, а только о том, что моя собственная наказана. И наказание создал не я, а «грех, обитающий во мне», как кара за грех, совершенный по вольной воле: я ведь был сыном Адама.

VIII. XII. 29. Так говорил я и плакал в горьком сердечном сокрушении. И вот слышу я голос из соседнего дома, не знаю, будто мальчика или девочки, часто повторяющий нараспев: «Возьми, читай! Возьми, читай!» Я изменился в лице и стал напряженно думать, не напевают ли обычно дети в какой-то игре нечто подобное?

Нигде не доводилось мне этого слышать. Подавив рыдания, я встал, истолковывая эти слова как Божественное веление мне: открыть книгу и прочесть первую главу, которая мне попадется. Я слышал об Антонии, что его вразумили евангельские стихи, на которые он случайно наткнулся: «пойди, продай все имущество свое, раздай бедным, и получишь сокровище на Небесах, и приходи, следуй за Мной»; эти слова сразу же обратили его к Тебе. Взволнованный, вернулся я на то место, где сидел Алипий; я оставил там, уходя, апостольские послания. Я схватил их, открыл и в молчании прочел главу, первую попавшуюся мне на глаза: «не в пирах и в пьянстве, не в спальнях и не в распутстве, не в ссорах и в зависти: облекитесь в Господа Иисуса Христа и попечение о плоти не превращайте в похоти». Я не захотел читать дальше, да и не нужно было: после этого текста сердце мое залили свет и покой; исчез мрак моих сомнений.

IX. X. 23. Уже навис день исхода ее из этой жизни; этот день знал Ты, мы о нем не ведали. Случилось – думаю, тайной Твоей заботой – что мы с ней остались вдвоем; опершись на подоконник, смотрели мы из окна на внутренний садик того дома, где жили в Остии. Усталые от долгого путешествия, наконец в одиночестве, набирались мы сил для плавания. Мы сладостно беседовали вдвоем и, «забывая прошлое, устремлялись к тому, что перед нами», спрашивали друг друга пред лицом Истины – а это Ты – какова будущая вечная жизнь святых, – «не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку» – но устами сердца жаждали мы приникнуть к струям Твоего Небесного источника, «Источника жизни, который у Тебя», чтобы, обрызганные его водой, в меру нашего постижения могли бы как-нибудь обнять мыслью ее величие.

IX. X. 24. Когда в беседе нашей пришли мы к тому, что любое удовольствие, доставляемое телесными чувствами, осиянное любимым земным светом, недостойно не только сравнения с радостями той жизни, но даже упоминания рядом с ними, то, возносясь к Нему Самому сердцем, все более разгоравшимся, мы перебрали одно за другим все создания Его и дошли до самого неба, откуда светят

на землю солнце, луна и звезды. И, войдя в себя, думая и говоря о творениях Твоих и удивляясь им, пришли мы к душе нашей и вышли из нее, чтобы достичь страны неиссякаемой полноты, где Ты вечно питаешь Израиля пищей истины, где жизнь есть та мудрость, через Которую возникло все, что есть, что было и что будет. Сама она не возникает, а остается такой, какова есть, какой была и какой всегда будет. Вернее, для нее нет «была» и «будет», а только одно «есть», ибо она вечна, вечность же не знает «было» и «будет». И пока мы говорили о ней и жаждали ее, мы чуть прикоснулись к ней всем трепетом нашего сердца. И вздохнули, и оставили там «начатки духа», и вернулись к скрипу нашего языка, к словам, возникающим и исчезающим. Что подобно Слову Твоему, Господу нашему, пребывающему в Себе, не стареющему и все обновляющему!

IX. X. 25. Мы говорили: «если в ком умолкнет волнение плоти, умолкнут представления о земле, водах и воздухе, умолкнет и небо, умолкнет и сама душа и выйдет из себя, о себе не думая, умолкнут сны и воображаемые откровения, всякий язык, всякий знак и все, что проходит и возникает, если наступит полное молчание, – (если слушать, то они все говорят: «не сами мы себя создали; нас создал Тот, Кто пребывает вечно») – если они, сказав это, замолкнут, обратив слух к Тому, Кто их создал, и заговорит Он Сам, один – не через них, а прямо от Себя, да услышим слово Его, не из плотских уст, не в голосе ангельском, не в грохоте бури, не в загадках и подобиях, но Его Самого, Которого любим в созданиях Его; да услышим Его Самого – без них, – как сейчас, когда мы вышли из себя и быстрой мыслью прикоснулись к Вечной Мудрости, над всем пребывающей; если такое состояние могло бы продолжиться, а все низшие образы – исчезнуть, и она одна восхитила бы, поглотила и погрузила в глубокую радость своего созерцателя – если вечная жизнь такова, какой была эта минута постижения, о котором мы вздыхали, то разве это не то, о чем сказано: «Войди в радость господина Твоего»? когда это будет? не тогда ли, когда «все воскреснем, но не все изменимся»?

IX. X. 26. Я говорил это, если и не так и не этими словами, то Ты знаешь, Господи, что в тот день, когда мы беседовали, ничтожен

за этой беседой показался нам этот мир со всеми его наслаждениями, и мать оказала мне: «Сын! Что до меня, то в этой жизни мне уже все не в сладость. Я не знаю, что мне здесь еще делать и зачем здесь быть; с мирскими надеждами у меня здесь покончено. Было только одно, почему я хотела еще задержаться в этой жизни: раньше чем умереть, увидеть тебя православным христианином. Господь одарил меня полнее: дал увидеть тебя Его рабом, презревшим земное счастье. Что мне здесь делать?»

Богопознание, самопознание и блаженство

Х. VI. 8. Ясно сознаю я, Господи, что люблю Тебя: тут сомнений нет. Ты поразили сердце мое словом Твоим, и я полюбил Тебя; и небо, и земля, и все, что на них – вот они со всех сторон твердят мне, чтобы я любил Тебя, и не перестают твердить об этом всем людям, «дабы оказались они неизвинительны». Ты глубже «пожалеешь того, над кем сжалишься, и окажешь милосердие тому, над кем умилишься» – иначе глухим возглашали бы и небо, и земля хвалы Твои. Что же, любя Тебя, люблю я? Не телесную красоту, не временную прелесть, не сияние вот этого света, столь милого для глаз, не сладкие мелодии всяких песен, не благоухание цветов, мазей и курений, не манну и мед, не члены, приятные земным объятиям, – не это люблю я, любя Бога моего. И, однако, я люблю некий свет и некий голос, некий аромат, и некую пищу, и некие объятия – когда люблю Бога моего; это свет, голос, аромат, пища, объятия внутреннего моего человека – там, где душе моей сияет свет, который не ограничен пространством, где звучит голос, который время не заставит умолкнуть, где разлит аромат, который не развеет ветром, где пища не теряет вкуса при сытости, где объятия не размыкаются от пресыщения. Вот что люблю я, любя Бога моего.

Х. VI. 9. А что же такое этот Бог? Я спросил землю, и она сказала: «это не я»; и все, живущее на ней, исповедало то же. Я спросил море, бездны и пресмыкающихся, живущих там, и они ответили: «мы не бог твой; ищи над нами». Я спросил у веющих ветров, и все воздушное пространство с обитателями своими заговорило:

«ошибается Анаксимен: я не бог». Я спрашивал небо, солнце, луну и звезды: «мы не бог, которого ты ищешь», – говорили они. И я сказал всему, что обступает двери плоти моей: «скажите мне о Боге моем – вы ведь не бог, – скажите мне что-нибудь о Нем». И они вскричали громким голосом: «Творец наш, вот Кто Он». Мое созерцание было моим вопросом; их ответом – их красота.

Тогда я обратился к себе и сказал: «ты кто?» И ответил: «человек». Вот у меня тело и душа, готовые служить мне; одно находится во внешнем мире, другая внутри меня. У кого из них спрашивать мне о Боге моем, о Котором я уже спрашивал своими внешними чувствами, начиная с земли и до самого неба, куда только мог послать за вестями лучи глаз своих? Лучше, конечно, то, что внутри меня. Все телесные вестники возвестили душе моей, судье и председательнице, об ответах неба, земли и всего, что на них; они гласили: «мы не боги; Творец наш, вот Он». Внутреннему человеку сообщил об этом состоящий у него в услужении внешний; я, внутренний, узнал об этом, – я, я душа, через свои телесные чувства. Я спросил всю вселенную о Боге моем, и она ответила мне: «я не бог; Творец наш, вот кто Он».

Х. VI. 10. Неужели всем, у кого внешние чувства здоровы, не видна эта красота? почему же не всем говорит она об одном и том же? Животные, и крохотные и огромные, видят ее, но не могут ее спросить: над чувствами-вестниками не поставлено у них судьбы – обсуждающего разума. Люди же могут спросить, чтобы «невидимое Божие через творения было понятно и узрено». Привязавшись, однако, к миру созданному, они подчиняются ему, а подчинившись, уже не могут рассуждать. Мир же созданный отвечает на вопросы только рассуждающим: он не изменяет своего голоса, то есть своей красоты, и не является в разном облике тому, кто только его видит, и тому, кто видит и спрашивает; являясь, однако, в одинаковом виде обоим, он нем перед одним и говорит другому; вернее, он говорит всем, но этот голос внешнего мира понимают только те, кто, услышав его, сравнивают его с истиной, живущей в них. Истина же эта говорит мне: «Бог твой не небо, не земля и не любое тело». Их природа говорит об этом

видящему; она предстает, как глыба меньшая в части своей, чем в целом. И ты, душа, говорю это тебе, ты лучше, ибо ты оживляешь глыбу тела, в котором живешь, и сообщаешь ему жизнь: ни одно тело не может этого доставить телу. Бог же твой еще больше для тебя: Он Жизнь жизни твоей.

Х. VII. 11. Итак, что же я люблю, любя Бога? Кто Он, пребывающий над вершинами души моей? Этой душой моей поднимусь к Нему. Я пропускаю ту силу, которая соединяет меня с телом и наполняет жизнью его состав. Не эта сила поможет мне найти Бога моего, иначе Его нашли бы и лошадь и мул, у которых нет разума, но есть эта самая сила, оживляющая и их тела. Есть другая сила, которой я оживляю не только мою плоть, но и сообщаю ей чувствительность. Ее создал Господь, повелев глазу не слышать, но видеть, а уху не видеть, но слышать, определив каждому чувству в отдельности его место и его обязанности: разное выполняю я с их помощью, оставаясь единым, я – разум. Пропускаю и эту силу мою; и она есть у лошади и мула: и у них тело обладает внешними чувствами.

Х. VIII. 14. Все это происходит во мне, в огромных палатах моей памяти. Там в моем распоряжении небо, земля, море и все, что я смог воспринять чувством, – все, кроме мной забытого. Там встречаюсь я и сам с собой и вспоминаю, что я делал, когда, где и что чувствовал в то время, как это делал. Там находится все, что я помню из проверенного собственным опытом и принятого на веру от других. Пользуясь этим же богатством, я создаю по сходству с тем, что проверено моим опытом, и с тем, чему я поверил на основании чужого опыта, то одни, то другие образы; я вплетаю их в прошлое; из них тку ткань будущего: поступки, события, надежды – все это я вновь и вновь обдумываю как настоящее. «Я сделаю то-то и то-то», – говорю я себе в уме моем, этом огромномместилище, полном стольких великих образов, – за этим следует вывод: «О, если бы случилось то и то-то!» «Да отвратит Господь то-то и то-то», – говорю себе, и когда говорю, тут же предстают передо мной образы всего, о чем говорю, извлеченные из той же сокровищницы памяти. Не будь их там, я не мог бы вообще ничего сказать.

Х. VIII. 15. Велика она, эта сила памяти, Господи, слишком велика! Это святилище величины беспредельной. Кто исследует его глубины! И, однако, это сила моего ума, она свойственна моей природе, но я сам не могу полностью вместить себя. Ум тесен, чтобы овладеть собой же. Где же находится то свое, чего он не вмещает? Ужели вне его, а не в нем самом? Каким же образом он не вмещает этого? Великое изумление все это вызывает во мне, оцепенение охватывает меня.

И люди идут дивиться горным высотам, морским валам, речным просторам, океану, объемлющему землю, круговращению звезд, — а себя самих оставляют в стороне! Их не удивляет, что, говоря обо всем этом, я не вижу этого перед собой, но я не мог бы об этом говорить, если бы не видел в себе, в памяти своей, и гор, и волн, и рек, и звезд (это я видел наяву), и океана, о котором слышал, во всей огромности их, словно я вижу их въявь перед собой. И, однако, не их поглотил я, глядя на них своими глазами; не они сами во мне, а только образы их, и я знаю, что и каким телесным чувством запечатлено во мне.

Х. XI. 18. Итак, мы находим следующее: познакомиться с тем, о чем мы узнаем не через образы, доставляемые органами чувств, а без образов, через внутреннее созерцание, представляющее нам созерцаемое в подлинном виде, — это значит не что иное, как подумать и как бы собрать то, что содержала память разбросанно и в беспорядке, и внимательно расставить спрятанное в ней, но заброшенное и раскиданное, расставить так, чтобы оно находилось в самой памяти как бы под рукой и легко появлялось при обычном усилии ума. Сколько хранит моя память уже известного и, как я сказал, лежащего под рукой, о чем говорится: «мы это изучили и знаем». Если я перестану в течение малого промежутка времени перебирать в памяти эти сведения, они вновь уйдут вглубь и словно соскользнут в укромные тайники. Их придется опять как нечто новое извлекать мысленно оттуда — нигде в другом месте их нет, — чтобы с ними познакомиться, вновь свести вместе, то есть собрать как что-то рассыпавшееся. Отсюда и слово *cogitare*. *Cogo* и *cogito* находятся между собой в таком же соотношении, как *agito*, *facio*

и *factito*. Ум овладел таким глаголом как собственно ему принадлежащим, потому что не где-то, а именно в уме происходит процесс собирания, то есть сведения вместе, а это и называется в собственном смысле «обдумываньем».

Х. XX. 29. Как же искать мне Тебя, Господи? Когда я ищу Тебя, Боже мой, я ищу счастливой жизни. Буду искать Тебя, чтобы жила душа моя! Душа моя живет тело, а душу мою живишь Ты. Как же искать мне счастливую жизнь? Ее нет у меня, пока я не могу сказать: «довольно! вот она». А тогда следует рассказать, как я искал: по воспоминанию ли, — как человек, который ее забыл, но о том, что забыл, хорошо помнит — по стремлению ли узнать ее, неведомую: то ли я о ней никогда и не знал, то ли так о ней забыл, что и не помню, что забыл. Но разве не все хотят счастливой жизни? Никого ведь нет, кто бы не хотел ее! Где же о ней узнали, чтобы так ее хотеть? Где увидели, чтобы полюбить? Не знаю, как, но мы ею, конечно, обладаем, по-разному, правда; один счастлив тогда, когда уже живет счастливой жизнью; другие счастливы надеждой на нее — последние счастливы в меньшей мере, чем те, кто счастлив на самом деле, но все же им лучше, чем тем, кто и не живет счастливой жизнью, и не надеется на нее. И все-таки, не знай и они каким-то образом о ней, они бы так не хотели быть счастливыми; а что они хотят, это несомненно. Не знаю, каким образом они узнали о ней, и не знаю, какие у них о ней сведения. Я и бьюсь над вопросом: если это воспоминание, то, значит, мы все были когда-то счастливы (каждый в отдельности или в том человеке, который первым согрешил, и в котором мы все умираем, и от которого все рождаемся в скорби, — об этом я сейчас не спрашиваю), — я спрашиваю, не живет ли в нас воспоминание о счастливой жизни? Мы не любили бы ее, если бы не знали. Мы слышали эти слова — и признаемся, что мы все, все стремимся к тому, что они обозначают; ведь не звук же слов доставляет нам удовольствие. Когда грек услышит их по-латыни, они не доставят ему никакого удовольствия, потому что он их не поймет, а нам доставят, как и ему, если их сказать по-гречески: счастливая жизнь не связана ни с Грецией, ни с Римом, но к ней жадно стремятся и греки, и римляне, и люди,

говорящие на других языках. Она, следовательно, известна всем, и если бы можно было разом спросить всех, хотят ли они быть счастливы, все, не колеблясь, ответили бы, что хотят. Этого не могло бы быть, если бы у всех не сохранилось воспоминания о том, что обозначается словами «счастливая жизнь».

Х. XIII. 33. Нельзя, следовательно, утверждать, что все хотят быть счастливыми: ведь те, кто не хочет радоваться о Тебе – только в этом и есть счастливая жизнь, – не хотят на самом деле счастливой жизни. Или все хотят ее, но «плоть желает противного духу, а дух – противного плоти, так что люди не делают того, что хотят» и поэтому увязают в том, что им по силам, и этим удовлетворяются: у них нет настоящего желания получить силы на то, на что у них не хватает сил. Если я спрошу у всех, в чем они предпочитают найти радость – в истине или во лжи, то все так же не усомнятся ответить, что в истине, как не усомнятся сказать, что хотят быть счастливыми, но ведь счастливая жизнь – это радость, даруемая истиной, то есть Тобой, Господи, ибо Ты «Истина, Просвещение мое, Спасение лица моего, Бог мой». Этой счастливой жизни все хотят, этой жизни, единственно счастливой, все хотят; радости от истины все хотят. Многих знаю я, кто охотно обманывает, и никого, кто хотел бы обмануться. Где же узнали они об этой счастливой жизни, как не там, где узнали и об истине? Они и ее любят, так как не хотят обманываться, но, любя счастливую жизнь – она ведь не что иное, как радость, даруемая истиной, – они, конечно, любят также истину. Они не любили бы ее, если бы у них в памяти не было каких-то сведений о ней. Почему же они ей не радуются? Почему не счастливы? Потому, что другое сильнее захватило их, и оно скорее сделает их несчастными, чем осчастливит слабая память о том, что сделало бы счастливыми: «пока еще мало света в людях»; пусть они ходят, пусть ходят, «чтобы тьма не охватила их».

Х. XXIII. 34. Почему же «истина порождает ненависть» и почему для них стал врагом человек Твой, проповедующий истину? Они ведь любят счастливую жизнь, а она не что иное, как радость об истине? Не потому ли, что истину так любят, что, любя что-то другое, люди хотят, чтобы то, что они любят, оказалось истиной?

И так как они не хотят обманываться, то и не хотят, чтобы их изобличили в том, что они обманываются. Итак, они ненавидят истину из любви к тому, что почитают истиной, они любят ее свет и ненавидят ее укоры. Не желая обмануться и желая обманывать, они любят ее, когда она показывается сама, и ненавидят, когда она показывает их самих. За это и получают они воздаяние: они не хотят быть раскрытыми ею – она раскроет их против их желания, но сама не откроется им.

Да, да, да: такова человеческая душа; слепая, вялая, мерзкая и непотребная, она хочет спрятаться, но не хочет, чтобы от нее что-то пряталось. Воздается же ей наоборот: она от истины спрятаться не может, истина же от нее прячется. И все же даже так, в нищете своей, предпочитает она радоваться истине, а не лжи. Счастлива же будет она, когда без всякой помехи будет радоваться самой единой истине, началу всего истинного.

Х. XXIV. 35. Вот сколько бродил я по своей памяти, ища Тебя, Господи, и не нашел Тебя вне ее. И ничего не нашел, чего бы не помнил о Тебе с того дня, как узнал Тебя. С того же дня, как знал Тебя, я не забывал Тебя. Где нашел я истину, там нашел я и Бога моего, самое Истину, и с того дня, как узнал ее, я ее не забывал. С того дня, как я узнал Тебя, Ты пребываешь в памяти моей, и там нахожу я Тебя, когда о Тебе вспоминаю и радуюсь в Тебе. Это святая отрада моя, которой Ты милостиво одарил меня, оглянувшись на мою нищету.

Х. XXV. 36. Где же пребываешь Ты, Господи, в памяти моей, где Ты там пребываешь? Какое убежище соорудил Ты себе? Какое святилище выстроил Себе? Ты удостоил мою память Своего пребывания, но в какой части ее Ты пребываешь? Я прошел в поисках через те ее части, которые есть у животных, и не нашел Тебя там, среди образов телесных предметов; пришел к тем частям, которым доверил душевные свои состояния, но и там не нашел Тебя. Я вошел в обитель самой души моей, которая имеется для нее в моей памяти, ибо и себя самое помнит душа, но и там Тебя не было. Ты ведь не телесный образ, не душевное состояние, испытываемое нами, когда мы радуемся, огорчаемся, желаем, боимся,

вспоминаем, забываем прочее; и Ты не сама душа, ибо Ты Господь Бог души моей. Все это меняется, Ты же пребываешь неизменным над всем, и Ты удостоил мою память стать Твоим жилищем с того дня, как я узнал Тебя. И зачем я спрашиваю, в каком месте ее Ты живешь, как будто там есть места? Несомненно одно: Ты живешь в ней, потому что я помню Тебя с того дня, как узнал Тебя, и в ней нахожу Тебя, Тебя вспоминая.

Х. XXVI. 37. Где же нашел я Тебя, чтобы Тебя узнать? Тебя не было в моей памяти до того, как я узнал Тебя. Где же нашел я Тебя, чтобы Тебя узнать, как не в Тебе, надо мной? Не в пространстве: мы отходим от Тебя и приходим к Тебе не в пространстве. Истина, Ты восседаешь всюду и всем спрашивающим Тебя отвечаешь одновременно, хотя все спрашивают о разном. Ясно отвечаешь Ты, но не все слышат ясно. Все спрашивают, о чем хотят, но не всегда слышат то, что хотят. Наилучший служитель Твой тот, кто не думает, как бы ему услышать, что он хочет, но хочет того, что от Тебя услышит.

Х. XXIX. 40. Вся надежда моя только на великое, великое милосердие Твое. Дай, что повелишь, и повели, что хочешь. Ты приказываешь воздержанность. «И я знаю, — сказал некто, — что никто не может быть воздержным, если не даст ему Бог, и это и есть мудрость — знать, чей это дар». Да, воздержанность делает нас собранными и возвращает к Единому, а мы ушли от него, разбрасываясь в разные стороны. Мало любит Тебя тот, кто любит еще что-то и любит не ради Тебя. О Любовь, которая всегда горишь и никогда не гаснешь, Боже мой, Боже милосердия, зажги меня! Ты велешь воздержанность: дай, что повелишь, и повели, что хочешь!

Х. XXX. 41. Ты повелишь мне, конечно, воздерживаться «от похоти плоти, похоти очей и гордости житейской». Ты повелел воздерживаться от незаконного сожития; брак Ты допустил, но посоветовал состояние лучшее. И Ты дал мне избрать это состояние раньше, чем я стал свершать Твои таинства. И, однако, доселе живут в памяти моей (о которой я много говорил) образы, прочно врезанные в нее привычкой. Они кидаются на меня, когда я бодрствую, но тогда они, правда, бессильны, во сне же доходит не только

до наслаждения, но до согласия на него. И в этих обманчивых образах столько власти над моей душой и моим телом, что призраки убеждают спящего в том, в чем бодрствующего не могут живые. Разве тогда я перестаю быть собой, Господи Боже мой? И, однако, какая разница между мной, когда я погрузился в сон, и мною же, когда я стряхнул его с себя! Где в это время был разум, с помощью которого бодрствующий противостоит таким нашептываниям и пребывает непоколебим перед реальным соблазном? Закрывается ли он вместе с глазами? Засыпает вместе с телесными чувствами? И почему же часто даже во сне мы сопротивляемся, помня о своем решении, и целомудренно пребываем в нем, никак не поддаваясь на такие приманки? И все же разница такова, что и в противном случае мы, проснувшись, обретаем покой в своей совести: так далеки между собой явь и сон, что нам ясно: мы не совершали того, что каким-то образом совершилось в нас, и нам прискорбно.

Х. XXX. 42. Ужели рука Твоя, Всесильный Боже, не сильна исцелить всех недугов души моей и преизбытком благодати уга-сить эту распутную тревогу моих снов? Ты будешь умножать и умножать Свои дары во мне. Господи, и душа моя, вырвавшись из клея похоти, устремится за мною к Тебе, перестанет бунтовать против себя, не будет даже во сне не только совершать под влиянием скотских образов этих мерзостей, но и соглашаться на них. Чтобы не только в этой жизни, но даже и в этом возрасте противно мне стало подобное состояние – даже в малой степени – такой, что его легко подавить одним усилием воли спящего чистым сном! – Это не трудно Всемогущему, Который «силен сделать больше, чем мы просим и понимаем». А сейчас я еще пребываю в этом зале, и я рассказываю благому Богу моему, «в трепете ликуя», о том, что Тобою мне даровано, плача о несовершенстве своем, надеясь, что довери-шишь Ты милость Свою и доведешь меня до полноты мира, в котором и пребудет с Тобой все во мне – и внутреннее и внешнее – в час, «когда поглощена будет смерть победой».

Х. XL. 65. Где ни проходила Ты вместе со мной, Истина, уча, чего остерегаться и к чему стремиться, когда я приносил тебе скуд-ные домислы свои, какие мог, и спрашивал совета! Я обошел, где мог,

чувством своим внешний мир, вглядывался в жизнь, оживляющую мое тело, и в эти самые внешние чувства мои. Оттуда я вступил в тайники моей памяти, в эти просторы с их многообразием; они чудесным образом наполнены бесчисленными сокровищами. Я смотрел и ужасался: я не мог ничего разобрать без Тебя, но все это – не Ты.

И не сам я нашел это, хотя всюду проник и постарался все различить и оценить по достоинству: об одном я узнавал от моих вестников-чувств, которые я спрашивал; другое, я чувствовал, спросилось со мной, и я разбирался в самих этих вестниках моих, распределяя их, и уже в богатых сокровищах памяти моей одно пересматривал, другое прятал, иное извлекал на свет. Ни сам я, занятый этим, то есть ни сила моя, с помощью которой я этим занимался, не были Ты, ибо Ты свет вечно пребывающий, у которого я спрашивал обо всем: существует ли это, что это такое, какая ему цена, – и я слушал Твои уроки и приказания. И я часто это делаю, в этом радость моя, сладостное убежище, куда я бегу всякий раз, чуть отпустят меня дела необходимые. Во всем, однако, что я перебираю, спрашивая Тебя, не нахожу я верного пристанища для души моей; оно только в Тебе, где собирается воедино пребывающее в рассеянии, и ничто во мне не отходит от Тебя. И порою Ты допускаешь в глубине моей редкое чувство неизведанной сладости; если бы пережить его во всей полноте, то не знаю, что будет – этой жизнью это не будет. И я падаю обратно сюда под горьким бременем; меня засасывает обычное и держит меня: я сильно плачу, но и держит оно меня сильно. Вот чего стоит груз привычки! Быть здесь я в силах, но не хочу; там хочу, но не в силах: жалок обоюдно.

X. XLI. 66. Вот почему рассмотрел я грехи мои, которыми болею, подчиняясь тройному вожделению, и воззвал к деснице Твоей для спасения моего. Увидел я, раненный сердцем, сияние Твое и, ослепленный им, сказал: кто может его выдержать? «Отвергнут я от очей Твоих». Ты – Истина, над всем царящая, и я в жадности своей не захотел потерять Тебя, но захотел вместе с Тобой обладать и ложью. Никто ведь не захочет изолгаться до того, чтобы самому не знать, в чем истина. Так я и потерял Тебя, потому что Ты не удостоишь ложь того, чтобы ужиться с ней.

Х. XLII. 67. Кого найти мне, чтобы примирить меня с Тобой? Обратиться к ангелам? С какой молитвой? С помощью каких обрядов? Многие старались вернуться к Тебе, но не смогли этого сделать своими силами и, по моим слухам, испробовали это средство: они были охвачены желанием необычных видений и по заслугам оказались жертвой собственных вымыслов. Они искали тебя, кичась своей наукой, гордо выпятив грудь, а не смиренно ударяя в нее; они привлекли себе, по сходству сердец, в товарищи и помощники своей гордости «духов воздуха», которые и обманули их силами магии. Они искали посредника, который бы очистил их, но его не было: был «диавол, принявший вид ангела света». И гордая плоть их особенно соблазнялась тем, что у него не было плотского тела!

Были они смертные и грешники, Ты же, Господи, примирения с Кем они гордо искали, бессмертен и безгрешен. И посреднику между Богом и людьми надлежало в чем-то уподобиться Богу, в чем-то уподобиться людям; подобный во всем людям, он был бы далек от Бога; подобный во всем Богу, он был бы далек людям, и, следовательно, не мог стать посредником. У того же мнимого посредника (тайным судом Твоим определено через него посрамлять гордость, как он того и заслужил) есть одно общее с людьми – грех. Ему, однако, желательно казаться, что есть у него и нечто общее с Богом: не будучи облечен смертной плотью, он и хвалится бессмертием. А так как «возмездие за грех – смерть», то объединяет его с людьми как раз то, за что вместе с ними он и осужден на смерть.

Х. XLIII. 68. Истинный же посредник, Которого в таинственном милосердии Твоем явил Ты людям, послав к ним, чтобы на Его примере научились они настоящему смирению, «Посредник между Богом и людьми, человек Христос Иисус», встал между смертными грешниками и Бессмертным и Праведным – смертный, как люди, праведный, как Бог. А так как награда праведности – жизнь и мир, то праведностью, соединявшейся с Богом, он изгнал смерть для оправдания грешников, пожелав приобщиться к ней вместе с ними. Он явлен был древним святым, дабы они спаслись верой в будущие страдания Его, как спасены мы верой в бывшие. Как

человек Он посредник, а как Слово Он не стоит посередине, ибо Он равен Богу, Он Бог у Бога и единый Бог вместе с Богом.

Х. XLIII. 69. Как же полюбил Ты нас, добрый Отец, что Сына Своего единственного не пожалел и предал Его за нас, нечестивых. Как полюбил Ты нас, за которых Он, «не почитая хищением быть равным Богу, смирил Себя, быв послушным даже до смерти крестной». Он единственно «свободный среди мертвых», «имеющий власть отдать душу свою» и «власть опять принять ее». Он за нас пред Тобой победитель и жертва; и победитель потому, что жертва; Он за нас пред Тобой первосвященник и приношение, и первосвященник потому, что приношение; Он сделал нас из рабов сыновьями Тебе, от Тебя рожденный, нам послуживший.

По справедливости крепко надеюсь на Него: Ты исцелишь все недуги мои через Того, Кто сидит одесную Тебя и ходатайствует за нас пред Тобою. Иначе я впал бы в отчаяние: многочисленны и тяжки недуги мои, многочисленны и тяжки, но сильнее врачевание Твое. Мы могли бы думать, что Слово твое так далеко от человека, что не может соединиться с ним, и пришли бы в отчаяние, если бы «Оно не стало плотью и не обитало бы среди нас».

Х. XLIII. 70. Ужаснувшись грехов моих под бременем нищеты моей, задумал я в сердце своем бежать в пустыню, но Ты удержал и укрепил меня, говоря: «Христос для того умер за всех, чтобы живущие не для себя жили, но для Того, Кто умер за всех». Вот, Господи, я слагаю на Тебя свою заботу, да живу и «увиджу чудеса закона Твоего»; Ты знаешь невежество мое и слабость мою: научи меня и исцели меня. Твой единственный Сын, «в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения», выкупил меня Своей Кровью. Пусть не клеветают на меня гордецы: я думаю о моем выкупе, когда принимаю и раздаю Причастие. Я, бедный, желаю насытиться вместе с теми, кто принимает и насыщается: «и восхвалят Господа, кто ищет Его».

Время и вечность

XI. VII. 9. Так зовешь Ты нас к пониманию Слова-Бога, пребывающего с Богом; извечно произносится оно, и через него все извечно произнесено. То, что было произнесено, не исчезает; чтобы

произнести все, не надо говорить одно вслед за другим: все извечно и одновременно. Иначе существовало бы время, и изменяемость — не настоящая вечность и не настоящее бессмертие.

Знаю это, Господи, и благодарю Тебя; знаю это, исповедую Тебе, Боже мой, и вместе со мной знает это и благословляет Тебя каждый, кто не остается неблагодарным, узнав несомненную истину. Мы знаем, Господи, знаем, что не быть тем, чем был, и стать тем, чем не был, это своего рода смерть и рождение. А в Слове Твоем ничто не исчезает, ничто не приходит на смену: оно бессмертно и вечно. И поэтому Словом, извечным, как Ты, Ты одновременно и вечно говоришь все, что говоришь; возникает все, чему Ты говоришь возникнуть; Ты создаешь только Словом, и, однако, не одновременно и не от века возникает все, что Ты создаешь Словом.

XI. VIII. 10. Почему же, спрашиваю я, Господи Боже мой? Я как-то это вижу, но не знаю, как выразить. Может быть, все, что начинает быть и перестает быть, тогда начинает быть и тогда перестает, когда должно ему начаться и перестать, и это известно вечному разуму, в котором ничто не начинается и не перестает быть. Этот разум и есть Слово Твое, а Он есть начало, как нам и сказано. Так говорит Он в Евангелии голосом плоти; эти слова прозвучали во внешнем мире для людских ушей, чтобы им поверили, стали бы искать их в сердце своем и нашли в вечной истине, где Он, добрый единый Учитель, поучает всех учеников Своих. Там слышу я голос Твой, Господи, говорящий мне: ибо Он говорит с нами. Он, кто учит нас; кто же не учит, тот, если и говорит, не для нас говорит. А кто же учит нас, кроме незыблемой, недвижимой истины? Даже когда нас наставляет и существо изменчивое, его уроки все-таки ведут нас к недвижимой истине, где мы и учимся по-настоящему: стоим и слушаем мы его, «радостью радуемся, слыша голос жениха», и возвращаемся туда, откуда мы сами. Потому-то Он и есть «Начало»: если бы Он не пребывал, пока мы блуждали, нам некуда было бы вернуться. Когда мы возвращаемся от заблуждений, мы, конечно, возвращаемся потому, что узнали их, а узнавать их и учит нас Он, ибо Он Начало и говорит нам.

XI. IX. 11. Этим началом Ты и создал, Боже, небо и землю – словом Твоим. Сыном Твоим, силой Твоей, мудростью Твоей, истиной Твоей: дивным было слово Твое, и дивным дело Твое. Кто это поймет? Кто объяснит? Что это брезжит и ударяет в сердце мое, не нанося ему раны? Трепещу и пламенею, трепещу в страхе: я так не похож на Тебя; горю, пламенею любовью: я так подобен Тебе. Мудрость, сама мудрость забрезжила мне, разорвав туман, который вновь окутывает меня, бессильного от этого мрака под грудой мучений моих. «Так ослабела сила моя в нищете», что не могу нести я и хорошее свое, пока Ты, Господи, «милостивый среди всех согрешений моих», не «исцелишь все недуги мои». Тогда выкупишь Ты «из гибели жизнь мою», «увенчаешь меня милостью и милосердием» и насытишь «благами желание мое», ибо «обновится юность моя, как у орла». «Надеждой спасены мы» и «терпеливо ожидаем», когда исполнятся обещания Твои.

Пусть слушает, кто может, в сердце своем слова Твои; я же воскликну, доверяя пророчеству Твоему: «как величественны дела Твои, Господи, все премудро сделал Ты». И премудрость Твоя и есть начало, и этим началом создал Ты небо и землю.

XI. X. 12. Разве не обветшали разумом те, кто спрашивает нас: «что делал Бог до того, как создал небо и землю? Если Он ничем не был занят», говорят они, «и ни над чем не трудился, почему на все время и впредь не остался Он в состоянии покоя, в каком все время пребывал и раньше? Если же у Бога возникает новое деятельное желание создать существо, которое никогда раньше Им создано не было, то что же это за вечность, в которой рождается желание, раньше не бывшее? Воля ведь присуща Богу до начала творения: ничто не могло быть сотворено, если бы воля Творца не существовала раньше сотворенного. Воля Бога принадлежит к самой субстанции Его. И если в Божественной субстанции родилось то, чего в ней не было раньше, то субстанция эта по справедливости не может быть названа вечной; если вечной была воля Бога творить, почему не вечно Его творение?»

XI. XVIII. 23. Позволь мне, Господи, «Надежда моя», спрашивать и дальше, да не приведут меня в смятение искания мои. Если

и будущее, и прошлое существуют, я хочу знать, где они. Если мне еще не по силам это знание, то все же я знаю, что где бы они ни были, они там не прошлое и будущее, а настоящее. Если и там будущее есть будущее, то его там еще нет; если прошлое и там прошлое, его там уже нет. Где бы, следовательно, они ни были, каковы бы ни были, но они существуют только как настоящее. И правдиво рассказывая о прошлом, люди извлекают из памяти не сами события – они прошли, а слова, подсказанные образами их: прошлые события, затронув наши чувства, запечатались в душе словно следы свои. Детства моего, например, уже нет, оно в прошлом, которого уже нет, но когда я о нем думаю и рассказываю, то я вижу образ его в настоящем, ибо он до сих пор жив в памяти моей.

Не по сходной ли причине предсказывают будущее? По образам, уже существующим, предчувствуют то, чего еще нет? Признаюсь, Господи, не знаю этого. В точности, однако, знаю, что мы обычно предварительно обдумываем будущие действия наши, и это предварительное обдумывание происходит в настоящем, самого же действия, заранее обдуманного, еще нет: оно в будущем. Когда мы приступим к нему и начнем осуществлять предварительно обдуманное, тогда только действие и возникает, ибо тогда оно уже не в будущем, а в настоящем.

XI. XVIII. 24. Каким же образом происходит это таинственное предчувствие будущего? Увидеть можно ведь только то, что есть, а то, что есть, это уже не будущее, а настоящее. И когда о будущем говорят, что его «видят», то видят не его – будущего еще нет, а, вероятно, его причины или признаки, которые уже налицо. Не будущее, следовательно, а настоящее предстает видящим, и по нему предсказывается будущее, представляющееся душе. Эти представления уже существуют, и те, кто предсказывает будущее, всматриваются в них: они живут в их уме. Пусть пояснением послужит мне один пример, а их множество. Я вижу зарю и уже заранее объявляю, что взойдет солнце. То, что я вижу, это настоящее; то, о чем я объявляю, это будущее; в будущем не солнце – оно уже есть, а восход его, которого еще нет. Если бы я не представлял себе в душе этот восход, как представляю сейчас, когда о нем

говоря, я не смог бы его предсказать. Ни заря, которую я вижу на небе, не есть солнечный восход, хотя она ему предшествует; ни воображаемая картина его в душе моей; но то и другое я вижу в настоящем и заранее объявляю, что солнце взойдет. Будущего еще нет, а если его еще нет, то его вообще нет, а если вообще нет, то его и увидеть никак нельзя, но можно предсказать, исходя из настоящего, которое уже есть и которое можно видеть.

XI. XX. 26. Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен, прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание. Если мне позволено будет говорить так, то я согласен, что есть три времени; признаю, что их три. Пусть даже говорят, как принято, хотя это и неправильно, что есть три времени: прошедшее, настоящее и будущее, пусть говорят. Не об этом сейчас моя забота, не спорю с этим и не возражаю; пусть только люди понимают то, что они говорят и знают, что ни будущего нет, ни прошлого. Редко ведь слова употребляются в их собственном смысле; в большинстве случаев мы выражаемся неточно, но нас понимают.

XI. XXI. 27. Я несколько ранее говорил о том, что мы измеряем время, пока оно идет, и можем сказать, что этот промежуток времени вдвое длиннее другого или что они между собой равны, и вообще сообщить еще что-то относительно измеряемых нами частей времени. Мы измеряем, как я и говорил, время, пока оно идет, и если бы кто-нибудь мне сказал: «откуда ты это знаешь?», я бы ему ответил: «знаю, потому что мы измеряем его; того, что нет, мы измерить не можем, а прошлого и будущего нет». А как можем мы измерять настоящее, когда оно не имеет длительности? Оно измеряется, следовательно, пока проходит; когда оно прошло, его не измерить: не будет того, что можно измерить. Но откуда, каким путем и куда идет время, пока мы его измеряем? Откуда,

как не из будущего? Каким путем? Только через настоящее. Куда, как не в прошлое? Из того, следовательно, чего еще нет; через то, в чем нет длительности, к тому, чего уже нет. Что же измеряем мы, как не время в каком-то его промежутке? Если мы говорим о времени: двойной срок, тройной, равный другому и т. д. в том же роде, то о чем говорим мы, как не о промежутке времени? В каком же промежутке измеряется время, пока оно идет? В будущем, откуда оно приходит? Того, чего еще нет, мы измерить не можем. В настоящем, через которое оно идет? То, в чем нет промежутка, мы измерить не можем. В прошлом, куда оно уходит? Того, чего уже нет, мы измерить не можем.

XI. XIV. 31. Ты велишь мне подтвердить, что время – это движение тел? Нет, не велишь. Что всякое тело может двигаться только во времени, это я слышу. Ты мне это говоришь. А что это самое движение тела есть время, этого я не слышу: не Ты это говоришь. Когда тело начинает двигаться, то я временем измеряю, как долго, от начала движения и до прекращения его, оно находилось в движении. И если я не видел, с какого времени тело начало двигаться, а оно движения не прекращало, и я тоже не увидел, когда оно остановилось, то я не могу измерить продолжительности движения, разве что за время, с какого я это тело увидел, и до того, как перестал его видеть. И если я его вижу длительно, то я могу заявить только, что прошло много времени, не определяя точно его продолжительности, ибо продолжительность определяется сравнением; например: «такой же срок, как и тот», или «срок вдвое больший» и прочее в том же роде. Если же мы сможем отметить место, откуда начинается и где заканчивает свое движение тело или его части, если оно движется, словно на токарном станке, то мы сможем сказать, сколько времени продолжалось движение тела или части его от одного места до другого. А раз движение тела – это одно, а то, чем измеряется длительность этого движения, другое, то не ясно ли, чему скорее следует дать название времени? И если тело и движется иногда по-разному, а иногда и останавливается, то мы можем измерить временем не только движение, но и остановку, и сказать: «стояло столько же времени, сколько и двигалось» или «стояло вдвое

или втрое больше, чем двигалось» и прочее в том же роде, смотря по тому, точно наше исчисление или приблизительно: «больше», «меньше». Время, следовательно, не есть движение тела.

XI. XXVI. 33. Разве не правдиво признание души моей, признающей Тебе, что она измеряет время? Да, Господи Боже мой, я измеряю и не знаю, что измеряю. Я измеряю движение тела временем. И разве я не измеряю само время? Когда я измеряю, как долго движется тело и как долго проходит оно путь оттуда сюда, что я измеряю, как не время, в течение которого тело движется? А само время чем мне измерять? Более длинное – более коротким, подобно тому, как мы вымеряем балку локтем? Мы видим, что длительностью краткого слога измеряется длительность долгого: о нем говорится, что он вдвое длиннее. Мы измеряем величину стихотворения числом стихов, длину стиха – числом стоп, длину стоп – числом слогов и длительность долгих – длительностью коротких. Счет этот ведется независимо от страниц (в противном случае мы измеряли бы место, а не время), но по мере того, как слова произносятся и умолкают, мы говорим: «это стихотворение длинное; оно составлено до столькох-то стихов; стихи длинны – в них столько-то стоп; стопы длинны: они растянуты на столько-то слогов; слог долг, он вдвое длиннее короткого». Точной меры времени здесь, однако, нет; может ведь иногда случиться, что стих более короткий, но произносимый более протяжно, займет больше времени, чем стих более длинный, но произнесенный быстро. Так и с целым стихотворением, так и со стопой, так и со слогом. Поэтому мне и кажется, что время есть не что иное, как растяжение, но чего? не знаю; может быть, самой души. Что же я, Господи, измеряю, говоря или неопределенно: «это время длиннее того», или определенно: «оно вдвое больше того». Что я измеряю время, это я знаю, но я не могу измерить будущего, ибо его еще нет; не могу измерить настоящего, потому что в нем нет длительности, не могу измерить прошлого, потому что его уже нет. Что же я измеряю? Время, которое проходит, но еще не прошло? Так я и говорил.

XI. XXVII. 36. В тебе, душа моя, измеряю я время. Избавь меня от бурных возражений; избавь и себя от бурных возражений в сумя-

тице своих впечатлений. В тебе, говорю я, измеряю я время. Впечатление от проходящего мимо остается в тебе, и его-то, сейчас существующее, я измеряю, а не то, что прошло и его оставило. Вот его я измеряю, измеряя время. Вот где, следовательно, время, или же времени я не измеряю.

XI. XXIX. 39. Но так как «милость Твоя лучше, нежели жизнь», то вот жизнь моя: это сплошное рассеяние, и «десница Твоя подхватила меня» в Господе моем, Сыне Человеческом, посреднике между Тобой, Единым, и нами, многими, живущими во многом и многим; «да достигну через Него, как достиг меня Он». Уйдя от ветхого человека и собрав себя, да последую за одним. «Забывая прошлое», не рассеиваясь в мыслях о будущем и преходящем, но сосредоточиваясь на том, что передо мной, не рассеянно, но сосредоточенно «пойду к победе призвания свыше» и услышу «глас хвалы и буду созерцать красоту Твою», которая не появляется и не исчезает. Теперь же «годы мои проходят в стенаниях», и утешение мое Ты, Господи; Ты мой извечный Отец, я же низвергся во время, строй которого мне неведом; мысли мои, самая сердцевина души моей раздираются в клочья шумной его пестротой, доколе не сольюсь я с Тобой, очищенный и расплавленный в огне любви Твоей.

Творение

XII. I. 1. Скорбит сильно сердце мое, Господи, в этой скудости жизни моей, когда стучатся в него слова Святого Твоего Писания. Широковещательная речь прикрывает обычно нищету человеческого ума; искание речистее открытия, просьба длительнее ее удовлетворения, стучащая рука утруждена больше получающей. У нас есть обещание: кто извратит его? «Если Бог за нас, кто против нас?» – «Просите, и получите, ищите, и найдете, стучите, и отворят вам. Ибо всякий, кто просит, получает, ищущий находит, и стучащему отворят». Это обещания Твои, и кто же побоится обмана, когда обещает Истина?

XII. II. 2. Исповедую высоте Твоей ничтожество языка моего: Ты создал небо и землю – это небо, которое я вижу, и землю, которую попираю; из нее эта земля, которую я ношу. Ты это создал.

Где же, однако, Господи, небо небес, о которых мы слышали в псалме: «небо небес Господу; землю же дал Он сынам человеческим». Где это небо, которого мы не видим, перед которым все, что мы видим, земля? Этот дольный мир в целости своей – он, впрочем, не всюду целен – получил такую красоту в самых последних созданиях своих. И, однако, перед тем «небом небес» даже небо над нашей землей – земля. И эти оба больших тела действительно земля по сравнению с тем мне неведомым небом, которое принадлежит Господу, а не «сынам человеческим».

ХП. III. 3. Земля эта «была невидима и неустроена»; не знаю, что это за глубокая бездна, над которой не было света: она была лишена всякого вида, почему и велел Ты написать: «тьма была над бездной». Что это означает, как не отсутствие света? Где был бы свет, если бы он был? Он находился бы надо всем и все озарял. А так как света еще не было, то что означает присутствие тьмы, как не отсутствие света? Над бездной, следовательно, находилась тьма, ибо под ней света не было; это как со звуком: там, где его нет, там молчание. А что значит «там молчание»? То, что там нет звуков.

Не Ты ли, Господи, наставил эту душу, которая Тебе исповедуется? Не Ты ли, Господи, наставил меня; прежде чем Ты придал форму и красоту этой бесформенной материи, не было ничего: ни цвета, ни очертаний, ни тела, ни духа. И все-таки это не было полное «ничто»: было нечто бесформенное, лишненное всякого вида.

ХП. IV. 4. Каким же именем назвать это «ничто», чтобы о нем получили какое-то представление умы даже не очень острые? Каким-нибудь обычным словом, конечно. А что во всех частях вселенной найдется более близкого к полному отсутствию формы, как не земля и бездна? Находясь на самой нижней ступени творения, они, соответственно, и менее прекрасны, чем все светящиеся и сверкающие тела вверх. Почему же для обозначения бесформенной материи, которую Ты создал сначала без всякого вида, чтобы потом из нее создать мир, прекрасный видом, не взять мне столь знакомых людям слов, как «земля невидимая и неустроенная»?

ХП. V. 5. Когда же мысль ищет в этой материи, что в ней доступно уму, она говорит себе: «Это не нечто отвлеченное, как жизнь,

как справедливость, ибо это телесная материя, но она и чувственно не воспринимается, ибо в «невидимом и неустроенном» ничего нельзя увидеть и воспринять». Когда это говорит себе человеческая мысль, то к чему сводятся ее попытки? Знать, не понимая, или не понимать, зная?

ХII. VI. 6. Я же, Господи, – если бы исповедать Тебе устами моими и пером моим все, чему Ты научил меня об этой материи! Я слышал раньше ее название, не понимая его сути, и рассказывали мне о ней люди, ее тоже не понимавшие. Я мысленно представлял ее в бесчисленном разнообразии видов и, следовательно, не ее представлял. Душа моя кружилась среди беспорядочно перемешанных отвратительных и страшных форм, но все-таки форм. Я называл бесформенным не то, что было лишено всякой формы, но имело такую, от которой, явись она воочию, отвратились бы, как от непривычной и нелепой, мои чувства, и я бы, по человеческой слабости, пришел в замешательство.

То, что я мысленно себе представлял, было бесформенным не по отсутствию всякой формы, но по сравнению с формами более красивыми. Здравый разум убеждал меня совлечь начисто всякий остаток формы, если я мысленно хочу представить бесформенное; но я не мог. Я скорее счел бы лишненное всякой формы просто не существующим, чем мысленно представил себе нечто между формой и «ничто»: нечто не имеющее формы, но и не «ничто» – почти бесформенное «ничто».

Ум мой перестал тогда допрашивать воображение, полное образами тел, имевших форму, которые оно произвольно изменяло и разнообразило. Я направил внимание на самые тела, глубже оглядывался в их изменчивость: исчезает то, чем они были, и возникает то, чем они не были. Я начал подозревать, что этот самый переход из одной формы в другую совершается через нечто бесформенное, не через совершенное «ничто», и захотел знать, а не только подозревать.

Если бы мой голос и стиль исповедали Тебе все, что Ты распутал мне в этом вопросе, то у кого из моих читателей хватит терпения все это обдумать? Не перестанет, однако, сердце мое воздавать

Тебе честь и воспевать хвалу за то, о чем оно не в силах поведать. Итак, изменчивое в силу самой изменчивости своей способно принимать все формы, через которые, меняясь, проходит изменчивое. Что это такое? Душа? Тело? Некий вид души или тела? Если бы можно было о ней сказать: «ничто, которое есть нечто» и «есть то, чего нет» — я так и сказал бы. И все же она как-то была, дабы могло возникнуть видимое и устроенное.

ХП. VII. 7. Откуда же это «как-то была», как не от Тебя, от Которого все существующее, поскольку оно существует? Только чем оно с Тобой несходнее, тем оно дальше от Тебя, и не о пространстве тут речь.

Господи, Ты не бываешь то одним, то другим, то по-одному, то по-другому: Ты всегда то же самое, то же самое, то же самое — святой, святой, святой, Господь Всемогуший, Ты создал нечто из «ничего», началом, которое от Тебя, Мудростью Твоей, рожденной от субстанции Твоей. Ты создал небо и землю не из Своей субстанции: иначе Творение Твое было бы равно Единородному Сыну Твоему, а через Него и Тебе. Никким образом нельзя допустить, чтобы Тебе было равно то, что не от Тебя изошло. А кроме Тебя, Боже, Единая Троица и Троичное Единство, не было ничего, из чего Ты мог бы создать мир. Ты и создал из «ничего» небо и землю, нечто великое и нечто малое, ибо Ты всемогущ и добр и потому сотворил все добрым: великое небо и малую землю. Был Ты и «ничто», из которого Ты и создал небо и землю: два тела, одно близкое к Тебе, другое близкое к «ничто»; одно, над которым пребываешь Ты; другое, под которым ничего нет.

ХП. VIII. 8. «Небо небес» Твое, Господи; земля же, которую Ты дал «сынам человеческим», которую можно видеть и трогать, была не такой, какую мы сейчас видим и трогаем. Она была невидима и неустроена; это была бездна, над которой не было света: «тьма закрывала бездну», то есть была еще большей, чем в бездне. В бездне вод, ставших уже видимыми, даже на глубине есть своеобразный свет, как-то ощущаемый рыбами и гадами, ползающими по дну; тогда же все целиком было почти «ничто», потому что было совсем бесформенно и, однако, уже могло принять форму.

Ты же, Господи, создал мир из материи бесформенной, которую, почти «ничто», создал из «ничего», чтобы из этого создать великое, чему изумляемся мы, сыны человеческие. Так изумительно это зримое небо, эта твердь между водой и водой, которой Ты сказал на второй день после создания света: «да будет» – и стало так. Эту твердь Ты называл небом, но небом для этой земли и моря, которые Ты создал в третий день, дав зримый облик бесформенной материи, созданной до всех дней. И небо Ты создал до всех дней, но только «небо этих небес», ибо в начале создал Ты небо и землю.

Земля же эта, Тобою созданная, была бесформенной материей, была «невидима, неустроена, и тьма была над бездной». Из этой невидимой и неустроенной земли, из этого бесформенного, этого почти «ничто» Ты и создал все то, из чего этот изменчивый мир состоит, но не стоит он, это воплощение самой изменчивости. Она и позволяет чувствовать время и вести ему счет, ибо время создается переменной вещью: разнообразно в смене обликов то, чему материалом послужила упомянутая «невидимая земля».

ХП. IX. 9. Поэтому Дух, поучающий слугу Твоего, напомнив, что Ты сотворил вначале небо и землю, молчит о времени, ни слова не говорит о днях. И действительно, «небо небес», которые Ты создал вначале, есть мир духовный. Он ни в коем случае не извечен, как Ты, Троица, но все же причастен Твоей вечности. В сладостном счастье созерцать Тебя он не позволяет себе изменяться. Не зная падений, от самого времени сотворения своего прильнувший к Тебе, он находится вне круговой смены скользящего времени. И это бесформенное нечто, «земля невидимая и неустроенная», находилось также вне времени. Где нет никакого облика, никакого порядка, где ничто не приходит и не уходит, нет, конечно, ни дней, ни смены времен.

ХП. X. 10. О истина, свет моего сердца, пусть не говорит со мной темнота моя! Я скатился в нее, и меня обволокло тьмой, но и там, даже там я так любил Тебя. Я скитался и вспомнил Тебя. «Я услышал за собой голос Твой» и приказ вернуться, но едва услышал его в свалке тех, кто не знает мира. И теперь вот в поту, задыхаясь, возвращаюсь к источнику Твоему. Пусть никто не отго-

няет меня: из него буду пить, им буду жить. Да не в себе найду жизнь свою: я плохо жил собой, смертью был я себе: в Тебе оживаю. Говори со мной, наставляй меня. Я поверил книгам Твоим, но слова их – великая тайна.

ХП. XI. 11. Ты сказал мне уже, Господи, громким голосом во внутреннее ухо мое, что Ты вечный, «единый, имеющий бессмертие», ибо не меняешься Ты ни в облике, ни в движении, и не разной по времени бывает воля Твоя. Воля, желающая то одного, то другого, не может быть бессмертной. Это ясно мне «пред лицом Твоим» и да проясняется, прошу Тебя, все больше и больше: да пребуду я в откровении этом смиренно под крылами Твоими.

Также сказал Ты мне, Господи, громким голосом во внутреннее ухо мое, что все создания и все субстанции, которые не то, что Ты, но которые все же существуют, созданы Тобой; не от Тебя только то, что не существует. Уклонение воли от Тебя, Сущего, к тому, что существует ущербно, тоже не от Тебя; такое уклонение есть проступок и грех, но ничей грех не вредит Тебе и не разрушает порядка в твоём Царстве, ни на небесах, ни на земле. Это ясно мне «пред лицом Твоим» и да проясняется, прошу Тебя, все больше и больше; да пребуду я в откровении этом смиренно под крылами Твоими.

ХП. XI. 12. Также сказал Ты мне, Господи, громким голосом во внутреннее ухо мое, что не извечны и те создания, для которых Ты единственная радость. Упиваясь Тобой в неколебимой чистоте, нигде и никогда не выявляя изменчивость свою, всегда в присутствии Твоем, всей любовью привязанные к Тебе, не ожидая будущего, не переправляя в прошлое воспоминаний, они не подлежат сменам перемен и не разбрасываются во времени. Блаженны эти создания, причастные блаженству Твоему, блаженны потому, что вечно обитаешь Ты с ними и просвещаешь их. Не знаю, что вернее назвать «небом небес для Господа», как не эту обитель Твою, эти чистые умы, единые и согласные, в нерушимом мире святых духов созерцающие сладость Твою, без единого поползновения уйти – этих граждан града Твоего на небесах выше нашего неба.

ХП. ХІ. 13. Теперь да поймет душа, которую далеко завело ее странствие, что если она жаждет Тебя и если «слезы стали ей хлебом», когда ежедневно говорят ей: «где Бог Твой»?; если просит она «у Тебя одного и одного ищет» поселиться «в доме Твоем на все дни жизни своей» (а что ее жизнь, как не Ты? А что дни Твои, как не вечность, как и «годы Твои, которые не истощаются», ибо «Ты всегда тот же») – да поймет же душа, которая это может, как высоко стоишь Ты, вечный, над всеми временами, если и обитающие в жилище Твоем и не ушедшие странствовать, хотя и не извечны, как Ты, но не знают смены времен, находясь в общении с Тобой непрерывном и неразрывном. Это ясно мне «пред лицом Твоим» и да проясняется, прошу Тебя, все больше и больше; да пребуду я, получив это откровение, смиренно под крыльями Твоими.

ХП. ХІ. 14. Не знаю, какая бесформенная материя возникает при изменениях в самом последнем и низком. И кто осмелится сказать мне, кроме человека, который в пустоте сердца скитается и кружится среди созданий собственного воображения, – кто, кроме такого человека, осмелится сказать мне, что смена времен возможна при умалении и полном исчезновении всякой формы, когда останется одна бесформенная материя, которая позволяет одной форме изменяться и переходить в другую? Это вовсе невозможно, потому что без разнообразия в движении нет времени, а где нет никакой формы, нет и никакого разнообразия.

ХП. ХІІ. 15. Обдумывая это, Боже мой, поскольку Ты позволяешь, поскольку побуждаешь меня стучать и поскольку открываешь стучащему, нашел я, что Ты создал два мира, где нет времени, хотя ни один из них не извечен, как Ты: один устроен так, что в созерцании неослабном, в неизменности постоянной, хотя изменчивый, но неизменный, наслаждается он Твоей вечностью и неизменяемостью; другой был настолько бесформен, что в нем не было ничего, что могло перейти из одной формы движения или покоя в другую, то есть не было ничего, что подчинено времени. Ты не оставил этот мир бесформенным, ибо сотворил раньше всякого дня «в начале небо и землю», эти два мира, о которых я говорил.

«Земля же была невидима и неустроена, и тьма над бездной». Эти слова подсказывают понятие бесформенности и дают возможность постепенно понять их смысл людям, которые не могут представить себе, что и при отсутствии всякой формы что-то есть. Из этой бесформенной материи и возникли другое небо и земля, видимая и устроенная, и вода с ее красотой, и вообще все, упоминаемое при дальнейшем устройении мира с указанием дней: все это по свойствам своим подчинено смене времен в силу упорядоченных изменений в движении и форме.

ХП. ХІІІ. 16. Вот что мне пока стало понятно, Боже мой, когда я слышу, как говорит Писание Твое: «в начале Бог создал небо и землю, земля же была невидима и не устроена, и тьма была над бездной», не упоминая, в какой день Ты это создал. Стало пока мне понятно, что здесь говорится о «небе небес», «разумном небе», где разуму дано познать все сразу, а не частично, не «в загадке», не «в зеркале», а полностью, в откровении, «лицом к лицу»; не познать то одно, то другое, а, как сказано, сразу все, вне всякой смены времен. Не упомянуты дни потому, что земля, невидимая и неустроенная, была вне всякой смены времен, обуславливающей возможность то одного, то другого: там, где нет никакой формы, нигде нет «того» и «другого». Имея в виду, с одной стороны, нечто первоначально организованное, с другой – совершенно бесформенное: то небо, но «небо небес» и эту землю, но землю невидимую и неустроенную. Писание Твое, как стало мне пока понятно, и говорит, не упоминая дней: «в начале сотворил Бог небо и землю», и сразу же добавляет, о какой земле говорится. Упоминая же, что во второй день сотворена твердь, названная небом, оно дает понять, о каком небе раньше без указания дней шла речь.

ХП. ХІV. 17. Удивительна глубина слов Твоих! Вот перед нами их поверхность – она улыбается детям, но удивительна их глубина. Боже мой, удивительна глубина! С трепетом вглядываешься в нее, с трепетом почтения и дрожью любви. Ненавижу неистово врагов Писания. О, если бы погубил Ты их мечом обоюдоострым – да не будут они врагами его. Так хочу я, чтобы они погибли для себя, чтобы жить Тобой!

Вот и другие: они не нападают, они восхваляют Книгу Бытия и говорят: «не в том смысле сказал слова эти Дух Божий, написавший это через слугу своего Моисея, не в том смысле, как ты толкуешь, а в другом, как толкуем мы».

Взяв Тебя посредником, Господь всех нас, отвечаю им так:

ХП. XV. 18. Вы, пожалуй, скажете, что ложно сказанное мне Истиной громким голосом во внутреннее ухо: воистину вечен Творец; субстанция Его никоим образом не меняется во времени. Его воля слита с его субстанцией? И поэтому Он не хочет то одного, то другого; то, чего Он хочет, Он хочет раз и навсегда, а не по-разному: сейчас это, затем то, потом хочет того, чего не хотел, и не хочет того, чего хотел раньше. Подобная воля – воля изменчивая, а все изменчивое не вечно: «Бог же наш вечен».

Считете вы ложью и то, что сказала мне Истина во внутреннее ухо: ожидание того, что придет, становится созерцанием, когда оно пришло; и это созерцание становится воспоминанием, когда ожидаемое прошло; умственная деятельность, столь разнообразная, изменчива, и в силу этой изменчивости не вечна, «Бог же наш вечен».

Собираю эти мысли, объединяю их и нахожу, что Бог мой, Бог вечный, основал мир не по какому-то возникшему внове желанию, и что в знании его нет ничего преходящего.

ХП. XV. 19. Что скажете вы, спорщики? Это ложь? «Нет», – говорят они. А что еще? Разве неправда, что вся природа, принявшая форму, и вся материя, способная принять форму, получили свое бытие только от Него, в полной мере благодного, потому что Он в полной мере Сущий. «И этого не отрицаем». Что же еще? Вы отрицаете, что есть некие высокие создания, чистой любовью соединенные с Богом истинным и воистину вечным? Хотя они и не извечны, как Он, но они не удаляются от Него и не соскальзывают в пеструю смену времен, а покоятся в подлинном созерцании Его, единого, ибо им, кто любит Тебя так, как Ты учишь, Ты, Боже, являешь Себя, и с них этого довольно: они не уклоняются ни от Тебя, ни к себе. Это «дом Божий», не земной, не из плотной небесной массы, а духовный, причастный вечности Твоей,

ибо без пятна он вовеки. Ты учредил его «на веки и веки веков», «положил закон ему», и «он не прейдет». Он, однако, не извечен, как Ты, имея начало: он ведь был создан.

ХП. XV. 20. И мы не найдем времени до создания этого дома, ибо «раньше всего создана была мудрость» – не та Мудрость, конечно, которая извечна Тебе, Отцу своему, Боже наш, и Тебе равна, и которой все сотворено; то Начало, Которым «создал Ты небо и землю», – а мудрость сотворенная, то есть разумная природа, ставшая светом от созерцания света. И она, хотя и сотворенная, называется мудростью, но как свет, который освещает, отличается от света отраженного, так и мудрость, которая творит, отличается от той, которая сотворена; как правда оправдывающая отличается от правды, восстановленной оправданием. И о нас ведь сказано, что мы оправданы Тобой. Говорит ведь раб Твой: «чтобы мы в Нем сделались праведными перед Богом». Итак, «раньше всего сотворена была мудрость» – сотворены духи разумные и пребывающие в чистом граде Твоем, у матери нашей, которая «вверху, свободна и вечна в небесах». На каких же небесах, как не на тех, которые восхваляют Тебя, на небе небес, которое и есть «небо небес Господа»? И раньше этой мудрости мы не найдем времени, потому что она предшествовала сотворению времени, ибо «раньше всего была сотворена». Прежде нее, однако, был сам вечный Творец, от Которого она и получила начало, хотя и не во времени, ибо времени еще не было, начало собственного существования.

ХП. XV. 21. Итак, он от Тебя, Бога нашего, этот мир, совсем иной, чем Ты, не имеющий самостоятельного существования. Не только до него не было времени, но и в нем его нет, ибо способен он всегда взирать на Лицо Твое, никогда от него не отвращаясь. Поэтому нет в нем изменения и перемены, хотя ему свойственна изменчивость, которая могла бы окутать его мраком и холодом, если бы не был он связан с Тобой великой любовью, которой по милости Твоей сияет и горит, словно вечный полдень.

О, залитая светом прекрасная обитель! «Я возлюбил красоту твою и место, где обитает слава» Господа моего, твоего строителя и владельца. О тебе вздыхаю в странствии моем и говорю Тому,

Кто создал тебя: да владеет там и мною, ибо и меня ведь создал Он. «Я блуждал, как потерянная овца», но пастырь мой, зиждитель твой, надеюсь, принесет меня на плечах своих к тебе.

ХII. XV. 22. К вам обращаюсь, спорщики, признающие, однако, что и Моисей – благочестивый слуга Божий, и книги его продиктованы Святым Духом. Что вы мне скажете? Разве это не обитель Божия, не извечная правда, как Бог, но в меру свою «вечная на небесах», где вы напрасно ищите смены времен: вы ее не найдете. Она поднялась над всей «длительностью времен», над всем его круговоротом; там всегда «благо прильнуть к Богу». – «Да, она есть», – говорят они. Что же из того, о чем сердце мое «возопило к Богу моему», услышав внутри «голос хвалы» Его, что, утверждаете вы, здесь неправда? Существование бесформенной материи, совершенно не упорядоченной по отсутствию всякой формы? Но при отсутствии всякой упорядоченности не могло быть и смены времен. И, однако, это «почти ничто» (поскольку оно не было совсем «ничто») было, конечно, от Того, от Которого есть все, что есть, поскольку оно хоть как-то есть. «И этого, – говорят они, – мы не отрицаем».

ХII. XVI. 23. Я хочу кое о чем побеседовать – перед Тобою, Господи, – с теми, которые признают истиной все то, о чем в душе моей, внутри, не умолчала Истина Твоя. Те же, кто ее отрицает, пусть себе лают, сколько хотят, оглушая себя самих. Я попытаюсь их убедить: пусть успокоятся и проложат дорогу слову Твоему к себе. Если же они этого не захотят и оттолкнут меня, молю Тебя, Боже мой, «не будь безмолвен вдали от меня». Говори по всей истине в сердце моем, – только Ты будешь так говорить, – я выгоню их вон: пусть вздымают пыль дыханием своим и засыпают ею глаза свои; да войду «в комнату мою» и воспою тебе песню любви, стена «стенаниями неизреченными» в странствии моем. И вспоминая Иерусалим, вознесусь всем сердцем к тебе, Иерусалим, отечество мое, Иерусалим, мать моя, и к Тебе, царящий в нем и его просвещающий, отец, хранитель, супруг, к его усладам чистым и крепким, к радости прочной, ко всем его несказанным благам, ко всем вместе, ибо Ты единое истинное и высочайшее благо.

Да не отвращусь от Тебя, пока Ты не водворишь меня в покое ее, покое дорогой матери, где находятся начатки духа моего, откуда все мое достоверное знание; пока не соберешь меня, рассеянного, не преобразишь, безобразного, и не утвердишь в вечности, Боже мой, Милосердие мое.

С теми же, кто не объявляет всех этих истин ложью, кто читает святые книги Твои, написанные Моисеем, человеком святым, и вместе с нами ставит их выше всех авторитетов, которым надлежит следовать, но, тем не менее, кое в чем нам возражают, я побеседую так. Ты же, Боже наш, будь посредником между моим исповеданием и возражениями их.

ХП. XXI. 30. То же самое относится и к пониманию следующих слов: «земля же была невидима и неустроена, и тьма была над бездной». Из всех верных толкований один выбирает себе такое: «то телесное, что создал Бог, было еще бесформенной материей для существ телесных, беспорядочной и не освещенной». Другой: «земля же была невидима и неустроена, и тьма была над бездной» — это значит, все, что называется небом и землей, было еще бесформенной и темной материей, из которой и созданы наше небо и наша земля со всем, что на них познается телесными чувствами». Третий: «земля была невидима и неустроена, и тьма была над бездной», это значит, все, что было названо небом и землей, было еще бесформенной и темной материей, из которой возникли умопостигаемое небо — в другом месте оно называется «небом небес» — и земля, то есть все телесное, включая сюда и это наше земное небо; иначе говоря, имеется в виду материя, из которой возник весь видимый и невидимый мир. Еще толкование: «земля была невидима и неустроена, и тьма была над ней». Писание назвало именем неба и земли вовсе не эту бесформенную материю; «землей невидимой и неустроенной и темной бездной» именуется оно то бесформенное, уже существовавшее, из чего, как сказано в Писании раньше, Бог создал небо и землю, то есть миры духовный и телесный. Есть и другое толкование: «земля была невидима и неустроена, и тьма была над бездной», то есть нечто бесформенное было уже материей, из которой Бог, как сказано раньше в Писании, создал

небо и землю, то есть всю телесную мировую массу, разделенную на две огромные части, верхнюю и нижнюю, со всем, что на них создано, известно и привычно.

Любовь

ХIII. VIII. 9. Дай мне Тебя, Боже мой, верни мне Тебя: я люблю Тебя. Если мало, дай полюбить сильнее. Я не могу измерить и узнать, сколько не хватает мне до любви совершенной, когда я кинулся бы в объятия Твои и не оторвался бы от Тебя, пока «не скрылся бы под покровом лица Твоего». Знаю только, что плохо мне без Тебя – не только вовне, но и внутри себя, и нищета для меня всякое богатство, которое не есть Бог мой.

ХIII. IX. 10. А разве Отец и Сын не носились над водами? Если думать о них как о телах в пространстве, то этого нельзя сказать и о Духе Святом; если же думать о неизменном Божественном величии, пребывающем над всем изменяющимся, то и Отец, и Сын, и Дух Святой «носились над водами».

Почему, однако, это сказано только о Духе Твоем? Почему только по поводу Его сказано, где Он находился, словно это место в пространстве? Почему о Нем одном сказано, что Он «Дар Твой»? В даре Твоем отдыхаем мы, наслаждаемся Тобой. Отдых наш – это «место» наше.

Любовь туда возносит нас, и благой Дух Твой поднимает нас, низких, прочь от дверей смерти. Покой Твой для нас в доброй воле. Всякое тело вследствие своего веса стремится к своему месту. Вес тянет не только вниз, он тянет к своему месту. Огонь стремится вверх, камень – вниз; они увлекаемы своей тяжестью, они ищут свое место. Масло, если налить его вниз, поднимется над водой; вода, налитая на масло, пустится вниз; они увлекаемы своей тяжестью, они ищут свое место. Где нет порядка, там беспокойство; упорядоченное успокаивается. Моя тяжесть – это любовь моя: она движет мною, куда бы я ни устремился. Даровано Тобой воспламеняться и стремиться вверх: пылаем, идем. Поднимаемся, поднимаясь сердцем, и поем песнь восхождения. Огнем Твоим, благим огнем Твоим пылаем, идем; поднимаемся к миру Иерусалима.

«Возвеселился я среди тех, кто сказал мне: мы пойдем в дом Господень». Там поместит нас добрая воля, и ничего мы больше не пожелаем, как пребывать там вовеки.

ХIII. X. 11. Счастливы существа, не знавшие другого состояния! Они стали бы другими, если бы Дар Твой, паривший надо всем изменяющимся, сразу же, как только они были созданы, пока не прошло и мгновения, не поднял их на зов: «да будет свет! и стал свет». Мы различаем время, когда были тьмой, и то, когда стали светом. О них же сказано только, чем они были бы, не будучи озарены; сказано об их первоначальной неустойчивости и темноте, дабы выяснить, почему стали они другими: обратившись к свету немеркнущему, стали они светом. Кто может, да поймет; да просит у Тебя понимания. Зачем надоедать мне, будто я могу просветить хоть одного «человека, приходящего в мир»?

О граде Божиим*

О двух градах

XIV. 18. Итак, два града созданы двумя родами любви: земной – любовью к себе, дошедшей до презрения к Богу; небесный – любовью к Богу, дошедшей до презрения к себе. Первый полагает славу свою в самом себе, второй – в Господе. Ибо тот ищет славы от людей, а для этого величайшая слава – Бог, свидетель совести. Тот в славе своей возносит главу, а этот говорит Богу своему: «Ты, Господи... слава моя, и Ты возносишь голову мою» (Пс. 3 : 4). Тем правит похоть господствования, в этом служат друг другу по любви. Тот любит в своих лучших людях свою же силу, а этот говорит: «Возлюблю Тебя, Господи, крепость моя!» (Пс. 17 : 2). Поэтому в том граде мудрые его, живя по человеку, добивались некоторых благ для тела или души своей или для того и другого разом, но которые могли познать Бога, «не прославили Его как Бога и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось

* Извлечения из кн.: *Бл. Августин. Творения* : в 4 т. СПб. : Алетейя, 1998. Т. 4. О граде Божиим. Кн. 14–22. С. 48–49, 350–352.

несмысленное их сердце: называя себя мудрыми» (то есть превозносясь под влиянием гордости своею мудростью), «обезумели и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся» (ибо в почитании идолов этого рода были или вождями народов, или последователями), «и поклонялись и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки» (Рим. 1 : 21–25). В этом же граде нет иной мудрости, кроме благочестия, которое правильно почитает истинного Бога, ожидая в обществе святых, не только людей, но и ангелов, той награды, когда «будет Бог все во всем» (1 Кор. 15 : 28).

XIX. 17. Но дом людей, не живущих верою, домогается от вещей выгод этой временной жизни земного мира. Дом же людей, живущих верой, ожидает того, что обещано в будущем как вечное, а вещами земными и временными пользуется как странствующий: не для того, чтобы увлекаться ими и забывать о своем стремлении к Богу, а для того, чтобы находить в них поддержку для более легкого перенесения тягостей тленного тела, которое обременяет душу (Прем. 9 : 15). Таким образом, те и другие люди, тот и другой дом одинаково пользуются вещами, необходимыми для этой смертной жизни; но цель пользования у каждого своя, и весьма различная. Так же точно и земной град, который верою не живет, стремится к земному миру и к нему направляет согласие в управлении и повиновении граждан, чтобы относительно вещей, касающихся смертной жизни, у них был до известной степени одинаковый образ мыслей и желаний. Град же небесный или, вернее, та его часть, которая странствует в этой смертности и живет верой, поставлен в необходимость довольствоваться и таким миром, пока минует сама смертность, для которой он нужен. Поэтому, пока он проводит как бы плененную жизнь своего странствования в областях земного града, хотя и получив уже обетование искупления и в виде залога его — дар духовный, он не колеблется повиноваться законам земного града, которыми управляется то, что служит для поддержания смертной жизни, чтобы, поскольку обща сама смертность, в вещах, к ней относящихся, сохранялось согласие между тем и другим градами. Но земной град имел неких своих, Божественным

учением не одобряемых мудрецов, которые, будучи надоумлены или обмануты демонами, полагали, что к человеческому миру следует приурочить многих богов, к различным как бы должностям которых относятся различные подведомые предметы: одному подведомо тело, другому – душа; и в самом теле одному – голова, другому – шея и прочее, особое – особому; так же точно в душе одному – ум, другому – наука, иному – гнев, иному – пожелание; и в самих житейских делах одному – скот, другому – пшеница, третьему – вино, тому – масло, этому – леса, иному – монета, иному – судоходство, иному – войны и победы, иному – супружества, иному – роды и плодovitость, иным – прочее в том же роде. Град же небесный знал, что следует почитать только единого Бога, и с истинным благочестием полагал, что только Ему следует служить тем служением, которое по-гречески называется латриа и обязательно лишь в отношении к Богу. Из-за этого вышло так, что он не мог иметь с градом земным общих религиозных законов и был поставлен в необходимость вследствие этого спорить с последним, стал в тягость людям противоположного образа мыслей, подвергся их гневу, ненависти и преследованиям, пока, наконец, страхом своего многолюдия и всегдашней Божественной помощью не обуздал дерзости своих врагов.

Итак, этот небесный град, пока он находится в земном странствовании, призывает граждан из всех народов и набирает странствующее общество во всех языках, не придавая значения тому, что есть различного в нравах, законах и учреждениях, которыми мир земной устанавливается или поддерживается; ничего из последнего не отменяя и не разрушая, а напротив, сохраняя и соблюдая все, что хотя у разных народов и различно, но направляется к одной и той же цели земного мира, если только не препятствует религии, которая учит почитанию единого высочайшего и истинного Бога. Пользуется, таким образом, и небесный град в этом земном странствовании своим миром земных, и в предметах, относящихся к смертной человеческой природе, насколько это совместимо с благочестием и религией, сохраняет и поддерживает единство образа человеческих мыслей и желаний и направляет этот земной

мир к миру небесному. Последний же мир такого свойства, что единственно должен считаться и называться миром разумной твари. Это самое упорядоченное и самое единодушное общение в наслаждении Богом и взаимно – в Боге. Когда этот мир наступит, будет жизнь не смертная, а непосредственно и несомненно живая; и тело не душевное, которое, пока тленно, отягощает душу, а духовное, без ощущения неудовлетворенности в чем-либо, во всех отношениях подчиненное воле. Пока странствует, он имеет этот мир в вере и по этой вере живет праведно, когда направляет к достижению онтого мира все доброе, что совершает для Бога и ближнего, так как жизнь града, во всяком случае, есть жизнь общественная.

Толкование на псалом 101

(II : 10, 14)*

Бытие и история

In generatione generationum anni tui. Но «Твои лета»... Что суть они? Что они, если не лета неприходящие и непроходящие? Лета неприходящие, чтобы больше не существовать. В том времени, где мы пребываем, каждый день наступает с тем, чтобы в конце концов закончиться. Каждый час, каждый месяц, год – все проходит. Перед наступлением онтого – это еще будущее; однажды не наступив, оно уже не придет более. Но Твои лета – вечные, неизменные; они будут in generatione generationum. Стало быть, есть «род родов», и это в нем пребывают Твои лета. Но что же он такое? Если мы правильно понимаем, он есть нечто, к чему мы придем, и лета Господа будут в нас согласно тому, что сказано: «Да будет Бог во всем», «ut sit Deus omnia in omnibus» (1Кор. 5 : 28). Итак, лета Господа – не что иное, как сам Господь; лета Бога суть вечность Бога; вечность же – сама сущность Бога, никогда не меняющаяся. Там нет прошедшего, которого уже не было, нет ничего от будущего, которое

* Извлечения из кн.: *Марру А.-И.* Св.Августин и августинианство / пер. О. Головой. Долгопрудный : Вестком, 1999. С. 102–103.

еще не наступило. Там есть только настоящее; нет ни «было», ни «будет», ибо то, что было, не есть более, а то, что будет, не есть еще, тогда как все то, что есть там, просто-напросто «есть».

С этим наставлением и с полным основанием Бог отправил своего раба Моисея. Моисей спросил имя Того, кто его послал. Он спросил Его, и он услышал Его, и заветное желание его сердца не осталось неисполненным. Но спросил он не из удовлетворения своего дерзкого любопытства, а чтобы иметь возможность исполнить свою миссию. «Что скажу сынам Израилевым, – спросил он, – если они скажут мне: Кто послал тебя к нам?» На что Бог сказал ему как Творец творению, как Бог человеку, как бессмертный смертному, как вечный бренному: «Я есмь Сущий», *Ego sum qui sum* (Исх. 3 : 14).

Допустим, ты говоришь: «Я есмь». Но кто ты? Скажем, Гай, или Луций, или Марк. Разве ты не добавишь нечто вроде «я есмь», чтобы назвать свое имя? То же ожидалось и от Бога. Ему был задан вопрос: как твое имя? Что отвечу я, когда меня спросят: «Кто тебя послал?» – «Я есмь». – Но кто? – «Тот, кто есть сущий». И это твое имя? Именно так тебя зовут? Но тогда ты должен называться самим Сущим, если все прочее по сравнению с Тобой не лишено сущности? Вот твое имя! Вырази же это яснее! – «Иди, – ответил Бог, – и скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам».

«Я есмь Сущий. Сущий послал меня к вам». Как велико это Сущее! Как оно велико! А человек по отношению к нему, что он такое? Перед величием этого Сущего что есть человек? Чем, впрочем, он может быть? Кто сможет постичь это Бытие? Кто будет причастен Ему? Кто хочет, желает Его? Кто похвастается, что смог войти в Него?

Не отчаивайся, слабость человеческая. Я есмь, – говорит Он, – Бог Авраама, Исаака и Иакова. Ты уже услышал, что Я есмь сам по себе, слушай сейчас, что Я есмь для тебя. Итак, Вечность нами уже названа. И из Вечности появилось Слово? Да, это была уже Вечность, уже Слово, но еще не Время.

Почему же еще не Время? Потому что и время тоже было сотворено. И как же возникло время? «Все через него начало быть,

и без Него ничего не начало быть, что начало быть» (Ин. 1 : 3). О, Слово, предшествующее временам, через которое времена начали быть, но рожденное все-таки во времени! Оно есть жизнь вечная, чтобы создать временность и из нее сделать вечность. Вот он, род родов, «ибо род проходит, и род приходит» (Еккл. 1 : 4). И вы видите эти роды человеческие на земле, как листья на деревьях — на оливах, лаврах или других вечнозеленых. Так и земля носит на себе людей, как листья; она полна людьми, сменяющимися друг друга, — одни рождаются, тогда как другие умирают. И это дерево также никогда не сбрасывает своего вечнозеленого наряда; но взгляни вниз: ты идешь по ковру опавших мертвых листьев...

Стало быть, «Ты — тот же, и лета Твои не кончатся» (Пс. 101 : 28); а мы, что есмь мы с нашими жалкими летами перед Твоими? Но не станем отчаиваться. Во всем своем величии и мудром превосходстве сказал Бог: «Я есмь Сущий» и добавил, чтобы нас успокоить: «Я есмь Бог Авраама, Исаака и Иакова». Но мы тоже семя Авраамово (Гал. 3 : 29). Мы тоже смиренны, и мы надеемся на Него, даже если мы не что иное, как земля и зола. Мы рабы, и это ради нас Господь принял образ раба (Фил. 2 : 7); это ради нас, смертных, Он пожелал умереть; наконец, нам подал пример воскрешения. Так будем надеяться, что мы достигнем Его недвижимых лет, в коих солнечный круг не определяет день, но где Тот, Кто существует, остается прежним, так как истинно существует лишь Он.

Вопросы для обсуждения

1. Каковы цели «Исповеди»? Назовите по крайней мере четыре.
2. Какова, по мнению Аврелия Августина, природа зла, и что такое грех?
3. Каким образом, по св. Августину, познается Бог?
4. Что, по мнению св. Августина, собою представляет время, и как оно измеряется?
5. Каковы, по мнению автора, характеристики двух градов?

Глава 7

ПОЗДНЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ ПАТРИСТИКА

Патристика, то есть интеллектуальное наследие отцов церкви, лидеров христианских общин, отличавшихся не только интеллектуальным превосходством, но и праведным образом жизни, представляет собой корпус наиболее авторитетных текстов. В них уже не просто рассматриваются отдельные вопросы, но выстраиваются цельные системы христианской философии. Временные рамки оказываются довольно условными, поскольку к греческим отцам церкви относят как Климента Александрийского (ок. 150 – 215), так и Григория Паламу (1269–1357). Особо стоит отметить Кирилла Александрийского, псевдо-Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина. Для большинства греческих авторов основным философским источником служил неоплатонизм.

Дионисий Ареопагит (между V и VI в.)

Совокупность текстов, состоящих из трактатов «О Божественных именах», «О небесной иерархии», «О церковной иерархии», «О мистическом богословии» и десяти посланий, которая известна как *Corpus areopagiticum*, «Ареопагитики», на протяжении веков считалась принадлежащей авторству Дионисия Ареопагита, обращенного апостолом Павлом афинянина (Деян. 17 : 34). Тем самым «Ареопагитики» имели высочайший авторитет и огромное влияние. Тексты изобилуют указаниями на то, что их автор – современник апостолов, а также упоминаниями дополнительных текстов того же автора. Сегодня мы знаем, что ни авторство, ни упомянутые «несохранившиеся» сочинения не являются подлинными, хотя недавно сделано предположение, что автор «Ареопагитик», столь увлекавшийся написанием сочинений под псевдонимом,

мог использовать тот же подход и в других случаях. Так, «Богословские очерки», возможно, сохранились как трактат «О Троице» под именем Дидима Слепца. Корпус представляет собой невероятной сложности и красоты литературную подделку, появившуюся впервые на рубеже V и VI вв. и выполненную на основе сочинений Прокла (412–485). Однако литературная претензия на древность сочинения ничуть не умаляет философских достоинств корпуса.

Внешне корпус создает впечатление систематического изложения христианской теологии (имея отсылки к другим текстам корпуса, сохранившимся и недоступным), которое подобно инициации в эзотерическое учение мистического культа. Такие понятия, как «иерархия», «таинство», «Божественные речения», «исступление» и символизм, который представляет собой один из главных методов постижения «высшего знания», свидетельствуют о глубине платонического влияния. Однако этот символический метод применяется прежде всего к осмыслению Священного Писания. Так, Божественные имена, то есть понятия, которые мы можем приложить к Божеству, черпаются из Божественного откровения. Именно они утверждаются нами о Боге в катафатическом богословии: «...не подобает... сметь сказать что-либо или подумать об этой сверхсущественной и сокровенной божественности помимо того, что боговидно изъяснено нам священными речениями» (БИ 1.2). Именно они отрицаются нами в апофатическом богословии: «...постигая превосходящее нас свойственным нам образом, окутанные врожденными нам чувствами, низводя Божественное до привычного нам, мы заблуждаемся, стараясь через явленное постичь невыразимое Божественное Слово. ...В соответствии с этим Божественное надлежит постигать не нашими силами, но полным самих себя из самих себя исступлением и в Божьих обращении» (БИ 7.1). Именно они преодолеваются нами, замолкающими, в богословии мистическом: «входя в сущий выше ума сумрак, мы обретаем не малословие, но совершенную бессловесность и неразумение» (МБ 3).

Глубина и систематичность созданного «Ареопагитиками» христианско-платонического синтеза оказали влияние на всю последующую философскую мысль – как греческую, так и латинскую.

О мистическом богословии*

Глава 1

Что такое Божественный мрак

1. Троица пресущественная, пребожественная и преблагая, руководящая премудростью христиан, направь нас к таинственным слов пренепознаваемой пресветлой и высочайшей вершине, где простые, абсолютные и неизменные таинства богословия, окутанные пресветлым сумраком сокровенно-таинственного молчания, в глубочайшей тьме пресветейшим образом сияют и совершенно таинственно и невидимо прекрасным блеском преисполняют безглазые умы. Молюсь, чтобы было мне так.

Ты же, дорогой Тимофей, усердно прилеж мистическим созерцаниям, оставь как чувственную, так и умственную деятельность и вообще все чувственное и умозрительное, все не сущее и сущее и из всех сил устремись к соединению с Тем, Кто выше всякой сущности и познания. Неудержимым и абсолютным из себя и из всего исступлением все оставивший и от всего освободившийся, ты безусловно будешь возведен к пресущественному сиянию Божественной тьмы.

2. Смотри, однако же, чтобы никто из непосвященных об этом не услышал. Таковыми я называю привязанных к сущему, воображающих, что ничего сверх сущего сверхсущественно не существует, но полагающих, что своим собственным разумом они способны ведать «Положившего тьму покровом Своим» (2 Цар. 22 : 12; Пс. 17 : 12). Если выше таковых оказываются Божественные таинования, то что и говорить о еще менее причастных к тайнам, которые лежащую над всем Причину изображают как последнее из сущего и утверждают, что Она ничем не превосходит создаваемых ими безбожных многообразных форм?! Подобаает между тем Ей как всеобщей Причине приписывать все качества сущего и еще более подобаает их отрицать, поскольку Она превыше всего суща;

* Извлечения из кн.: *Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника.* СПб. : Алетейя, 2002. С. 736–763.

и не надо при этом считать, что отрицание противоречит утверждению, так как Она намного первичнее и выше умалений, выше всякого и отрицания, и утверждения.

3. Так, божественный Варфоломей говорит ведь, что и велико богословие, и мало, и Евангелие и пространно, и велико, но при этом и кратко. Мне кажется, он совершенным образом понимал, что и многословесна благая Причина всего, и малоречива, и даже бессловесна настолько, что не имеет ни слова, ни мысли по причине того, что все Она сверхсущественно превосходит и неприкрыто и истинно изъясняется одним тем, кто, нечистое все и чистое превзойдя и на все и всяческие святые вершины восхождение одолев и все Божественные свету, и звуки, и речи небесные оставив, вступает в сумрак, где воистину пребывает, как говорит Писание, Тот, Кто вне всего.

И ведь не сразу божественный Моисей – сначала ему было повелено очиститься самому и от неочищенных отделиться – лишь после всяческого очищения услышал многогласные трубы и увидел свету многие, чисто сияющие, и разнообразные лучи. После этого он покинул толпу и с избранными священниками достиг вершины божественных восхождений. Но и там он беседовал не с Самим Богом и видел не Его Самого, ибо Тот незрим, но место, где Тот стоял. Это указывает, как мне кажется, на то, что божественнейшие и высочайшие из предметов созерцания и разума являются всего лишь некоторыми гипотетическими выражениями подножий все Превосходящего, с помощью которых обнаруживается превышающее всякое мышление присутствие Того, Кто опирается на умственные вершины Его святых мест.

И тогда Моисей отрывается от всего зримого и зрящего и в сумрак неведения проникает воистину таинственный, после чего оставляет вся, кое познавательное восприятие и в совершенной темноте и незрячести оказывается, весь будучи за пределами всего, ни себе, ни чему-либо другому не принадлежа, с совершенно неведущей всякого знания бездеятельностью, в наилучшем смысле соединяясь и ничего-не-знанием сверхразумное уразумевая.

Глава 2
***Как подобает восходить
ко всеобщей и все превосходящей Причине
и Ее воспевать***

Молимся о том, чтобы оказаться нам в этом пресветлом сумраке и посредством невидения и неведения видеть и разуметь то, что выше созерцания и знания, что невозможно ни видеть, ни знать, ибо это и есть поистине видеть и ведать; и чтобы Пресущественного пресущественно воспеть путем отъятия всего сущего, подобно создателям самородно цельной статуи изымая все облегающее и препятствующее чистому восприятию сокровенного, одним отъятием выявляя как таковую сокровенную красоту.

Подобает, как мне кажется, отъятия предпочитать прибавлениям. Ибо, прилагая, мы сходим от первейших через среднее к последним, а в этом случае, восходя от последних к первейшим, все отнимаем, чтобы, открыв, уразуметь то неведение, прикровенное в сфере сущего познаваемым, и увидеть тот пресущественный сумрак, скрываемый всяческим светом, связанным с сущим.

Глава 3
***Каково катафатическое богословие
и каково апофатическое***

В «Богословских очерках» мы раскрыли, что принадлежит собственно катафатическому богословию: почему Божественная и благая Природа называется единственной, почему тройственной, что в ней именуется Отцовством и Сыновством, прояснению чего служит богословие Духа, как от невещественного и неделимого Блага происходят в сердце благодатные светлы и пребывают в нем, в самих себе и друг в друге неотрывны ми от совечного их возникновению Пребывалища; почему пресущественный Иисус восуществляется естественными для человека истинами; и остальное, что явлено Писанием, разъяснено в «Богословских очерках».

В книге же «О Божественных именах» говорится о том, почему Бог именуется Благим, почему Сущим, почему Жизнью, Премудростью, Силой и прочим, чем пользуется умозрительное богоименование.

В «Символическом же богословии» – каковы от чувственного на Божественное метонимии; что такое Божественные формы; каковы Божественные образы, части, органы; что представляют собой Божественные места, миры; каковы стремления, страдания, негодования; что такое упоения и похмелья; каковы клятвы и проклятия; что – сны; каковы пробуждения и что представляют собой прочие священнозданные формы символического богословия.

Ты, я думаю, видел, насколько последнее многословнее первого. Подобаает ведь «Богословским очеркам» и раскрытию Божественных имен быть короче «Символического богословия». Ибо по мере нашего восхождения вверх речи вследствие сокращения умозрений сокращаются. Так что и ныне, входя в сущий выше ума сумрак, мы обретаем не малословие, но совершенную бессловесность и неразумение.

А оттуда, сверху, до пределов нисходя, слово по мере нисхождения соответствующим образом распространяется. Но теперь, восходя от нижнего к высшему, по мере восхождения оно сокращается, и после полного восхождения будет вовсе беззвучным, и все соединится с невыразимым.

Почему, спрашиваешь ты, утверждения о Божественном начиная с первичного, Божественные отъятия мы начинаем с последнего? Потому что, высказывая утверждение о все превосходящем, подобает начинать гипотетическую катафазу с более тому родственного. Отнимая же от того, что выше всякого отъятия, начинать отнимать с более от того удаленного. Разве не более Бог жизнь и благодать, нежели воздух и камень? И не в большей ли мере не бывает Он в похмелье и не гневается, чем не может быть выражен словом или помыслен?

Глава 4

Что ничем из чувственного не является, превосходя его, Причина всего чувственного

Итак, мы утверждаем, что Причина всего, будучи выше всего, и не сущностна, и нежизненна, не бессловесна, не лишена ума и не есть тело; не имеет ни образа, ни вида, ни качества, или количества, или величины; на каком-то месте не пребывает, невидима, чувственного осязания не имеет; не воспринимает и воспринимаемой не является; Ей не свойственны беспорядок, смута и беспокойство, возбуждаемые страстями материи; Она не бессильна, как не подверженная чувственным болезням, не имеет недостатка в свете; ни изменения, ни тления, ни разделения, ни лишения, ни излияния не претерпевает и ничего другого из чувственного Она не представляет Собой и не имеет.

Глава 5

Что ничем из умственного не является, превосходя его, Причина всего умственного

Далее восходя, говорим, что Она не душа, не ум; ни воображения, или мнения, или слова, или разумения Она не имеет; и Она не есть ни слово, ни мысль; Она и словом не выражима и не уразумеваема; Она и не число, и не порядок, не величина и не малость, не равенство и не неравенство, не подобие и не отличие; и Она не стоит, не движется, не пребывает в покое, не имеет силы и не является ни силой, ни светом; Она не живет и не жизнь; Она не есть ни сущность, ни век, ни время; Ей не свойственно умственное восприятие; Она не знание, не истина, не царство, не премудрость; Она не единое и не единство, не божественность или благость; Она не есть дух в известном нам смысле, не сыновство, не отцовство, ни что-либо другое из доступного нашему или чьему-нибудь из сущего восприятию; Она не что-то из не-сущего и не что-то из сущего; ни сущее не знает Ее такой, какова Она есть, ни Она не знает сущего таким, каково оно есть; Ей не свойственны ни слово, ни имя,

ни знание; Она не тьма и не свет, не заблуждение и не истина; к Ней совершенно не применимы ни утверждение, ни отрицание; и, когда мы прилагаем к Ней или отнимаем от Нее что-то из того, что за Ее пределами, мы и не прилагаем и не отнимаем, поскольку выше всякого утверждения совершенная и единая Причина всего и выше всякого отрицания превосходство Ее как совершенно для всего запредельной.

ПОСЛАНИЕ 8*

Димофилу служителю

[О занятии своими делами и о доброте]

1. Исторические книги евреев говорят, добрый Димофил, что оный священный Моисей был удостоен Боявления за великую кротость (см. Чис. 12 : 3). И если иногда они и представляют его лишенным Божественного лицезрения, то отвергают его от Бога не прежде, чем сообщают, что он потерял кротость. Они же говорят, что сильной яростью разгневался на него Господь как на самовольного и противящегося Божественным советам человека (Исх. 4 : 14). А когда они показывают его руководствующимся богорассудными ценностями, то провозглашают его таковым по причине преимущественного богоподражания Благу.

Он ведь был очень кротким, и поэтому о нем говорится как о рабе (служителе) Божиим (Исх. 14 : 31), более всех пророков удостоенном боговидения (Чис. 12 : 6–8). Даже когда на него и на Аарона напали некие дерзкие люди из-за первосвященства и народоначалия, он оказался выше всякого славолубия и властолюбия и предоставил богоизбранному (*букв.* – «феокриту») предстательствовать за людей (Чис. 16:1–7). Поскольку же и восстали на него, и поносили его из-за первенства, и почти что бросились уже на него, он, кроткий, призвал Благое во спасение и вполне справедливо

* Извлечения из кн.: *Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника.* СПб. : Алетей, 2002. С. 796–827.

представил, что он не виновен во всем злом, что творят начальствуемые. Он ведь знал, что беседующему с благим Богом подобает, насколько это возможно, отображать в себе в первую очередь Его подобие и уметь совершать благолюбивые деяния.

Что же делает богоотца Давида боголюбезным? Именно то, что он был добрым, и даже к врагам был добр. «Обрел, – говорит пре-благой, – мужа по сердцу моему» (ср.: Пс. 88 : 21). И в самом деле, благое законоположение даровано нам – заботиться даже о подъяремных врага (см.: Исх. 23 : 4–5). И Иов как обладавший беззлобием был оправдан (см.: Иов. 1 : 1–8; 42 : 10–12), и Иосиф не наказал братьев-заговорщиков (см.: Быт. 50 : 19–21), и Авель просто и без сомнений пошел с братоубийцей (см.: Быт. 4 : 8). И все, о ком проповедует богословие, благообразны, не замышляют зла, и даже чужая злоба не отвращает их от добра, но совершенно напротив – они и злых боговидно ублажают, простирают и на них свою многую благодать и их к подобному же кротко призывают.

Но восклонимся горе, не кротость священных мужей возвещая, не благодать человеколюбивых ангелов, милующих народы и молящихся о них Благому (см.: Зах. 1 : 12), запрещающих губительным злодейским множествам творить зло (см.: Зах. 3 : 2), огорчающихся от злых поступков людей, радующихся же спасению призываемых к благу (см.: Лк. 15 : 10), и все другое, что богословие передает о добродетельных ангелах, но, в безмолвии приема благотворящие лучи поистине благого и сверхблагого Христа, с их помощью да возведены будем светом к Его Божественным благодеяниям.

Разве это не свойство неизреченной и превышающей ум Благости – сотворить сущее и все его ввести в бытие и хотеть, чтобы все было близким к Ней и всегда причастным того, что свойственно Ему, соответственно пригодности каждого? Как понять, что и за отступающих Он с любовью держится, и спорит, и молит не презирать их, когда они влюблены и сокрушенны, и терпеливо поддерживает бранящих Его и Сам их защищает? И еще больше обещает заботиться о них, и когда они еще далеко, но приближаются, Он подбегает и встречает, и, весь всех охватив, целует, и не напоми-

нает о прежнем, но любит настоящее, и устраивает праздник, и «созывает друзей», то есть добрых людей, чтобы в обители все с Ним порадовались (см.: Лк. 15 : 6). (Димофил же и если кто другой с добрыми людьми враждует, совершенно справедливо подвергается запрещению: пусть выучится прекрасному и подобреет). Разве же не подобало, сказал Он, Благому порадоваться спасению погибших и жизни умерших (см.: Лк. 15 : 24, 32)? Не задумываясь, и на плечи Он берет только что возвращенное от заблуждения, и добрых ангелов подвигет к радости, и «благ и к неблагодарным» (Лк. 6 : 35), и сияет солнцем Своим «на злых и на добрых» (см.: Мф. 5 : 45), и саму «душу Свою полагает за» отбегающих (см.: Ин. 10 : 11, 15).

Ты же, как показывает написанное тобой, и припавшего к священнику нечестивого, как ты сказал, грешника – не знаю как, приняв это на себя, оттолкнул. Он потом молил и объяснял, что пришел для уврачевания пороков, но ты не ужаснулся, но с яростью недостойно обошелся и с добрым священником, решившим помиловать нечестивого кающегося. И под конец сказал священнику: «Выйди вместе с подобными тебе». И, не имея на то права, заскочив в недоступное для тебя, принизил святая святых. А потом пишешь нам: «Я промыслительно спас готовое погибнуть священное и все еще сохраняю его неоскверненным».

А теперь слушай наши слова. Не подобает и выше тебя в служении находящимся, и равным тебе служителям поправлять священника, даже если кажется, что он нечестиво относится к Божественному, даже если бы оказалось, что он совершил что-то другое запрещенное. Ведь если отступление от определений и законоположений является безобразием и бесчинием в Божественнейшем, то не имеет оправдания даже ради Бога совершенное нарушение богопреданного порядка. Ибо Бог «в Себе» не «разделился», ибо «как тогда устоит царствие Его?» (Мф. 12 : 5–26; Мк. 3 : 24; Лк. 11 : 18). И если «Богу, – как Речения говорят, – принадлежит суд» (ср.: Ис. 30 : 18; Рим. 2 : 2), а иереи, следом за иерархами, возвестители (букв. – ангелы) и толкователи Божественных судов (ср.: Мал. 2 : 7), то ты от них подобающим тебе образом узнай Божественное через литургов – у людей, благодаря которым и быть служителем ты сподобился.

Или священные символы не это вопиют? И не просто ведь то, что святая святых для всех недоступно: приближается к нему прежде всего порядок священносовершителей, затем порядок иереев, а следом за ними – литургов. А для поставленных в чин служителей двери недоступного для входа запретны – двери, у которых они получают посвящение и предстоят, – не для того, чтобы их стеречь, но для порядка и для познания самих себя – скорее ближе к людям, нежели к священнослужителям. Вот почему святое чиноположение священных порядков священнополагает, чтобы они были причащаемы Божественного, поручая другим, то есть находящимся внутри, его им передавать. Ибо стоящие у Божественного жертвенника, можно символически сказать, зрят и слышат Божественное, сияющим им открывающееся, и, благообразно выходя к внешним по отношению к Божественным завесам послушным служителям, и священному народу, и очищаемым чинам, являют им святыню соответственно их достоинству, – прекрасно сохранявшееся не оскверненным до тех пор, пока ты не заскочил тиранически в святая святых и не принудил против воли вынести святыню. И сказал, что держишь и сохраняешь святыню, хотя и не знаешь, и не слышал, и не имеешь ничего из подобающего иереям, равно как и истину Речений не познал, каждый день спора о них для совращения слышащих.

Если ведь кто-нибудь покусится властвовать над народом, не получив на то приказа от царя, по справедливости ведь будет наказан. И не так же ли – если князя, оправдывающего кого-то или осуждающего, некий из предстоящих ему его подчиненных осмелится пересуживать (не говорю уж оскорблять, а притом и лишать власти)? Ты же, человеке, так же дерзок по отношению к кротому и доброму священнику и его священническому уставу?

Это следует говорить, когда кто-то, посягая на превосходящее его достоинство, думает, что поступает, как подобает. А это ведь недопустимо ни для кого. В самом деле, что неуместного сделали Озия, покадив Богу (см.: 2 Пар. 26 : 16–19), или Саул, принеся жертву (см.: 1 Цар. 13 : 9–14), или тиранические демоны, истинно богословствовав об Иисусе (Мк. 3 : 11–12)? Но отвергнут богословием

всякий вмешивающийся в чужое дело («чуждопосетитель») (1 Пет. 4 : 15); и каждый да пребудет в чину своей службы, и «один лишь архиерей пусть войдет в Святая святых лишь раз в году» (ср.: Исх. 30 : 10; Евр. 9 : 7), и то во всей полагающейся по Закону священноначальной чистоте (см.: Исх. 30 : 20–21; Лев. 16 : 4, 24). И только иереи имеют попечение о святом, а левиты не «прикасаются к святому, чтобы не умереть» (ср.: Чис. 4 : 19–20). И прогневался Господь яростью на несдержанность Озии, и Мариам покрылась проказой, дерзнув устанавливать правила для Законодавца (см.: Чис. 12 : 1, 10), и на сыновей Скевы наскочили бесы (см.: Деян. 19 : 13–16). И «Я не посылал их», – сказал Он, – «а они бежали», и «Я не говорил им, а они пророчествовали» (Иер. 23 : 21), и нечестивец, «приносящий Мне в жертву тельца, для Меня – словно убивающий пса» (ср.: Ис. 66 : 3). И просто сказать: справедливость Божия не терпит беззаконных. И когда они говорят: «С Твоим именем мы сотворили многие чудеса», Он отвечает: «Отойдите от Меня все, делающие беззакония» (ср.: Мф. 7 : 22–23).

Так что нельзя, как говорят священные Речения, даже тому, что справедливо, следовать не в соответствии с достоинством. Каждому подобает внимать себе, и не помышлять о высочайшем и глубочайшем, и разуместь только то, что ему дано сообразно его достоинству.

2. Почему же, – говоришь ты – не надо обвинять нечестивых или в чем-то ином неподобающем обличаемых священников, и одним лишь хвалящимся Законом позволительно «преступлением Закона бесчестить Бога» (Рим. 2 : 23)? И почему иереи суть изъявители Божии? Как могут они возвещать людям Божественные добродетели, сами не познав их силу? Или: способны ли просвещать потемненные? И как передают другим Святого Духа те, кто, есть ли Дух Святой, по-настоящему и поистине не уверовали?

Я отвечаю тебе на это (ибо не враг же Димифил, и я не стерплю, чтобы ты был похищен Сатаной). Каждый из окружающих Бога порядков более ведь богообразен, чем далее отстоящий от Него. И что ближе к Истинному свету, то и освещеннее и светлее. И не в смысле места пойми это отстояние, но в смысле пригод-

ности к боговосприятию. Если, таким образом, порядок иереев просвещающий, то человек не просвещающий совершенно, значит, отпал от священнического порядка и силы, а тем более – вообще непросвещенный. И мне кажется дерзким тот, кто посягает совершать дело священника, не боясь и не стыдясь исполнять Божественное вопреки достоинству, полагая, что Бог не знает того, что ему самому известно, и думая обмануть Того, Кого лжеименно называет отцом и осмеливается христовидно произносить свои скверные злохуления (не могу сказать «молитвы») перед Божественными символами. Таковой – не иерей, никак не иерей, но злой обманщик, поругатель себя и волк, облачившийся для нападения на Божественных людей в овечью шкуру (ср.: Мф. 7:15).

3. Но не Димофилу положено это исправлять. Ведь если и богословие повелевает следовать праведному (а следовать праведному – это хотеть воздать каждому по достоинству), то справедливо, чтобы все этому следовали не вопреки своему достоинству и чину, поскольку справедливо, чтобы и ангелам было воздано и уделено по достоинству, однако же – не нами, о Димофил, а нам – через них от Бога, и им – от еще более преимуществующих по положению ангелов. И просто сказать: во всем сущем через первых воздается вторым соответствующее их достоинству от благоупорядоченного и справедливейшего Промысла. Ведь те, кто поставлен Богом начальствовать над другими, по достоинству воздают следующим за ними и подчиненным. Пусть же Димофил уделит по достоинству своему разуму, гневу и вожделению, и да не нарушит свой чин, но возобладает над низшими превосходящий их разум. Ведь если на рынке мы увидим, что раб оскорбляет старца-хозяина, будучи моложе, или сын – отца, и нападает на него, и наносит раны, мы ведь сочтем, что он поступает нечестиво, и вряд ли не поможем, подбежав, старшим, хотя они, возможно, первыми поступили несправедливо, – как же тогда мы не устыдимся, наблюдая, как гнев и вожделение обижают разум, — отвергают данное Богом начало и сами собой воздвигают нечестивое и несправедливое бесчиние, распрю и беспорядок? Правильно наш блаженный от Бога посланный законоположник не удостоивает предстательствовать в Церкви

Божией того, кто прежде хорошо не предстательствовал в своем доме (ср.: 1 Тим. 3 : 12), ибо тот, кто учинил, как надо, себя, учинит и другого, а если другого, то и дом, а если дом, то и город, а если город, то и народ. И просто сказать, как говорят Речения, «верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом» (Лк. 16 : 10).

4. Сам ты уделяй по достоинству вожделению, гневу и разуму, тебе же уделят божественные литургии, а им – иереи, иереям же – иерархи, а иерархам – апостолы или преемники апостолов. И если кто-нибудь из них как-то погрешит против подобающего, то будет исправлен равночинными ему святыми, но соотношение чинов (букв. – чин на чин) не перевернется, но каждый в своем чине и в своем служении да пребывает.

Вот сколько сказано нами тебе в пользу того, что надо знать и делать свое дело. А что касается бесчеловечности, как ты говоришь, нечестивого и мерзкого мужа, то не знаю, как и оплакать сокрушение возлюбленного моего. Чьим, ты думаешь, служителем был ты нами поставлен? Ведь если не Благого, то всяко по необходимости ты должен быть полностью чужд и нас, и нашего служения. И тогда тебе пора поискать других и бога, и иереев, и при них скорее озвереть, нежели в добре преуспеть, и быть жестоким служителем милой тебе бесчеловечности. И разве же мы сами до совершенной святости усовершенствовались и не нуждаемся в Божественном человеколюбии по отношению к нам? Не двойной ли, как говорят Речения (ср.: Иер. 2 : 13), грех, подобно нечестивым, мы совершаем, не зная, в чем претываемся, но оправдывая себя и полагая, что что-то видим, поистине же ничего не видя (ср.: Рим. 1 : 22)? «Ужаснулось этому небо» (ср.: Иер. 2 : 12), и я затрепетал и не доверяю самому себе. И если бы я не получил написанное тобой – неподобающим, будь уверен, образом написанное – то не был бы убежден, хотя и некие другие люди сочли нужным заверить меня, что Димофил думает, что благой по всему Бог – не Человеколюбец, и что сам он не нуждается в Милующем или Спасующем, и даже священников отвергает, удостоенных Благостью носить неведения людей и хорошо знающих, что и они обложены немощью.

Но Богоначальный Священносовершитель шел иным путем. Будучи «отделенным, – как говорят священные Речения, – от грешников» (Евр. 7 : 26), любовь к Себе Он связал со способностью к кротчайшему по отношению к овцам пастырству (см.: Ин. 21 : 15–17). И Он называет злым рабом того, кто не вернул товарищу долг и не поделился частью дарованных ему многих благ, и приговаривает его получить самому от своего собственного зла (см.: Мф. 18 : 32–34), чего следует и мне, и Димофилу бояться. Даже ведь и тем, кто бесчестил Его в само время страдания, Он доставляет прощение от Отца (Лк. 23 : 34) и запрещает ученикам, когда они решили немилостиво осудить за нечестие прогнавших Его самаритян (Лк. 9 : 52–55).

И вот что включает многословие твоего свирепого послания (ибо и вверху, и внизу ты звучишь) – будто не за самого себя, но за Бога ты отомстил. Скажи мне, ты злом отмстил за Благого?

5. Отступи. «Мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших» (Евр. 4 : 15), но «беззлобен» Он (ср.: Евр. 7 : 26) и «милостив» (Евр. 2 : 17). Он «не воспрекословит, не возопиет» (Мф. 12 : 19; ср.: Ис. 42 : 2), и Он «кроток» (Мф. 11 : 29) и «милостив о грехах наших» (ср.: 1 Ин. 2 : 2). Так что мы не одобрим твои не вызывающие зависти порывы, даже если тысячи раз ты собой повторишь Финееса (см.: Час. 25 : 7–8) и Илию (см.: 3 Цар. 18 : 40). Ведь когда Иисус услышал, что Его ученики хотят этому подражать, они показались Ему непричастными кроткого и благого Духа (см.: Лк. 9 : 55; ср.: 1 Пет. 3 : 4). Ведь и наш божественнейший Священноположник с кротостью учит противящихся учению Божию. Ибо учить, а не мучить подобает незнающих, – как и слепых мы не наказываем, а руководствуем.

Ты же начинающего восклоняться к свету мужа, по щеке ударив, оттолкнул, свирепо прогнал человека, с большим сокрушением пришедшего, какового – и это большой ужас вызывает! – Христос, будучи благ, ищет заблудившегося по горам (см.: Мф. 18 : 12), и отбежавшего призывает, и, найдя, едва не на плечи берет (Лк. 15 : 5). Нет, прошу, не будем так дурно распоряжаться самими собой и вонзать меч в самих себя. Ведь те, кто пытается кого-то онеправдовать или, напротив, облагодетельствовать, – пусть не все, что хотят,

делают тем, — но, самим себе доставляя зло или добро, будут исполнены либо Божественными добродетелями, либо свирепыми страстями. И одни, последователи и спутники добрых ангелов и здесь и там, с полным миром и свободой от всех зол унаследуют в вечно сущий век блаженнейшие уделы и всегда будут с Богом (см.: 1 Фес. 4:17), что величайшее из всех благ. А другие отпадут от Божественного и своего собственного мира и здесь и по смерти пребудут со свирепыми бесами.

Ради этого нами предлагается большое старание, чтобы с Благим Богом быть и пребывать с Господом всегда, а не оказаться отлученным со злыми, заслуженно по своим делам претерпев, чего я больше всего боюсь и молюсь о том, чтобы пребыть всех зол непричастным.

А если хочешь, вспомним и видение некоего божественного мужа, и ты не посмейся, ибо я скажу истину.

6. Когда я как-то оказался на Крите, меня привечал священный Карп — муж, хоть и чуть странный, но из-за большой чистоты ума для боговидения пригоднейший. Так он не начинал священные совершения таинств, прежде чем не явится ему в предсовершательных молитвах благоприятное священное видение. И он говорил, что был однажды огорчен кем-то из неверующих. Он печалился оттого, что тот совратил кого-то от Церкви к безбожию, когда этот новокрещеный только еще совершал дни иларий. И необходимо было об обоих благоподобно помолиться и, взяв в помощники Бога-Спасителя, одного обратить, а другого благостью победить и не покинуть, уча всю жизнь и доньше, и таким образом возвести их к Божественному знанию, чтобы, даже если бы их раздирали сомнения и они неразумно ожесточались, были бы вынуждены оставаться по закону справедливости здоровыми (*букв.* — целомудрствовать). Но не стерпев этого прежде всего в себе, не знаю, как, исполнившись тогда некими многими злыми замыслами и горечью, он в таком плохом состоянии лег спать, ибо был вечер. Около же полуночи — а у него был обычай в это время бодрствовать в уединении для пения Божественных гимнов — он поднимается, не насладившись без волнения покоем из-за многих снов, всегда прерывав-

шихся. Стоя, однако же, на Божественной беседе, он неблагочестиво скорбел, горевал и говорил, что несправедливо, если останутся живы безбожные люди, развращающие «правые пути Господни» (Ос. 14 : 10; ср.: Деян. 13 : 10). И говоря это, молил Бога, чтобы какая-нибудь молния без пощады лишила жизни обоих разом.

И когда он это сказал, вдруг – говорил он – показалось ему, что он видит, что дом, в котором он стоит, сначала поколебался, а затем разделился с самого верха на две половины, и перед ним вспыхнул с небес и на него опускается некий очень яркий огонь (ему ведь казалось тогда, что крыши нет), а небо открыто, а на небе – беспредельный Иисус с предстоящими Ему человековидными ангелами. Он видел это, глядя вверх, и удивлялся. Наклонившись же вниз, Карп, сказал он, увидел в земле некую темную разверзшуюся и зияющую пропасть и – что те мужи, которых он проклинал, стоят перед ним у края этой пропасти, жалкие, трепещущие так, что больше не могут держаться из-за неустойчивости их ног. А снизу, из устья пропасти, выползают и ползают вокруг их ног змеи, и то тащат их, обвившись, одновременно и утяжеляя, и увлекая, то зубами или хвостами бьют и подталкивают, всячески стараясь столкнуть их в пропасть. Были и некие люди среди змей, на этих мужей нападающие, толкающие их, дергающие и бьющие. И казалось, что те вот-вот упадут, отчасти невольно, отчасти вольно, понемногу понуждаемые и убеждаемые злом.

И говорил Карп, что, глядя вниз, он радовался, а наверх не обращал внимания, только досадовал и испытывал нетерпение оттого, что те двое еще не упали, и на деле часто их, ослабевших, старался столкнуть, и огорчался от того, что не мог этого сделать, и проклинал их. И опять он поднял глаза, чтобы вновь увидеть, как и прежде, небо, и увидел, что Иисус, глядя на происходящее, сжалился, встал с пренебесного престола, сошел к тем мужам и подал им добрую руку, и ангелы с Ним вместе их восприняли, поддерживая их с других сторон. И сказал Иисус Карпу: «Бей теперь Меня уже занесенной рукой. Я ведь снова готов пострадать за спасаемых людей; Мне ведь тоже хочется, чтобы другие люди не согрешали. Однако же смотри, не кажется ли тебе, что пребывание в пропасти

со змеями хорошо бы заменить пребыванием с Богом и добрыми и человеколюбивыми ангелами?»

Вот что выслушав, я верю, что это на самом деле было.

ПОСЛАНИЕ 9*

*Титу иерарху [вопросившему посланием,
что такое дом Премудрости,
что чаща и что еда ее и питание]*

1. Я не знаю, о добрый Тит, ушел ли священный Тимофей, не услышав чего-нибудь о богословских символах. Но в «Символическом богословии» мы хорошо растолковали ему все кажущееся многим диковинным в Речениях о Боге. Ведь нелепость страшную внушают несовершенным душой людям неизреченной премудрости отцы, когда некими сокровенными и дерзновенными гаданиями открывают Божественную и таинственную, недоступную для скверных истину.

Потому-то и не верят многие из нас словам о Божественных таинствах: ибо мы воспринимаем их только через приращенные к ним доступные чувствам символы. Подобаает же и раскрытыми, самими по себе, обнаженными и чистыми видеть их. Только так ведь их видя, мы сможем почтить «Источник жизни» (Пс. 35 : 10), созерцая его в Себя Самого изливающимся и Самим по Себе стоящим, и некую единую Силу, простую, самодвижущуюся, неоскудевающую в Себе, но являющуюся ведением всех ведений и всегда через Себя Себя созерцающую.

Подобаает, подумалось нам, чтобы мы ему и другим раскрыли по мере возможности различные виды применяемой к Богу символической священнообразности. Ибо то, что вне ее, исполнено столь невероятным и бредовым вымыслом! Например, применительно к сверхсущественному богорождению измышлена Божья утроба, телесно Бога родившая; написано о слове, в воздух испус-

* Извлечения из кн.: *Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника.* СПб. : Алетейя, 2002. С. 828–853.

каемом из изрыгающего его мужеского сердца, и о духе, из уст выдыхаемом; и утробы богородящие, носящие Сына Божия, воспиты перед нами, как приличествовало бы телесным; или в образе сада представлены некие деревья, побеги, ростки, цветы и корни; или – извергающиеся источники вод; или светорождения, производящие воссияния; и некие иные изъяснительные священнописания сверхсущественных богословий. Для обозначения же умных Божиих промыслов, дарований, проявлений, сил, свойств, жребиев, обителей, исхождений, разделений и соединений – человеческий образ и многообразие диких зверей и других животных, и растений, и камней кругом к Богу поналеплено; и выдуманно, что женские украшения и оружие варварского производства Им на Себя надеты; и глина и плавильня, словно ремесленнику, приданы Ему; и лошади, и колесницы, и троны подставлены; и некие пиршества изысканные приготовлены; и что Он пьет и упивается, и что спит и в похмелье бывает, понавдуманно.

Что и говорить о гневе, скорби, о различных клятвах, раскаяниях, проклятиях, злобствованиях, о многообразных и запутанных выдумках с целью нарушить обещания, о гигантомахии, по книге Бытия, согласно которой, говорят они, устраивают из страха заговоры те сильные мужи; и это поучение для назидания – не во вред кому-то другому, но ради спасения себя выдумщиками; и об этом совете на небесах, устрояемом против обмана и хитрости Ахава (3 Цар. 21); и о свойственной Песни Песней вещественной и блудной многострастности; и обо всех остальных, сколько смелости есть, священных условных знаках боговыражения из числа тайных, выставленных и ставших делимыми из единых и неделимых, образными и многовидными из единых и необразных, коих скрытую красоту если бы кто смог увидеть, нашел бы все таинственным и боговидным и исполненным яркого богословского света.

Да не подумаем, что видимые условные знаки созданы ради них самих: они ведь прикрывают неизреченное и невидимое для многих знание, чтобы не стало доступным для непосвященных все-святое и чтобы открывалось оно только истинным приверженцам благочестия, всякую ребяческую фантазию от того, что касается

священных символов, удалившим и способным благодаря простоте ума и свойству умозрительной силы восходить к простой сверхъестественной находящейся выше символов истине.

Однако же и то подобает разуметь, что богословское учение двояко: одно – неизреченно и таинственно, другое – явлено и постижимо; одно символическое и ведущее к таинствам, другое философское и аподиктическое; так что в слове соплетено с выразимым невыразимое. Одно убеждает и делает связной истину говоримого, другое же действует и утверждает в Боге ненаучимыми тайноводствами.

Ведь и при отправлении святейших таинств наши служители, как и служители законного предания, от боголепных символов не отказались. Видим также и всесвятейших ангелов через гадания таинственно открывающими Божественное и Самого Иисуса в притчах богословствующим и преподающим богодейственные таинства с помощью образа трапезы. И подобало ведь не только, чтобы святая святых сохранялась недоступным для многих, но чтобы и сама человеческая жизнь, неделимая и одновременно делимая, осиявалась подобающим ей образом Божественными знаниями и чтобы бесстрастная часть души созерцала простые и глубочайшие зрелища из числа богоподобных картин, а страстная по-родственному служила ей и тянулась к Божественнейшему, пользуясь заранее подготовленными из формирующих символов образами, поскольку врождены таковые прикрытия и обнаруживают тех, кто и помимо покровов, богословию явному вняв, созидает в себе некий образ, руководствующий к постижению названного богословия.

2. И само миротворение всего видимого происходит из невидимого Божия, как говорит и Павел, и истинное Слово. Отчего богословы и рассматривают одно с точки зрения общества и закона, другое – с точки зрения очищения и чистоты; одно как человеческое и посредствующее, а другое как сверхмирное и совершающее таинства; одно как идущее от законов явленных, а другое – от неявленных установлений, соответствующих тем или иным священным Писаниям, умам и душам. Ибо не простую историю, но животворное совершенство содержит раз и навсегда предлагающее им Слово.

Надлежит, стало быть, и нам – вопреки общему об этом мнению – обращаться подобающим священному образу вовнутрь священных символов, а не пренебрегать ими, являющимися следами, оттисками и явными образами невыразимых и поразительных Божественных видений. Ибо не только сверхсущественные умственные свету, но и вообще Божественное различается по изобразительным символам, как, например, сверхсущественный Бог называется «огонь», а умопостигаемые Божии Речения – «огненными». К тому же и боговидные чины умопостигаемых и разумных ангелов изображаются во многих различных видах и огненных убранствах. И иначе следует понимать один и тот же образ огня в применении к сверхразумению Божию, иначе же – к Его умопостигаемым промышлениям, или словесам, и иначе – применительно к ангелам: в одном случае имеется в виду причина, в другом бытие, в третьем причастие, в иных – иное, что определяется их рассмотрением и умопостигаемым порядком. И подобает не смешивать как придется священные символы, но раскрывать их соответственно или причинам, или образам бытия, или силам, или чинам, или достоинствам, каковым они служат проявляющими условными знаками.

И чтобы не сообщить сверх надлежащего, вернемся к уже предложенному нами разысканию. И скажем, что всякая пища есть совершенствователь питаемых, несовершенство их и недостаток восполняющий, слабость врачующий, жизнь их сохраняющий, новое цветение ей доставляющий и ее обновляющий, животворное наслаждение им дарующий, и вообще она огорчающего и несовершенного отгонительница, веселия же и совершенства их подательница.

3. Хорошо ведь сверхпремудрая и благая Премудрость Речениями воспевается, как чашу тайную поставляющая и священное свое питие изливающая, скорее же – прежде того твердую пищу предлагающая и с высоким проповеданием сама нуждающихся в ней благолепно приглашающая. Двойную ведь пищу Божественная Премудрость предлагает: одну – твердую, плотную, а другую – жидкую, изливаемую, каковую и подает в чаше промыслительной ее благодати. Чаша, округлая и открытая, да будет символом откры-

того и на все исходящего безначального и нескончаемого обо всех промысла. Хотя и на все распространяется, пребывает он, однако же, в себе самом и стоит в недвижимом тождестве, совершенно из себя неисходно утвержден; неподвижно и крепко стоит чаша.

О Премудрости же, что она создает себе дом и в нем предлагает твердую пищу, и питье, и чашу, говорится, чтобы всем Божественное благолепно накапливающим было ясно, что и Промыслом совершенным является Виновник бытия и благого бытия всего, и на все распространяется, и во всем оказывается, и все объемлет, и вновь Сам в Себе по преимуществу остается, и ничем ни в чем никоим образом не является, но устраняется всего, Сам в Себе тождественно и вечно будучи, стоя и пребывая, и всегда одним и тем же неизменным являясь, и никогда вне Себя не оказываясь, ни от своего собственного седалища и неподвижного пребывалища и очага не отлучаясь, но в Себе и все совершенные промыслы благодетельствуя, и происходя на все, и оставаясь Сам по Себе, и покаясь вечно, и двигаясь, и ни покаясь, ни двигаясь, но, если так можно сказать, промыслительные действия в неподвижности и неподвижность в промысле неразрывно и совершенно имея.

4. Но что такое твердая пища и что жидкая? Их ведь подательницей и промышленницей воспевается благая Премудрость. Твердая пища служит, как я думаю, знаком разумного и неколебимого совершенства и тождества, благодаря которым Божественное с его постоянным, сильным, единым и нераздельным разумом становится причастным для тех разумных чувствилищ, которым божественнейший Павел, приняв от Премудрости, воистину твердую пищу подает. Жидкая же – символ разливаемого и до всего спешащего дойти течения, различными, многими и разделяющимися путями к простому и спокойному богопознанию питаемых соответствующими им благами руководящего. Потому-то и уподобляются Божественные умопостигаемые Речения росе, воде, молоку, вину и меду: из-за живородной их, как у воды, силы, растительной, как у молока, оживляющей, как у вина, и очищающей, а также и предохраняющей, как у меда. Их ведь Божественная Премудрость дарует приходящим, подавая и щедро изливая поток изобильных и неистощи-

мых яств. Это ведь значит воистину угощать. Потому-то она и воспевается как животворительница, а также младопитательница, обновительница и совершенствовательница.

5. В соответствии с этим священным раскрытием образа пира и самом всяческого добра виновнике, Боге, говорится, что Он упивается, – из-за преизобильного, превосходящего воображение Его пиршества, или, точнее сказать, по причине совершенного состояния Божия и невыразимой Его безмерности. Как ведь у нас, в низком смысле, опьянением является непомерное наполнение вином и иступление из ума и рассудка, так и в более высоком смысле, применительно к Богу, под опьянением следует разуть не что иное, как преизобильную, по причине того, что она – в Нем, безмерность всех благ. Также и сопутствующее пьянству умоиступление следует понимать как превосходящее мысль превосходство Божие, соответственно которому возвышается над мышлением Сущий выше мышления, выше разума и выше самого бытия. И просто всем, сколько ни есть добра, упоен и оттого иступлен Бог как разом всем этим переполненный и при этом – безмерности всякой чрезвычайность! – сущий вне и за пределами всего.

Исходя из этого, и пиры преподобных в Царствии Божиим по тому же да разумеем образу. «Подходя ведь, – сказано, – сам царь усадит их и сам послужит им» (ср.: Лк. 12 : 37). Выражает же это некое общее и единомысленное единение святых в приобщении к Божественным благам, и «Церковь первенцев, написанных на небесах» (Евр. 12 : 23), и духи праведных, всеми благами усовершенствованные и всех благ исполненные. А возлежание понимаем как отдохновение от многих трудов, беззаботную жизнь, боговдохновенное жителство в свете и стране живых, наполненное всяческим священным наслаждением, и обильное подаяние доставляющих блаженство различных благ, отчего радостью всяческой наполняются от самого радующего их Иисуса, и усадившего их, и прислуживающего, и вечный покой дарующего, и преисполнение удовольствий раздающего и разом источающего.

6. Ты будешь, я хорошо знаю, добиваться, чтобы было раскрыто значение и эвфемистического сна Божия, и бодрствования. И когда

мы скажем, что Божественный сон – это удаленность Божия и непричастность для тех, о ком Он промышляет, а бдение – забота о том, чтобы промышлять о воспитании и спасении тех, кто в этом нуждается, ты перейдешь к другим богословским символам.

Почему и полагая излишним, то же тем же окружая, думать, что там подразумевается нечто другое, а притом и соглашаясь последовать вам в добре, послание на сказанном заканчиваем, изложив в наших писаниях, как мне кажется, даже больше того, что было должно.

И само полное наше «Символическое богословие» тебе посылаем, где ты найдешь, наряду с Домом Премудрости и семьей столпами, исследованными по отдельности, и твердую пищу, на жертвы и хлебы разделенную. В нем обстоятельнее разъясняется также и что такое растворение вина, и что такое похмелье Бога от пьянства, и само ныне сказанное. Да и всех символических богословий, как я думаю, оно является благим раскрытием, соответствующим Речений священным преданиям и истинам.

Вопросы для обсуждения

1. Зачем, по вашему мнению, автор использует такие противоречивые формулировки, как «пресветлый мрак», «сияние тьмы», «ничего-незнанием уразумевая»?
2. Почему автор настаивает в книге «О мистическом богословии»: «Смотри, однако же, чтобы никто из непосвященных об этом не услышал»? Как подобный наказ соотносится с заповедью любви?
3. Каковы ступени восхождения к созерцанию Божества?
4. Что такое иерархия в понимании автора «Ареопагитик»?
5. Как понимается символизм и как он используется в «Ареопагитиках»?

Глава 8

ФИЛОСОФСКИЕ ИТОГИ АНТИЧНОСТИ И ПРЕДУГОТОВЛЕНИЕ СХОЛАСТИКИ БОЭЦИЙ

(ок. 480 – ок. 525)

Античность завершается к VI столетию. В VI в. христианские власти закрывают Академию Платона, что можно считать знаком ее завершения. Два столетия – пятое и шестое – очень важны, поскольку именно на это время приходится деятельность тех авторов, что выполняют важнейшую задачу обобщения античного интеллектуального опыта и его переработки для условий новой эпохи и тем самым выступают посредниками между Античностью и Средневековьем. Среди них важнейшие – Марциан Капелла, написавший книгу «О браке Филологии и Меркурия», выводящую канонический образ семи свободных наук, Флавий Кассиодор с его «Наставлениями» (*Institutiones*), определяющими обязанности ученых монахов и образованных христиан, а также Северин Боэций.

Аниций Манлий Торкват Северин Боэций родился около 480 г. в Риме. Учился в Риме, где, возможно, слушал и греческих учителей философии. Был прославлен своей универсальной ученостью (ему, между прочим, принадлежит единственное в своем роде сочинение о музыке «*De institutione musica*» («О музыкальном установлении»)), но в особенности знанием греческих философских классиков. Им был задуман полный перевод на латинский язык сочинений Платона и Аристотеля. Служил при дворе Теодориха и достиг большого влияния, но вследствие дворцовых интриг был обвинен в заговоре и казнен около 525 г. Находясь в тюрьме и ожидая казни, написал знаменитую книгу «*Consolatio Philosophiae*», «Утешение философии» (в русском переводе – «Утешение философией»), многообразно повлиявшую на средневековую философию и литературу. Главная заслуга Боэция – передача греческой философской культуры, в первую очередь диалектики и логики латинскому миру и далее – Средневековью. Под прямым влиянием сочинения Боэция «Комментарий на “Введение” Порфирия»

в средневековой философии была сформулирована знаменитая проблема универсалий. Примером применения диалектики к теологическим проблемам может служить идущий далее небольшой текст. Не случайно в этой связи определение Боэция как «отца схоластики» (М. Гробман).

Могут ли «Отец», «Сын» и «Святой Дух» сказываться о Божестве субстанциально. К Иоанну диакону*

Исследуем, как могут сказываться о божестве «Отец», и «Сын», и «Святой Дух»: субстанциально или как-нибудь иначе? А способ исследования, я думаю, мы должны взять оттуда, откуда, как известно, является нам очевидное начало всех вещей, то есть из самих оснований католической веры. Тогда если я спросил бы, является ли субстанцией тот, кто называется Отцом, то ответ был бы: да, Он есть субстанция. И если бы я спросил, субстанция ли Сын, ответ был бы тем же. И никто не усомнился бы, что и Святой Дух также есть субстанция. Но, с другой стороны, когда я свожу вместе Отца, Сына и Святого Духа, оказывается, что есть [только] одна субстанция, а не несколько (*plures*). В таком случае единая субстанция этих Трех не может ни отделяться, ни разделяться, и она не есть как бы некое единое, образованное соединением [своих] частей, но есть просто единая. Поэтому, что бы ни высказывалось о Божественной субстанции, все это должно быть общим для Трех, и это будет своего рода признаком того, что могло бы сказываться о субстанции божества, а именно что бы о ней ни сказывалось этим способом, все это будет сказываться и по отдельности об отдельных сведениях в одно Трех. Таким образом, если мы говорим: «Отец – Бог, Сын – Бог, Святой Дух – Бог», то Отец, Сын и Святой Дух – это один Бог. Поэтому если их единое божество (*deitas*) есть единая субстанция, то имя «Бог» может сказываться о Божественности (*divinitas*) субстанциально.

* Извлечения из кн.: *Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты* / пер. Т. Ю. Бородай. М. : Наука, 1996. С. 127–128, 243.

По той же причине Отец есть истина, Сын – истина, Святой Дух – истина; но Отец, Сын и Святой Дух – не три истины, а одна (2). Значит, если единая в них субстанция есть и единая истина, то необходимо, чтобы «истина» сказывалась [о них] субстанциально. Очевидно, что субстанциально говорится и о «благодати» и «неизменяемости», и о «справедливости» и «всесовершенстве», да и обо всем остальном, что мы высказываем настолько же об отдельных [из них], насколько и обо всех по отдельности (*singulariter*). Отсюда явствует, что то, что может отдельно сказываться в отношении отдельных [из них] и, однако, не может сказываться в отношении всех, сказывается не субстанциально, а иным образом – действительно ли это так, будет сейчас мною исследовано. Ведь тот, кто есть «Отец», не передает это наименование ни Сыну, ни Святому Духу. Из чего следует, что приданное Ему имя не является субстанциальным, ибо если бы оно было субстанциальным, как «Бог» или как «истина», «справедливость», да и как сама «субстанция», оно сказывалось бы и об остальных.

Точно так же один только «Сын» принимает это свое имя и не делит его с другими, как в случае с [наименованиями] «Бога», «истины» и как в остальных уже упомянутых случаях. Также и «Дух» не есть то же самое, что «Отец» и «Сын». На основании этого мы постигаем, что «Отец», «Сын» и «Святой Дух» не субстанциально сказываются о самой божественности, а каким-то иным способом, ибо если бы [каждое из этих наименований] сказывалось субстанциально, то оно сказывалось бы и об отдельных [из них], и обо всех [них] по отдельности. Очевидно, что такие [наименования] сказываются в отношении к чему-то; ибо и «Отец» есть отец кого-то, и «Сын» есть чей-то сын, и «Дух» есть чей-то дух. Отсюда следует, что даже и «Троица» не сказывается о Боге субстанциально, так как Отец не есть Троица (ибо тот, кто есть Отец, не есть Сын и Святой Дух), и Сын не есть Троица, и Святой Дух – не Троица согласно тому же способу [рассуждения], но Троица состоит именно в множественности лиц (*personae*), а единство – в простоте субстанции.

Если же лица раздельны, а субстанция нераздельна, необходимо, чтобы наименование, имеющее происхождение от лиц, не при-

надлежало субстанции; но Троицу лиц порождает различие, следовательно, «Троица» не принадлежит к субстанции. Откуда и происходит, что ни «Отец», ни «Сын», ни «Святой Дух», ни «Троица» не сказываются о Боге субстанциально, но, как уже было сказано, в отношении к чему-то. «Бог» же, «истина», «справедливость», «всегомогущество», «субстанция», «неизменяемость», «добродетель», «мудрость» и все, что только можно измыслить такого рода, сказываются о божестве (divinitas) субстанциально.

Если все это окажется правильным и вытекающим из [положений] веры, прошу тебя, дай мне об этом знать. А если ты, паче чаяния, в чем-то не согласен, обдумай тщательнее то, что здесь сказано, и, если будет возможно, присоедини к вере разум.

Вопросы для обсуждения

1. Какой смысл вкладывается автором в понятие субстанции? Что значит «сказываться о чем-либо субстанционально»?
2. Как используется в тексте трактата философское наследие Аристотеля, в первую очередь его трактат «Категории»?
3. Как можно развернуть заключительную формулу этого трактата (обращенного как письмо реальному адресату): «присоедини к вере разум»?

Учебное издание

Кудрявцева Валентина Ивановна
Меньшиков Андрей Сергеевич
Пургин Сергей Петрович
Циплакова Юлия Владимировна

ИСТОРИЯ
ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ
СРЕДНИЕ ВЕКА:
АПОЛОГЕТИКА И ПАТРИСТИКА

Учебное пособие

Заведующий редакцией *М. А. Овечкина*
Редактор *Е. В. Березина*
Корректор *Е. В. Березина*
Компьютерная верстка *Г. Б. Головиной*

План изданий 2016 г. Подписано в печать 05.05.2016.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 17,6. Усл. печ. л. 18,83. Тираж 70 экз. Заказ 91.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: + (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru

Для заметок

